

ХРИСТИАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

VI.

ВЫПУСКЪ III.

Изданіе Россійской Академіи Наукъ.

Содержаніе:

Бартольдъ, В. Халифъ Омаръ II и противорѣчивыя извѣстія о его личности (стр. 203—234). Адонцъ, Н. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ. I. (стр. 235—272). Ирачковскій, И. Христиане и христіанскіе термины у мусульманскаго поэта XII вѣка въ Багдадѣ (стр. 273—280). Меликсетъ-Беновъ, Л. Къ біографіи священника Филиппа Кайтмазова (стр. 281—284). Марръ, Н. Два грузинскіе архитектурныхъ термина — «ъчранла» и «балавар» (стр. 285—298).	Танайшвили, Е. Древности Гулекарской церкви (стр. 299—302). Жебелевъ, С. Христосъ — плотникъ (стр. 303—314). Меликсетъ-Беновъ, Л. Фрагментъ грузинской версіи «Дѣтства Христа» (стр. 315—320). Марръ, Н. «Тронъ» или «икона»? (321—324). Тураевъ, Б. Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ (стр. 325—333). Марръ, Н. Памяти Г. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломія (стр. 334—340). Разныя извѣстія и замѣтки (341—359). Рисунки на таблицахъ II—IX.

ПЕТРОГРАДЪ.

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1922.

СОКРАЩЕНИЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MacIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MacB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MélBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth.
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der Preussischen Akademie. M	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche I		

Годы 6~9.

1917-1920.

ХРИСТИАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ VI.

Изданіе Россійской Академіи Наукъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1922.

Напечатано по распоряжению Российской Академии Наукъ.

1922 г. Июль

Непрерывный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Выпускъ I.

	Страницы.
Бриллиантовъ, А. О мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника	1—62
Тураевъ, Б. Изъ эоипской литературы.	
I. Псалмы, какъ заговоры	63—74
II. Веліалъ и его узы	74—82
III. Новая рукопись чудесъ Св. Троицы	82—86
Разныя извѣстія и замѣтки	87—97
<p>Къ возрожденію грузинской церкви (87). Н. М.: Изъ современной арабской литературы (87—90). Л. Мелисетъ-Бекъ: Къ этимологіи названій «Мицхета» и «Циѣамур-и» (90—92). Л. М.-Б.: Никиты Стиѣата, іеромонаха Студійскаго, «Опроверженіе армянской ереси», грузинская версія (92—93). Л. М.-Л.: Нѣсколько словъ о терминѣ «сомех» (93—94). Л. М.-Б.: Гадженкъ-Гачіанъ (94—95). Л. М.-Б.: Къ вопросу о системахъ пунктуациі въ древней Грузіи (95). Н. М.: О «Набарнуги», мірскомъ имени Петра Ивера (95—97). Н. М.: О транскрипціи кавказскихъ собственныхъ именъ (97).</p>	
Критика	98—106
<p>Г. Н. Чубиновъ: <i>Θ. И. Шмидтъ</i>. Замѣтки о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ.</p>	

Выпускъ II.

Дьяконовъ, А. Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Мар-Евгенѣ	107—174
Блэйкъ, Р. П. По поводу даты армянскаго перевода «Церковной Исторіи» Сократа Схоластика	174—188
Жрачковскій, И. О переводѣ Библии на арабскій языкъ при халифѣ ал-Ма'мунѣ	189—196
Орбели, І. Фрагментъ крестнаго камня съ арабской надписью въ Тифлисѣ	197—202
Рисунокъ на таблицѣ	I

Выпускъ III.

	Страницы.
Бартольдъ, В. Халифъ Омаръ II и противорѣчивыя извѣстія о его личности	203—234
Адонцъ, Н. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ. I.	235—272
Крачковскій, И. Христіане и христіанскіе термины у мусульманскаго поэта XII вѣка въ Багдадѣ	273—280
Меликсетъ-Беконъ, Л. Къ біографіи священника Филиппа Кайтмазова (XVIII вѣка)	281—284
Марръ, Н. Два грузинскіе архитектурныхъ термина — «ачрдилъ» и «балаваръ»	285—298
Такайшвили, Е. Древности Гулекарской церкви	299—302
Жебелевъ, С. Христосъ — плотникъ	303—314
Меликсетъ-Беконъ, Л. Фрагментъ грузинской версіи «Дѣтства Христа»	315—320
Марръ, Н. «Тронъ» или «икона»?	321—324
Тураевъ, Б. Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ	325—333
Марръ, Н. Памяти I. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломія	334—340
Разныя извѣстія и замѣтки	341—353

Л. Меликсетъ-Беконъ: Сигель грузинскаго царя Ираклія II о князьяхъ Аргутинскихъ (341—343). Н. М.: О фрагментѣ грузинской версіи «Дѣтства Христа» (343—347). Н. М.: Изъ гурійскихъ народныхъ преданій о постройкѣ Зарзмскаго монастыря съ преданіями о переселенцахъ изъ Месхіи и Абхазіи въ Гурію (347—350). Н. М.: Имена. Бутъ и Юасафъ въ армянскомъ быту (351—352). Н. М.: Якутскія параллели къ бытовымъ религіознымъ явленіямъ у кавказскихъ яфетидовъ (352—353).

СОКРАЩЕНІЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MAcIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MAcB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TU	Texte und Untersuchungen.
ΝΣ	Νέα Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ŽÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	BB	Богословскій Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	ВВр	Византийскій Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНПр	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Археол. Коммиссіи.
RACL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАП	Изв. Извѣстія Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрхИнстКН	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологіи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСоѡ	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК	СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевскоіи Духовноіи Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ХВ	Христіанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անասիր.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	Աբ	Աբրահամ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Ազգադրական Հանդէս.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲԿ	Բարձրագիտ.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	Գա	Գեղարուեստ.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդէս Ամսօրեայ.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		
TLZ	Theologische Literaturzeitung.		

Халифъ Омаръ II и противорѣчивыя извѣстія о его личности.

Трехлѣтнее правленіе халифа Омара II (717—720) было совершенно исключительнымъ эпизодомъ не только въ исторіи династіи Омейядовъ, но вообще въ исторіи мусульманской государственной жизни. Омейяды, по отзыву историковъ, превратили религіозную общину въ свѣтское государство и правили, какъ «цари», въ отлчіе отъ праведныхъ «халифовъ»; Омара II иногда называли пятымъ праведнымъ халифомъ¹, т. е. ставили его наравнѣ съ Абу-Бекромъ, Омаромъ, Османомъ и Алиемъ. Для послѣдующихъ временъ онъ остался идеаломъ благочестиваго мусульманскаго государя, какого не могъ создать воцарившійся послѣ паденія Омейядовъ «домъ посланника Божьяго». Прославляя кратковременное правленіе одного изъ послѣднихъ аббасидскихъ халифовъ, Захпра (1225—26), Ибн-ал-Асиръ говоритъ, что этотъ халифъ напомнилъ мусульманамъ времена Омара II².

Европейскіе историки-ориенталисты, писавшіе объ Омарѣ II, обыкновенно изображали его искреннимъ, но непрактичнымъ, даже ограниченнымъ идеалистомъ, который былъ готовъ принести въ жертву своимъ религіознымъ утоціямъ всѣ интересы созданной его предшественниками имперіи. Въ противоположность этому, Вельхаузенъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ, вышедшемъ въ 1902 г.³, видитъ въ халифѣ идеалиста-реформатора, ста-

¹ Goldziher, Muh. Studien, II, 34. Выраженіе *وهو أحد الخلفاء الراشدين* также у Навави, Biogr. diction., p. 464; ссылка на Суфьяна тамъ-же, p. 465.

² Ibn el-Athir ed. Tornberg XII, 287; ср. Миръ Ислама, I (1912), 225.

³ Das Arabische Reich und sein Sturz, S. 166 f.; особенно стр. 190: «Wie vieles auch unklar bleibt, eins ist doch ziemlich klar, dass man nämlich sich lächerlich macht, wenn man diesen Chalifen mit überlegenem Spote behandelt, wozu schon Dozy das Signal gegeben hat». Вельхаузенъ больше всего полемизируетъ съ Кремеромъ и А. Мюллеромъ и не упоминаетъ о выраженіи Нельдеке (Or. Skizzen, S. 87 f.): «des äusserst braven, aber beschränkten Idealisten Omar II».

вивнаго себѣ вполне разумнаго цѣли, хотя иногда превышавшія его силы. Вельхаузенъ старается доказать, что благочестивый халифъ заботился не только о спасеніи своей души, но и о благѣ своихъ подданныхъ, что его стремленіе оградить подданныхъ отъ притѣсненій и примирить съ династіей, безъ существеннаго ущерба для государства и казны, всѣ оппозиціонные элементы отнюдь не свидѣтельствуетъ ни объ ограниченности, ни о политической близорукости. Доводы Вельхаузена не имѣли большого успѣха; въ популярной, но составленной специалистомъ книгѣ объ исламѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1914 г., Омаръ II изображается, какъ *Idealerscheinung eines unmännlichen Schwärmers*¹.

Вельхаузенъ, дѣйствительно, приписываетъ Омару II черты, едва ли совмѣстимыя въ одномъ лицѣ. Халифъ изображенъ какъ искусный политикъ и въ то же время какъ стойкій и послѣдовательный идеалистъ, еще въ ранней молодости усвоившій тѣ религіозныя традиціи, которымъ потомъ служилъ всю жизнь и которыя получили господство въ его царствованіи. Омаръ II, по словамъ Вельхаузена, родился въ Мединѣ, провелъ тамъ большую часть своей молодости и вполне проникся «традиціями города пророка»². Послѣ смерти его отца Абд-ал-Азиза халифъ Абд-ал-Меликъ вызвалъ его въ Дамаскъ и выдалъ за него свою дочь; впоследствии, при халифѣ Валидѣ I (705—715) онъ вернулся въ Медину въ качествѣ намѣстника, причемъ халифъ этимъ назначеніемъ хотѣлъ привлечь на свою сторону религіозные круги. Черезъ нѣсколько лѣтъ Валидъ былъ принужденъ изложить Омара по требованію Хаджжаджа, такъ какъ подъ управленіемъ Омара Хиджазъ сдѣлался убѣжищемъ для всѣхъ спасавшихся отъ преслѣдованій Хаджжаджа религіозныхъ элементовъ Ирака; вообще Омаръ въ Мединѣ поддерживалъ связи съ представителями религіознаго благочестія, не обращая вниманія на ихъ враждебное отношеніе къ омейядскому правительству. Когда халифъ Сулейманъ передъ смертью не зналъ, кого назначить своимъ наследникомъ, придворный богословъ Раджаъ ибн-Хайва убѣдилъ его совершить богоугодное дѣло и завѣщать халифатъ своему благочестивому двоюродному брату³.

Вельхаузенъ воспроизводитъ традицію, переданную у Табари и восходящую къ Вакиди (умеръ въ 823 г.); умалчивается о томъ, что рядомъ съ этой традиціей существуетъ другая, по которой Омаръ II послѣ вступле-

¹ Tr. Mann, *Der Islam einst und jetzt*, S. 86. Ср. также слова А. Е. Крымскаго *Исторія арабовъ*, изд. 1912 г., ч. II, стр. 128) о «святошѣ Омарѣ II».

² *Das Arab. Reich*, S. 166: «Er nährte sich an der Tradition der Stadt des Propheten».

³ *Ibid.*, S. 165.

ній на престолъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ раньше. Между тѣмъ эта вторая традиція, восходящая, повидимому¹, къ современнику Вакиди, Мадаини, находится въ большемъ согласіи съ фактами, пзъ которыхъ нѣкоторые были настолько извѣстны, что о нихъ не могъ умолчать даже Вакиди. Самый яркій изъ этихъ фактовъ — казнь Хубейба, сына Абдаллаха ибн-Зубейра. По разсказу Я'куби², Омаръ получилъ отъ халифа Валида приказаніе расширить «мечеть посланника Божьяго» и для этого разрушить находившіяся рядомъ съ мечетью хижины женъ пророка. Когда приступили къ работѣ, Хубейбъ сталъ заклинять Омара не трогать построекъ, упоминаемыхъ въ Коранѣ³; Омаръ велѣлъ дать ему сто ударовъ кнутомъ и потомъ вылить на него ушатъ холодной воды, что повлекло за собой смерть (дѣло происходило зимой). Историкъ прибавляетъ: «Когда Омаръ сдѣлался халифомъ и достигъ той степени подвижничества, которой достигъ, онъ говорилъ: «Кто поможетъ мнѣ противъ Хубейба?» (подразумѣвается, конечно, въ день суда Божьяго). У Вакиди также говорилось о передѣлкахъ, произведенныхъ Омаромъ по приказанію Валида въ мединской мечети (Я'куби и Табари даже цитуютъ текстъ Вакиди почти въ одинаковыхъ словахъ) и о казни Хубейба, Вакиди только не связывалъ одного событія съ другимъ и относитъ ихъ къ разнымъ годамъ; по его разсказу, передѣлки были начаты въ 707⁴ и закончены въ 709 г.⁵, казнь Хубейба произошла въ 93 г. х., т. е. въ 711 или 712 г.; при этомъ говорится только, что Хубейбъ былъ подвергнутъ такому наказанію по приказанію Валида; чѣмъ вызвалъ Хубейбъ гнѣвъ халифа, не сказано⁶. О подробностяхъ наказанія у Вакиди говорилось почти въ тѣхъ же словахъ, какъ въ источникѣ Я'куби, причемъ Вакиди передаетъ эти подробности со словъ человѣка, ссылавшагося на разсказъ очевидца⁸.

¹ Ср. характерныя ссылки на Мадаини (عليّ بن محمد) у Ибн-Са'да (VIII, 346,7; 249,20; 254,12) и у Мас'уди (Prairies d'or V, 424).

² Годъ смерти Мадаини, какъ извѣстно, указывается различно; у Якута въ биографіи Мадаини (The Irshad al-Arib, ed. Margolionth, V, 309) 225 г. (840), у Табари (III, 1330,8) — 228 г. (843).

³ Hist. ed. Houtsma II, 339 сл.

⁴ Кор. 49,4.

⁵ По Табари въ раби' I (II, 1192,18) или въ сафарѣ (II, 1194,4) 88 г.

⁶ 90 г. у Я'куби, II, 340.

⁷ Ср. разсказъ Fragm. hist. arab. I, 4, гдѣ говорится, что صاحب البريد извѣстилъ халифа о протестѣ Хубейба противъ разрушенія хижинъ, вследствие чего Валидъ послалъ Омару приказаніе дать Хубейбу 100 ударовъ кнутомъ и вылить на него ушатъ холодной воды. По этому разсказу Омаръ впоследствии только жалѣлъ, что не ограничился тѣлеснымъ наказаніемъ.

⁸ Табари II, 1255,3.

Омаръ II былъ «мединцемъ» только для такого представителя мусульманскаго благочестія, какъ Бухари¹, но изъ біографическихъ свѣдѣній о халифѣ не видно даже, чтобы въ Мединѣ жила его мать, Уммъ-Асимъ или Лейла, внучка халифа Омара I; по біографическому словарю Навави² она поселилась въ Дамаскѣ, гдѣ съ ней, очевидно, сошелся отецъ Омаръ II Абд-ал-Азизъ, сынъ халифа Мервана I и братъ халифа Абд-ал-Мелика. Говорится, что Абд-ал-Азизъ очень высоко ставилъ этотъ союзъ съ родомъ халифа Омара и велѣлъ своему домоправителю (قائم) приготовить для свадьбы сумму въ 400 динаровъ³. У того же Навави⁴ сказано, что Омаръ II родился въ Египтѣ, по одному извѣстію въ 61 г. хиджры (т. е. 680—1), по другому (именно по Ибн-Са'ду) въ 63-мъ (682—3). Въ томъ и другомъ случаѣ это событіе послѣдовало за нѣсколько лѣтъ до назначенія его отца правителемъ Египта; но въ египетской исторіографіи⁵ есть извѣстіе, что Абд-ал-Азизъ пріѣзжалъ въ Египетъ и раньше, во время намѣстничества Масламы ибн-Мухаллада (667—682). Изъ разсказа Табарн⁶ можно заключить, что въ 61 г. Абд-ал-Азизъ находился съ отцомъ въ Мединѣ и вмѣстѣ съ Абд-ал-Меликомъ принималъ участіе въ посольствѣ въ Мекку къ Абдаллаху ибн-Зубейру; но въ разсказѣ о событіяхъ 63 г., когда Мерванъ вмѣстѣ съ Абд-ал-Меликомъ и другими Омейядами были осаждены въ «домѣ Мервана» въ Мединѣ и потомъ вынуждены покинуть городъ⁷, Абд-ал-Азизъ не упоминается; возможно, что онъ въ это время ѣздилъ въ Египетъ. Въ слѣдующіе годы Абд-ал-Азизъ снова находился при отцѣ и принималъ дѣятельное участіе въ тѣхъ битвахъ, которыя спасли отъ гибели династію Омейядовъ. Въ битвѣ при Мерджъ-Рахитѣ въ 684 г., обезпечившей за Омейядами господство надъ Сиріей, Абд-ал-Азизъ былъ сброшенъ съ коня⁸; при завоеваніи Египта онъ находился во главѣ отряда, вторгнувшася въ эту область черезъ Айлу⁹, т. е. по дорогѣ къ сѣверу отъ Синайскаго полуострова. Покидая Египетъ въ февралѣ 685 г.¹⁰, Мерванъ назначилъ правителемъ страны Абд-ал-Азиза, который управлялъ Египтомъ до своей смерти,

¹ Ср. ссылку на него у Навави, *Biogr. dict.*, p. 466.

² *Biogr. dict.* p. 464.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 243 сл. Навави, *Biogr. dict.*, p. 466.

⁴ *Biogr. dict.*, p. 465 сл. 63 г. также у Ибн-Са'да VIII, 243,7; 62 г. у Табарн II, 1482,18.

⁵ Кинди, ed. *Quest*, 54,12.

⁶ Табарн II, 397,18.

⁷ Табарн II, 405 сл.

⁸ Табарн II, 479 ult.

⁹ Кинди 42,8 и 43,12.

¹⁰ Реджебъ 65 г. у Кинди 48,8.

послѣдовавшей по Кинди въ 705¹, по Табари² и другимъ источникамъ³ въ 704 г. За все это время онъ только два раза, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ VII в., ѣздилъ въ Сирiю къ своему брату халифу Абд-ал-Мелику, гдѣ принималъ участiе въ усмиренiи возстанiя одного изъ Омейядовъ, котораго Абд-ал-Меликъ оставилъ своимъ представителемъ въ Дамаскъ⁴. Въ Египтѣ Абд-ал-Азизъ правилъ вполне самостоятельно и полновластно распоряжался доходами этой области; ему была подчинена также сѣверная Африка⁵. Находившiйся въ его распоряженiи средства онъ, между прочимъ, построилъ «позолоченный домъ» (الدار الذهبية) въ Каирѣ, къ западу отъ мечети Амра, которая также была при немъ расширена и перестроена, и произвелъ рядъ построекъ (домъ и мечети) и насажденiй (виноградники и пальмовыя рощи) въ сосѣднемъ Хульванѣ, куда онъ въ 689 г. перенесъ свое мѣстопробыванiе и гдѣ его впоследствии застигла смерть⁶. Его личный образъ жизни, однако, не отличался пышностью; оставшаяся послѣ него одежда частью была въ заплатахъ⁷; въ его казнѣ было найдено всего 7000 динаровъ⁸. Абд-ал-Азизъ отличался болѣе мягкимъ характеромъ, чѣмъ его братъ Абд-ал-Меликъ, котораго онъ старался удержать отъ слишкомъ суровой расправы съ врагами⁹, и не былъ также чуждъ религiознаго благочестiя. Передъ смертью онъ, очевидно, боясь суда Божьяго, говорилъ, что хотѣлъ бы быть полнымъ ничтожествомъ, горстью праха, или вести жизнь пастуха верблюдовъ на окраинѣ Хиджаза¹⁰.

Будущему халифу Омару II было уже болѣе 20 лѣтъ, когда умеръ Абд-ал-Азизъ. Вѣроятно, онъ провелъ по крайней мѣрѣ часть своей молодости при дворѣ своего отца въ Египтѣ; среди наслѣдства, полученнаго имъ отъ отца, были нѣкоторые предметы, происходившiе, по преданiю, изъ сокровищницы Фараона¹¹. Въ разсказахъ о происходившихъ тогда въ Египтѣ

¹ Кинди 55,1 (джумада I 86 г.).

² Табари II, 1165,17 (джумада I 85 г.).

³ 85 г. у Я'куби, 335.

⁴ Табари II, 783 сл., объ Абд-ал-Азизѣ 789,10. Кинди 49,3.

⁵ Ср. статью объ Абд-ал-Азизѣ (K. V. Zetterstéen) въ *Enz. des Islam*, I, 38; также II, 6 (s. v. Ägypten, C. Becker).

⁶ О постройкахъ Кинди 49 сл.

⁷ Кинди 55,14.

⁸ *Ibid.* 55,10.

⁹ Разсказъ у Табари II, 789 сл. Ср. приведенныя у Я'куби (II, 334 внизу) слова الشعبي объ Абд-ал-Азизѣ какъ «самомъ великодушномъ по характеру изъ царей», которыхъ онъ зналъ.

¹⁰ Кинди 55,5.

¹¹ Табари I, 485,12.

событіяхъ упоминается только одинъ сынъ Абд-ал-Азиза, Асбагъ¹, любимецъ отца, который хотѣлъ назначить его своимъ наслѣдникомъ², но лишился его незадолго до своей собственной смерти. Ибн-Кутейба говоритъ объ Асбагѣ, что онъ былъ ученымъ человѣкомъ и могъ предсказывать будущее; онъ будто бы предсказалъ будущую судьбу своего брата Омара, когда тотъ получилъ отъ лошади ударъ копытомъ, знакъ котораго сохранилъ на всю жизнь³. Историки приписываютъ Омару I предсказаніе, что одинъ изъ его потомковъ, на лицѣ котораго будетъ знакъ, наполнитъ землю справедливостью; говорится также о преданіи, будто этотъ «носящій знакъ» долженъ былъ быть изъ Омейядовъ⁴; ученые увѣряли, что такое предсказаніе находится въ книгѣ Даніила⁵. По словамъ Табарн, этотъ случай произошелъ съ Омаромъ въ Дамаскѣ⁶; больше о его молодости у Табарн ничего не говорится⁷. Всего у Абд-ал-Азиза было десять дѣтей, семь сыновей и три дочери⁸, изъ которыхъ одна была выдана за сына Абд-ал-Мелика, будущаго халифа Валида.

Послѣ смерти Абд-ал-Азиза Абд-ал-Меликъ назначилъ намѣстникомъ Египта своего сына Абдаллаха, которому было поручено по возможности уничтожить всѣ слѣды управленія Абд-ал-Азиза⁹. Дѣти Абд-ал-Азиза, очевидно, не могли оставаться въ Египтѣ; повидимому, они переселились въ Дамаскъ. Абд-ал-Меликъ выдалъ за Омара свою дочь Фатиму, которой было суждено пережить своего мужа и принять его послѣдній вздохъ, хотя она далеко не была его единственной женой¹⁰. Омаръ приобрѣлъ расположеніе своего тестя; есть извѣстіе, что онъ сидѣлъ выше всѣхъ сыновей халифа, кромѣ наслѣдника, Валида¹¹. Еще болѣе высокое положеніе занялъ Омаръ въ царствованіе Валида (705—715). Въ 706 г. Омаръ былъ назначенъ намѣстникомъ Медины и поселился въ домѣ своего дѣда Мервала; багажъ молодого намѣстника прибылъ на 30 верблюдахъ, что отмѣчаетъ и

¹ О немъ у Кянди, 51 и 54; Сеперъ, ed. Seybold, 133 ult.

² Табарн (II, 1167, 10) говоритъ то же самое о другомъ сынѣ, Абу-Бекрѣ.

³ Ибн-Кутейба, كتاب المعارف, ed. Wüstenfeld, 184.

⁴ Выраженіе *بنی مروان* въ كتاب الاغانى, VIII, 151.

⁵ У Ибн-Кутейбы (I. с.) слова *كتاب دانيال الدرودق الاشج* въ ссылокѣ на Асма'и.

⁶ Табарн II, 1362, 18. По *Fragm. hist. arab.*, I, 39 въ Египтѣ.

⁷ Разсказъ о томъ, какъ Омаръ съ разрѣшенія отца ѣздилъ учиться въ Медину, есть въ *Fragm. hist. arab.* I, 40.

⁸ Перечисленіе ихъ у Ибн-Кутейбы, I. с.

⁹ Кянди 58, 7.

¹⁰ Ср. перечисленіе женъ и дѣтей Омара у Ибн-Са'да, VIII, 242 сл.

¹¹ *كتاب الاغانى*, VIII, 151.

Вакиди¹. Изъ этого видно, что Омаръ своимъ роскошнымъ образомъ жизни выдѣлялся даже среди представителей династїи Омейядовъ. О томъ же свидѣтельствуемъ рядъ разсказовъ историковъ. Говорили, что никто не тратилъ такъ много денегъ на духи, одежду и лошадей, какъ Омаръ². Изъ-за его духовъ люди платили деньги въ ирачешной, чтобы ихъ одежду стирали вмѣстѣ съ одеждой Омара, такъ чтобы она пропиталась тѣмъ же запахомъ³. Поставлявшій ему одежду торговецъ Хадждаджъ разсказывалъ, что до вступленія Омара на престолъ его одежда обходилась ему въ 400 дирхемовъ, и то онъ находилъ ее слишкомъ грубой; послѣ вступленія на престолъ онъ покупалъ одежду за 14 дирхемовъ, и то находилъ ее слишкомъ тонкой⁴. Мас'уди разсказываетъ то же самое о плащѣ (حَلَّة) въ 1000 динаровъ и рубахѣ (قميص) въ 10 дирхемовъ⁵. Омаръ въ Мединѣ щедро награждалъ поэтовъ за прпвѣтственные стихи; одинъ изъ нихъ получилъ отъ намѣстника за свое стихотвореніе 15 верблюдицъ⁶.

Предшественникъ Омара Хишамъ ибн-Исмаилъ Махзуми былъ тестемъ халифа Абд-ал-Мелка и дѣдомъ его сына, будущаго халифа Хишама⁷. Несмотря на это высокое положеніе, Омаръ по приказанію халифа поставилъ своего предшественника у дома Мервана къ позорному столбу. Хишамъ во время своего намѣстничества всячески притѣснялъ представителей религіи, во главѣ которыхъ находился Са'идъ ибн-Мусейябъ, и Алидовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Алій, сынъ Хусейна; теперь Са'идъ и Алій будто бы запретили своимъ приверженцамъ оскорблять павшаго врага словомъ или хотя бы взглядомъ⁸.

По разсказу Вакиди⁹, Омаръ тотчасъ послѣ вступленія въ должность созвалъ къ себѣ меднскихъ факиховъ и объявилъ имъ, что во всемъ будетъ поступать по ихъ указаніямъ. Среди нихъ упоминаются два внука халифа Омара I, благочестивый внукъ халифа Абу-Бекра Касимъ и братъ Абдаллаха ибн-Зубейра, историкъ Урва. Не упоминается въ этомъ списокѣ Са'идъ

¹ Табарн II, 1182, 18. Ср. Якуби, Hist., II, 339.

² Полнѣе всего у Ибн-Са'да, VIII, 244, 26: وهو احسن الناس لباسا ومن اطيب الناس ریحًا ومن اخيل الناس في مشیه.

³ كتاب الاغانى VIII, 155.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 246, 7 сл.

⁵ Prairies d'or V, 424. Въ Fragm. hist. arab. I, 40 говорится объ одеждѣ въ 100 динаровъ и меньше чѣмъ въ 1 динаръ.

⁶ كتاب الاغانى VIII, 155.

⁷ Табарн II, 1174, 6 сл.

⁸ Табарн II, 1183, 12 сл. Якуби, Hist., II, 339.

⁹ Табарн II, 1182 нѣ сл. О Касимѣ часто у Ибн-Са'да. Въ указателѣ къ изданію Табарн факихъ Касимъ ошибочно отличается отъ внука Абу-Бекра.

ибн-Мусейябъ; судя по разсказу о прїездѣ въ Медину въ 710 г. халифа Валида¹, Са'идъ и во время намѣстничества Омара оставался въ такомъ же отчужденіи отъ властей, какъ прежде. Чтобы связать Са'ида съ Омаромъ, преданіе только могло приписать Са'иду предсказаніе будущаго; Са'идъ будто бы послалъ одного изъ своихъ учениковъ въ домъ Мервана посмотреть на «махдія»; ученикъ вернулся и объявилъ, что въ домѣ Мервана никакого махдія не оказалось; только тогда Са'идъ объяснилъ ему, что махдіемъ будетъ сидящій теперь въ домѣ Мервана Омаръ ибн-Абд-ал-Азизъ². Разсказъ о суровой расправѣ съ сыномъ Абдаллаха ибн-Зубейра показываетъ, что и вліяніе остальныхъ факиховъ на Омара преданіемъ значительно преувеличено.

Омаръ былъ въ Мединѣ вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній халифа Валида. Исполняя повелѣніе халифа, Омаръ произвелъ въ Мединѣ набѣоръ и назначилъ 2000 (изъ нихъ отправились 1500) мединцевъ на сѣверъ для участія въ набѣгѣ на византійскія владѣнія³. Впослѣдствіи, будучи халифомъ, Омаръ не одобрялъ пышности построенной Валидомъ знаменитой «мечети Омейядовъ» въ Дамаскѣ; будучи намѣстникомъ Медины, онъ, по желанію Валида, разрушилъ простую мечеть пророка и выстроилъ вмѣсто нея пышное зданіе. Есть извѣстіе, что византійскій императоръ прислалъ для этой постройки, по желанію халифа, сотню рабочихъ, 100.000 золотниковъ золота и сорокъ верблюдовъ, нагруженныхъ мозаикой, выломанной изъ развалинъ старыхъ городовъ⁴. На полу мечети мозаикой было выложено имя Валида; впослѣдствіи халифъ Махдіи уничтожилъ эту надпись и замѣнилъ имя Валида своимъ⁵, какъ въ IX в. Мамунъ замѣнилъ своимъ именемъ имя Абд-ал-Мелика въ іерусалимской мечети⁶. Передѣлки, произведенныя въ мединской мечети при Махдіи, снова потребовали большого количества золота, мрамора и мозаики; по проишіи судьбы, въ этихъ работахъ принималъ участіе потомокъ Омара II⁷, какъ самъ благочестивый халифъ, врагъ всякой пышности въ религіозномъ культѣ, въ дни своей молодости обратилъ въ пышное зданіе простую мечеть пророка.

Во время своего намѣстничества Омаръ не покидалъ Хиджаза и нѣсколько

¹ Табарі II, 1232 ult. и сл. Я'куби, Hist., II, 340.

² Ибн-Са'дъ VIII, 245,4 сл.

³ 2000 по Я'куби, II, 339; 1500 у Табарі II, 1192,10.

⁴ Я'куби, Hist., II, 340. Табарі II, 1194.

⁵ Табарі III, 535. Ссылка на это мѣсто должна быть прибавлена въ указателѣ къ изданію Табарі, стр. 628, при имени الوليد بن عبد الملك.

⁶ Міръ Ислама, I, 204.

⁷ Beladsori 7.

лѣтъ къ ряду, съ 706 г., стоялъ во главѣ паломничества. Въ 710 г. паломничество было совершено подъ руководствомъ самого халифа, который прибылъ въ Мекку и Медину, чтобы лично осмотрѣть производившіяся по его приказанію работы, и былъ торжественно встрѣченъ Омаромъ¹. Въ 711 г. паломничествомъ снова руководилъ Омаръ. Время его отозванія изъ Медины опредѣляется различно; указываются 93 и 94 г. хиджры, т. е. 712 и 713 гг.² Тотчасъ послѣ своего отозванія онъ принялъ участіе въ набѣгѣ на византійскія владѣнія, повидимому, единственный разъ въ своей жизни. О причинѣ его отозванія рассказываютъ, что Хаджжаджъ пожаловался халифу Валиду, что въ Хиджазѣ, именно въ Меккѣ и Мединѣ, находятъ убѣжище всѣ бѣглецы изъ Ирака. Халифъ попросилъ его назвать двухъ удобныхъ ему людей; Хаджжаджъ указалъ на Халида ибн-Абдаллаха ал-Касри и Османа ибн-Хайяна; Валидъ назначилъ Халида намѣстникомъ Мекки, Османа — намѣстникомъ Медины и отозвалъ Омара. По другому извѣстію того же Табари, однако, Халидъ уже былъ намѣстникомъ Мекки въ 708 г.³ Достовернымъ можетъ считаться фактъ, что въ Хиджазѣ въ то время были бѣглецы изъ Ирака; по разсказу Якуби, приказаніе выселить ихъ было дано халифомъ Халиду, который уже отъ себя послалъ въ Медину Османа ибн-Хайяна⁴. Омаръ, во всякомъ случаѣ, покинулъ Медину до прибытія новаго намѣстника, оставивъ тамъ своимъ замѣстителемъ назначеннаго имъ-же казія Абу-Бекра ибн-Хазма⁵. Казій Абу-Бекръ считался однимъ изъ благочестивыхъ факиховъ и происходилъ изъ ансаровъ; фактъ его назначенія является едва ли не единственнымъ доказательствомъ, что Омаръ еще во время своего намѣстничества сблизился съ мединскими религіозными кругами; Абу-Бекръ, однако, не связалъ своей судьбы съ судьбой Омара и остался казіемъ при его преемникѣ.

Враждебное отношеніе Омара и его семьи къ Хаджжаджу могло быть вызвано не только религіозными причинами. По своимъ взглядамъ и образу жизни Омаръ долженъ былъ больше примыкать къ культурнымъ кельби-тамъ, чѣмъ къ грубымъ кайситамъ, представителемъ которыхъ былъ Хаджжаджъ; взгляды Омара вполне раздѣляла его сестра Умм-ал-бининъ, жена халифа Валида. Ибн-Кутейба разсказываетъ, что Хаджжаджъ однажды пришелъ

¹ Разсказъ по Вакиди у Табари, II, 1232,10 сл. Якуби II, 340.

² Табари II, 1255. Омаръ прибылъ въ Медину въ раби' I 87 г. (Табари II, 1182,17; Ибн-Са'дъ VIII, 244,4), по Ибн-Кутейбѣ (كتاب المعارف, 182) онъ пробылъ въ Мединѣ 7 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ, что указывало бы на набѣгъ 94 г.

³ Табари II, 1199.

⁴ Якуби II, 347.

⁵ Эта подробность у Табари II, 1255,14 сл.

къ Валиду въ панцырѣ и черной чалмѣ, съ арабскимъ лукомъ и колчаномъ; Умм-ал-бинияъ послала спросить халифа: «Что это за бедуинъ пришелъ къ тебѣ въ грубой одеждѣ, при оружіи, и ты самъ принимаешь его безъ верхней одежды?». Узнавъ, что это — Хаджжаджъ, Умм-ал-бинияъ велѣла передать мужу: «Я охотно узнала бы, что ты бесѣдуешь наединѣ съ ангеломъ смерти, чѣмъ что ты бесѣдуешь наединѣ съ Хаджжаджемъ». Дальше говорится, какъ Хаджжаджъ предупредилъ халифа противъ опасностей женскаго вліянія и какъ Умм-ал-бинияъ за это вызвала его къ себѣ и въ рѣзкихъ словахъ отчитала его¹.

Въ послѣдніе годы царствованія Валпда, повидимому, между семьей Абд-ал-Азиза и Хаджжаджемъ произошло примиреніе. По распоряженію халифа Абд-ал-Мелика, халифатъ послѣ Валпда долженъ былъ перейти къ его брату Сулейману; Валидъ хотѣлъ заставить Сулеймана отказаться отъ своихъ правъ въ пользу Абд-ал-Азиза, сына Валида и Умм-ал-бинияъ. Сторонникомъ этой кандидатуры былъ и Хаджжаджъ, для котораго вступленіе на престолъ Сулеймана было еще менѣе желательно, чѣмъ переходъ власти къ сыну Умм-ал-бинияъ и племяннику Омара. Сулейманъ упорно отказывался исполнить желаніе халифа, и Валидъ умеръ прежде, чѣмъ успѣлъ осуществить свой планъ; но о кандидатурѣ Абд-ал-Азиза говорили открыто, и поэтому было приказано подготовитъ къ этой переменѣ общественное мнѣніе. Табари приводитъ стихи поэта Джерира, гдѣ между прочимъ говорится: «Если спросятъ, кто изъ людей — лучший изъ халифовъ, всѣ пальцы укажутъ на Абд-ал-Азиза. Они считаютъ его самымъ достойнымъ халифата изъ всѣхъ людей и въ этомъ не ошибаются; торопитесь принести ему присягу»². Распоряженіе Абд-ал-Мелика осталось, однако, неотмѣненнымъ и вступило въ силу тотчасъ послѣ смерти Валида, послѣдовавшей въ концѣ января³ или въ концѣ февраля 715 г. Омаръ былъ тогда въ Дамаскѣ и, повидимому, считался первымъ лицомъ послѣ халифа; имъ была произнесена молитва надъ тѣломъ умершаго халифа, и онъ же привелъ населеніе Дамаска къ присягѣ законному наслѣднику, находившемуся тогда въ Палестинѣ⁴. Омару удалось сохранить такое же вліятельное положеніе при Сулейманѣ и въ то же время остаться другомъ своего племянника Абд-ал-Азиза. Послѣ смерти Сулеймана войско, не зная о его завѣщаніи, принесло присягу Абд-ал-Азизу; самъ Омаръ выражалъ готовность отказаться въ

¹ Ujûn al Aḥbâr ed. Bröckelmann, p. 206,3 сл.

² Табари II, 1283,7 сл.

³ Середина джумâдâ I у Якуби, II, 349 и 351; джумâдâ II у Табари, II, 1269,14 и др.

⁴ Якуби, Hist., II, 349 и 351.

пользу Абд-ал-Азиза отъ своихъ правъ; но Абд-ал-Азизъ объявилъ, что выполнѣ одобряетъ провозглашеніе халифомъ Омара¹.

Хаджжаджъ умеръ еще въ 714 г., не доживъ, къ своему счастью, до вступленія на престолъ его врага Сулеймана².

Сулейманъ, подобно Валиду, любилъ воздвигать постройки; съ его именемъ связано основаніе Рамлы, сдѣлавшейся потомъ главнымъ городомъ Палестины; но больше всего онъ любилъ женщину и пиршества, и ему подражали его приближенные³. Очень вѣроятно, что такую же жизнь велъ въ эти годы Омаръ. Ибн-Са'дъ приводитъ разсказъ челоуѣка, видѣвшаго Омара при дворѣ Сулеймана; Омаръ не выдѣлялся отъ окружающихъ по своей одеждѣ и производилъ впечатлѣніе сильнаго, крѣпкаго⁴ и, конечно, жизнерадостнаго мужчины. Вельхаузенъ полагалъ, что образъ жизни Омара представлялъ полную противоположность образу жизни Сулеймана: Sulaiman war ein üppiger Wüstling, Umar fast ein Ascet⁵. Въ дѣйствительности Омаръ, не дожившій до 40 лѣтъ, имѣлъ по Ибн-Кутейбѣ 14⁶, по Ибн-Са'ду—16 дѣтей⁷, изъ нихъ 9 отъ рабыни-наложницы, что, во всякомъ случаѣ, не свидѣтельствуетъ объ аскетическомъ образѣ жизни.

По разсказу Я'куби⁸, Сулейманъ въ 97, т. е. въ 716 г. совершалъ паломничество въ Мекку; съ нимъ былъ и Омаръ. Еще раньше Сулейманъ смѣнилъ назначенныхъ Хаджжаджемъ намѣстниковъ Мекки и Медины; намѣстникомъ Медины теперь сдѣлалось то же лицо, которое при Омарѣ было назначено казіемъ. Новый намѣстникъ долженъ былъ построить для Сулеймана дворецъ въ Джурфѣ, въ 3 миляхъ къ сѣверу отъ Медины⁹; постройка, однако, не удовлетворила халифа. На пути изъ Медины въ Мекку паломниковъ застигла гроза съ такими ударами молніи, что Сулейманъ испугался; Омаръ сказалъ ему: «Такова милость (Господня), каково же будетъ наказаніе!» Изъ этого можно было бы заключить, что Омаръ уже тогда предавался благочестивымъ мыслямъ. Приводятся нѣкоторыя подробности о паломничествѣ и о бесѣдахъ между халифомъ и факихами. На обратномъ пути Сулейманъ былъ въ Иерусалимѣ; здѣсь ему надоѣли своими колокольчиками

¹ Ibid. 361. Табарі II, 1345.

² Объ этой враждѣ характерный разсказъ у Джахиза, *البيان والتبيين*, I, 149 сл.

³ Табарі II, 1273 наверху.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 297, 14.

⁵ Das Arabische Reich 167.

⁶ كتاب المعارف 184.

⁷ Ибн-Са'дъ VIII, 242 сл.

⁸ Ja'qubi Hist. II, 358.

⁹ О мѣстополюженіи Джуръ II, 62, 19.

прокаженные, и онъ велѣлъ-было ихъ сжечь, причемъ сказалъ: «Если бы въ нихъ было что нибудь хорошее, Богъ не наслалъ бы на нихъ такого испытанія». Омаръ уговорилъ халифа отмѣнить это жестокое повелѣніе, и прокаженные были только посланы въ уединенную деревню, гдѣ бы они пообщались съ другими людьми.

О паломничествѣ Сулеймана въ 97 г. и объ участіи въ этомъ паломничествѣ Омара говоритъ и Табарі¹. Въ паломничествѣ принимали участіе также поэты. На обратномъ пути, въ Медияѣ, къ халифу привели 400 плѣнныхъ грековъ; халифъ и его спутники начали избивать ихъ, причемъ честь нанести первый ударъ досталось молодому потомку Алія Абдаллаху ибн-Хасану, сидѣвшему ближе всего къ халифу. Въ избіеніи должны были принять участіе всѣ присутствовавшіе; неловкость поэта Фераздака вызвала смѣхъ халифа². Не сказано, какое впечатлѣніе произвела эта сцена на Омара и принималъ ли онъ также участіе въ избіеніи. Такія сцены не мѣшали Сулейману считаться благочестивымъ человѣкомъ и произносить назидательныя проповѣди; Мадани приводитъ его проповѣдь о Коранѣ, гдѣ онъ увѣщевалъ своихъ слушателей во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствоваться книгой Божіей, которая отмѣнила прежнія книги и сама не будетъ отмѣнена никакой другой³.

О путешествіи Сулеймана и Омара по Палестинѣ источники, кромѣ Я'куби, сообщаютъ мало подробностей. Извѣстно, что его строительная дѣятельность въ Рамлѣ продолжалась и послѣ его вступленія на престолъ⁴; но долго ли онъ тамъ жилъ, не говорится. На пути въ Іерусалимъ онъ проѣхалъ мимо Хеврона, но не заѣзжалъ туда, такъ какъ съ этимъ городомъ было связано дурное предзнаменованіе⁵. Путь изъ Іерусалима онъ совершилъ по обычному въ арабскій періодъ маршруту, черезъ мѣстность къ востоку отъ Іордана, гдѣ останавливался въ одномъ христіанскомъ монастырѣ; здѣсь онъ будто бы велѣлъ оскотить одного человѣка, ухажившаго за одной изъ его рабынь, вслѣдствіе чего монастырь былъ прозванъ «монастыремъ внуховъ»⁶. Осенью 716 г.⁷ онъ прибылъ въ лагерь Дабикъ въ сѣверной Сиріи, недалеко отъ Халеба. Отсюда было снаряжено войско, подъ началь-

¹ Табарі II, 1313, 10.

² Ibid. 1338 сл.

³ Fragm. hist. arab. I, 35 (по Мадани).

⁴ Ср. напр., слова Балазури 143; переводъ Н. А. Мѣдника, Палестина, II, 84.

⁵ Балазури 129; Мѣдниковъ, Палестина, I, 703 и II, 67.

⁶ Якутъ II, 657 сл.; Мѣдниковъ, Палестина, II, 1026.

⁷ Табарі II, 1315, 13 о прибытіи въ Дабикъ въ 98 г. (послѣ 25 авг. 716) и Fragm. hist. arab. I, 25 о выступленіи Масламы до начала зимы.

ствомъ брата халифа, Масламы, выдѣлявшагося среди сыновей Абд-ал-Мелика своими военными доблестями, для завоеванія Константинополя. Столица Византіи еще ни разу не подвергалась такой опасности; она была осаждена съ суши и съ моря; арабы переправились черезъ Дарданеллы на Балканскій полуостровъ и одержали побѣду во Фракіи. Сулейманъ оставался въ Дабикѣ; для подкрѣпленія Масламы имъ былъ посланъ флотъ (греческій флотъ передъ этимъ совершилъ удачное нападеніе на сирійскую гавань Ладикію)¹ и сухопутный отрядъ; во главѣ послѣдняго былъ Амръ ибн-Кайсъ, выступившій, повидимому, уже при новомъ халифѣ². Войско Масламы цѣлый годъ осаждало Константинополь, но безуспѣшно; столица была спасена военнымъ и особенно дипломатическимъ искусствомъ императора Льва III; кромѣ того арабы не нашли для себя достаточно продовольствія во Фракіи, вообще считавшейся плодородной областью, но въ то время опустошенной предшествующими военными событіями³.

Сулейманъ послѣ вступленія на престолъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего сына Эйюба, и это назначеніе, какъ въ свое время назначеніе Абд-ал-Азиза, также было воспріято поэтомъ Джериромъ⁴; но молодой человекъ умеръ раньше отца. Осенью 717 г. Сулейманъ въ Дабикѣ былъ разбитъ параличемъ⁵; передъ смертью онъ, по совѣту своего руководителя, Раджъ ибн-Хайвы, назначилъ своимъ преемникомъ Омара. Вельхаузенъ полагаетъ, что это назначеніе было неожиданнымъ для всѣхъ, въ особенности для самого Омара⁶. Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, можно получить отъ разсказа Вакиди. По Мадавини кандидатура Омара, какъ перваго послѣ халифа лица, казалась настолько естественной, что Омаръ обратился къ Раджъ съ настойчивой просьбой не предлагать этой кандидатуры и не поддерживать ея, если ее предложитъ самъ халифъ. Раджъ понялъ эти слова такъ, какъ ихъ, вѣроятно, надо было понимать, и сказалъ Омару: «Я вижу, что тебѣ очень хочется сдѣлаться халифомъ». Омару, какъ прибавляетъ историкъ, «стало стыдно»⁷.

¹ Ja'qubi Hist. II, 359.

² Такъ по Ja'qubi Hist. II, 363. Едва ли можно предполагать, что Амръ передъ этимъ вернулся изъ Византіи въ Сирію.

³ Эта подробность въ *Fragm. hist. arab.* I, 27. Въ этомъ сочиненіи, какъ извѣстно, сохранился самый подробный въ арабской литературѣ разсказъ объ осадѣ Константинополя при Сулейманѣ.

⁴ Стихъ въ *Fragm. hist. arab.* I, 34.

⁵ *Ibid.* 33 внизу *وكانت عنته ذات الجنب*.

⁶ *Das Arab. Reich* 166.

⁷ Ибн-Са'дъ VIII, 249, 30 сл.

Послѣ своего провозглашенія халифомъ Омаръ отказался отъ пользованія халифскими лошадьми и сѣлъ на своего мула, отвергъ предложеніе отпраздновать въ жилище халифа и вернулся въ свой шатеръ¹. Этимъ онъ сразу далъ понять, что будетъ жить и управлять иначе, чѣмъ всѣ его предшественники. Лозунгъ: «Книга Божія и сунна пророка Его», который сдѣлался потомъ лозунгомъ возстаній, при Омарѣ былъ девизомъ самого правитель-ства. Такая попятка была лучшимъ средствомъ примирить съ династіей оппозиціонные элементы, тѣмъ болѣе, что населеніе халифата наканунѣ 100 г. хиджры переживало такой же религіозный психозъ, какъ населеніе католической Европы наканунѣ 1000 г. по Р. Хр. Мнѣніе, что арабской державѣ суждено просуществовать только 100 лѣтъ, было настолько распространено, что оно дошло до самаркандскаго князя, какъ видно изъ его письма китайскому императору; въ письмѣ упоминалось объ этомъ предсказаніи и говорилось, что поэтому именно теперь лучшее время для нападенія на халифатъ². Усиленію религіознаго и въ особенности покаиннаго настроенія могла содѣйствовать плачевная неудача предпринятаго съ большими силами похода на Константинополь.

Такому моменту въ жизни халифата вполне соответствовало появленіе халифа, какъ своимъ именемъ и происхожденіемъ, такъ и своимъ внѣшнимъ образомъ жизни напомнившаго мусульманамъ патріархальныя времена Омара I. Людямъ, видѣвшимъ Омара въ Мединѣ или при дворѣ Сулеймана, трудно было узнать его въ блѣдномъ и похудѣвшемъ человѣкѣ³, походившемъ по внѣшности на монаха⁴, распорядившемся доходами міровой имперіи и отказывавшемся отъ всякихъ земныхъ наслажденій ради спасенія своей души. Самъ Омаръ будто бы говорилъ такимъ людямъ, что остается вѣренъ себѣ; достигнувъ какой нибудь цѣли, онъ всегда стремился къ иной, болѣе высокой; сдѣлавшись халифомъ, онъ достигъ предѣла земныхъ желаній и потому стремится къ единственной цѣли, которая передъ нимъ еще осталась — къ райскому блаженству⁵.

Въ преданіяхъ объ Омарѣ II, какъ и въ преданіяхъ объ Омарѣ I, говорится преимущественно о внѣшнемъ образѣ жизни и личныхъ привычкахъ халифа, которыя описываются съ большими подробностями; говорится даже

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 249,2 сл. По Ибн-Са'ду и по Табару (II, 1345 наверху) Омаръ вернулся въ свой шатеръ впродъ до высасанія изъ жилища халифа семьи Сулеймана.

² Ср. объ этомъ мою статью въ ЗВО. XVII, 0140 сл.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 297,17: قد نحل ودقت عنقه.

⁴ Ibid. 244,27: يمشى مشية الرهبان.

⁵ Ibid. 296,17 сл.; также كتاب الاغانى VIII, 155.

о томъ, какъ онъ шель отпралять свои естественныя надобности¹. Передатчики знаютъ, какъ одѣвался халифъ у себя дома², какого цвѣта была его одежда, верхняя и нижняя³, какой длины и ширины былъ его плащъ⁴, въ какую цѣну — именно въ 12 дирхемовъ — оцѣнивался его полный костюмъ, приготовленный изъ египетскихъ тканей: шанка (كَمَّة), чалма (عَمامة), рубаха (قميص), верхнее платье (قباء), туника (قرطق), башмаки (خفَّان) и плащъ (رداء)⁵. Гораздо меньшей ясностью и цѣльностью отличаются извѣстія о его государственныхъ мѣропріятіяхъ. Преданіе, между прочимъ, даетъ намъ каррикатурный образъ халифа, будто бы громко восклицавшаго въ большой мечети Дамаска: «Нѣтъ у насъ правъ на повиновеніе, когда мы нарушаемъ повелѣнія Божіи»⁶. Эти и подобныя имъ преданія, какъ мы увидимъ, опровергаются другими, болѣе достовѣрными, въ которыхъ Омаръ является передъ нами еще болѣе осторожнымъ и благоразумнымъ правителемъ, чѣмъ полагаетъ Вельхаузенъ.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій новаго халифа было окончаніе несчастной войны съ Византіей. Имъ былъ посланъ отрядъ къ Константинополю, не для подкрѣпленія осаждавшей городъ арміи, но только для того, чтобы снабдить ее провіантомъ, одеждой и лошадьми и облегчить ея отступленіе. По Я'куби во главѣ этого отряда былъ Амръ ибн-Кайсъ⁷; Табари и самъ Я'куби называютъ Амра ибн-Кайса начальникомъ отряда, дѣйствовавшаго еще при Сулейманѣ во Фракіи⁸; по самому подробному арабскому разсказу объ осадѣ порученіе вести къ Константинополю отрядъ и поддержать отступленіе Масламы было дано начальнику Малатин. Арабскій авторъ увѣряетъ, что Маслама въ то время былъ близокъ къ успѣху и просилъ посла халифа дать ему еще небольшой срокъ для окончанія осады; по посолъ, дѣйствуя согласно данной ему инструкціи, не согласился ждать и часа⁹. По византійскимъ извѣстіямъ отступленіе Масламы началось уже въ августѣ 718 г.¹⁰, т. е. еще при жизни Сулеймана, такъ что посланный Омаромъ отрядъ долженъ былъ застать армію Масламы уже на пути въ Сирію и могъ только облегчить ея отступленіе.

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 265,23 сл.

² Ibid. 297,2 сл.

³ Ibid. 298,7.

⁴ Ibid. 297,6.

⁵ Ibid. 297,20.

⁶ Ibid. 253,7.

⁷ Ср. выше стр. 215, прим. 2.

⁸ Табари II, 1317,12; ср. Ja'qubi Hist. II, 359.

⁹ Fragm. hist. arab. I, 33.

¹⁰ Очерки по исторіи Византіи, подъ ред. В. Н. Бенцшевича, I, 63.

По словамъ Балазури¹, Малатія въ то время не имѣла военнаго значенія; пограничное укрѣпленіе было перенесено съ 702 г. на три дня пути дальше къ западу, въ Таранду (нынѣ Деренде); въ Малатію оставалось немногочисленное армянское населеніе, и только лѣтомъ туда приходилъ отрядъ изъ Месопотаміи. Омаръ противъ желанія гарнизона велѣлъ покинуть Таранду и снова перенести пограничное укрѣпленіе въ Малатію²; отступленіе халифата въ этомъ мѣстѣ было окончательнымъ. Есть извѣстіе, что Омаръ и на берегу Средиземнаго моря думалъ отодвинуть границу до Антиохіи, и только ранняя смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе³. По другому извѣстію⁴ Омара убѣдили въ Масисѣ, куда онъ ѣздилъ лично, что очищеніе пограничныхъ крѣпостей подвергнетъ опасности Антиохію; Омаръ не только отказался отъ своего намѣренія, но построилъ въ передовомъ кварталѣ Кафарбайа, на западномъ берегу Джейхана, мечеть съ цистерной, причемъ на цистернѣ было вырѣзано его имя.

По преданію, Омаръ былъ противникомъ идеи джихада и находилъ, что мусульмане должны довольствоваться тѣмъ, что получилъ отъ Бога, не принимая новыхъ завоеваній⁵. Даже во время проповѣди въ мечетяхъ Омаръ, вопреки извѣстному обычаю мусульманъ въ завоеванныхъ областяхъ, не имѣлъ при себѣ меча⁶. При немъ, однако, былъ совершенъ побѣдоносный походъ на турокъ изъ Хорасана⁷, былъ взятъ и укрѣпленъ городъ Нарбонна во Франціи⁸; былъ посланъ даже отрядъ для набѣга на византійскія владѣнія изъ Химса⁹, куда пріѣзжалъ самъ Омаръ. Столь же замѣчательно, что самымъ приближеннымъ къ халифу лицомъ изъ сыновей Абд-ал-Мелика былъ не благочестивый Са'идъ, прозванный «добродѣтельнымъ» (سعيد الخير)¹⁰, но прославившійся своими военными доблестями Маслама¹¹. Маслама въ царствованіе Омара не принималъ участія во внѣш-

¹ Beladsori 185 сл.

² По Fragn. hist. arab. I, 63 Омаръ «купилъ» у грековъ Малатію, отпустивъ на волю 100,000 плѣнныхъ.

³ Beladsori 167.

⁴ Ibid. 165. Также Ибн-ал-Факихъ, Bibl. Geogr. Arab. V, 112,16.

⁵ Табарн II, 1365 внизу.

⁶ Ибн-Са'идъ VIII, 298,19.

⁷ Ja'qubi Hist. II, 363.

⁸ Этотъ фактъ отмѣчаетъ и Вельхаузенъ (Das Arab. Reich 167, прим.).

⁹ Табарн II, 1349,13.

¹⁰ Beladsori 179.

¹¹ О значеніи Масламы при Омарѣ особенно كتاب الاغانى VIII, 152; его считали شريك الخلافة في الخليفة.

нихъ войнахъ, по его военныя таланты были использованы противъ внутренняго врага — хариджитовъ¹.

Не сочувствуя священной войнѣ, Омаръ старался распространять исламъ путемъ мирнаго миссіонерства и обращался къ нѣсколькимъ властителямъ съ предложеніемъ принять мусульманство — иногда, какъ увѣрлетъ преданіе, съ усиліемъ². Христіанскіе авторы³ говорятъ о перепискѣ по вопросамъ вѣры между Омаромъ и императоромъ Львомъ III, армянинъ Леонтій приводитъ даже текстъ обоихъ писемъ — краткаго и сдержаннаго письма халифа и широковыщательнаго, рѣзко-полемическаго отвѣта императора⁴. Левъ III до своего вступленія на престолъ имѣлъ возможность ознакомиться съ исламомъ; есть извѣстіе, что онъ происходилъ изъ города Мар'аша и кромѣ греческаго образованія получилъ также арабское⁵. Въ письмѣ халифа любопытна ссылка на видѣніе пророка Исаи (XXI, 7), гдѣ говорится о вѣдвшихъ на ослахъ и вѣдвшихъ на верблюдахъ; эти слова истолкованы въ смыслѣ равенства Христа и Мухаммеда. Въ отвѣтѣ императора любопытно, что тотъ же Левъ III, который черезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ положить начало иконоборству, въ то время считалъ нужнымъ защищать отъ нападокъ халифа почитаніе креста и иконъ.

Внутри государства Омаръ старался быть справедливымъ не только къ мусульманскому населенію. Христіане и другіе иновѣрцы, согласно Корану, считались податнымъ сословіемъ; но подати предписывалось взимать безъ притѣсненій⁶ и безъ нарушенія существовавшихъ договоровъ. Въ Египтѣ Омаръ, въ противоположность своему отцу Абд-ал-Азизу и брату Асбагу, освободилъ отъ податей церковь и духовенство; взиманіе этихъ податей было возобновлено только при его преемникѣ Іезидѣ⁷. За христіанами и евреями было признано право учреждать вакфы⁸, т. е. завѣщать въ пользу своихъ религіозныхъ учрежденій имущество. Съ другой стороны говорится, что при Омарѣ должностныя лица изъ коптовъ были замѣнены мусульманами; приводится даже мало вѣроятное извѣстіе, будто Омаръ предложилъ всѣмъ своимъ иновѣрческимъ подданнымъ или принять исламъ, или высе-

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 263 сл.

² Wellhausen, Das Arab. Reich 184, по Beladsoni 426 и 441.

³ Кромѣ Леонтія (см. ниже) также Агапіи Манбиджскій въ изд. А. А. Васильева, 243.

⁴ Гевондъ, перев. Патканова, 29 сл.

⁵ Fragm. hist. arab. I, 25. Ср. А. А. Васильевъ, Лекціи по ист. Византии, I, 219.

⁶ Наур., Табарі II, 1366,4 (فی غیر ظلم).

⁷ Северъ, изд. Зейбольда, 143 сл.

⁸ Ибн-Са'дъ VIII, 262,14 сл.

литься¹. По Леонтио Омаръ, наоборотъ, въ концѣ своего царствованія относился къ христіанамъ лучше, чѣмъ прежде. Онъ разрѣшилъ вернуться въ Арменію плѣннымъ, уведеннымъ изъ этой страны въ концѣ царствованія Абд-ал-Мелика или въ началѣ царствованія Валида, послѣ вѣроломнаго избиенія пахараровъ намѣстникомъ Мухаммедомъ ибн-Мерваномъ². Есть извѣстіе³, что Омаръ послѣ своего вступленія на престолъ исполнялъ обязанности имама, т. е. совершалъ мусульманское богослуженіе въ христіанской церкви⁴.

Омаръ назначилъ намѣстникомъ Египта Айюба ибн-Шурахбиля; занимавшій эту должность съ декабря 714 г. Абд-ал-Меликъ ибн-Рифа'а былъ устранилъ⁵. Замѣчательно, что въ собраніи папирусовъ эрцгерцога Райнера имѣется документъ, рѣзко осуждающій намѣстника, назначеннаго благочестивымъ халифомъ, и прославляющій его предшественника⁶. Иногда Омаръ самъ признавался, что при назначеніи того или другого намѣстника сдѣлалъ ошибку. По словамъ Ибн-Кутейбы⁷, намѣстникъ Басры Адій ибн-Артатъ получилъ отъ Омара письмо, гдѣ говорилось: «Меня ввели въ заблужденіе твои постоянныя бесѣды съ чтецами Корана и твоимъ чернымъ чалма; когда мы испытали тебя, мы нашли въ тебѣ противоположное тому, на что надѣялись». Черная чалма, за которую некогда сестра Омара осуждала Хаджжаджа, теперь, очевидно, служила рекомендаціей, такъ какъ указывала на безпритязательный, бедуинскій образъ жизни своего носителя, похожій на образъ жизни самого халифа; но внѣшность, конечно, часто была обманчивой. Адій ибн-Артатъ оставался, однако, намѣстникомъ Басры до смерти Омара⁸. Омаръ успѣлъ смѣнить изъ назначенныхъ имъ самимъ намѣстниковъ только хорасанскаго намѣстника Джарраха ибн-Абдаллаха, который притѣснялъ инородцевъ, неохотно освобождалъ новообращенныхъ отъ уплаты податей и писалъ халифу, что Хорасаномъ можно управлять только при помощи меча и кнута. Джаррахъ, впоследствии снова призванный къ власти, считался однимъ изъ «мечей Хаджжаджа» и, подобно ему, отлучался личнымъ безкорыстіемъ; но задачи правителя, очевидно, понималъ иначе, чѣмъ халифъ⁹.

¹ Северъ, loc. cit.

² Гевондъ 22 сл., 29 и 70.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 284, 18 сл.

⁴ Или въ синагогѣ (كنيسة).

⁵ Кинди, ed. Guest, 66 сл.

⁶ Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung, Wien 1894, № 596.

⁷ عيون الاخبار, ed. Brockelmann, 78, 4 сл.

⁸ По Ибн-Са'ду (28927,) ему былъ подчиненъ также Фарсъ.

⁹ Табарн II, 1354 сл.

Передачики извѣстій объ Омарѣ стараются доказать, что онъ ради торжества отвлеченной идеи справедливости готовъ былъ жертвовать всѣми интересами государства и династіи. Несомнѣнно, что Омаръ не заботился о пополненіи казны, щедро платилъ жалованіе войску, помогалъ пуждавшимся, не останавливался передъ отми́пой податей, считавшихся незаконными. Этимъ царствованіе Омара больше всего отличалось отъ царствованія одного изъ его ближайшихъ преемниковъ, халифа Хишама (724—743), который тоже считался богобоязненнымъ человѣкомъ¹, велъ такой же непритязательный образъ жизни и не тратилъ государственныхъ средствъ на свои личные потребности², но заботился о финансахъ государства, находившихся при немъ въ образцовомъ состояніи³, и объ умноженіи пмущества династіи⁴. Хишамъ, по словамъ Леонтія, «порицалъ щедрость Омара и обвинялъ его въ томъ, что онъ незаконно истратилъ сокровища, собранныя его предшественниками»⁵. Событія заставляютъ признать политику Омара болѣе правильной. Своимъ правленіемъ Омаръ поднялъ авторитетъ халифа на небывалую высоту, и рѣдко мы въ литературѣ встрѣчаемъ такое единодушное прославленіе государя, какъ прославленіе Омара всѣми писавшими о немъ восточными авторами, мусульманскими и христіанскими. Съ другой стороны правитель, ставившій на первомъ мѣстѣ интересы казны, не могъ быть популяренъ, каковъ бы ни былъ его личный образъ жизни; въ царствованіе Хишама движеніе во имя книги Божіей и сунны пророка было движеніемъ противъ халифа, и его образцовое финансовое хозяйство не спасло его династіи. Что провозглашенный Омаромъ II призывъ къ книгѣ Божіей и суннѣ пророка не былъ только случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ личными странностями халифа, лучше всего показали послѣдующія событія. При ближайшемъ преемникѣ Омара II тотъ же призывъ выставилъ своимъ лозунгомъ мятежный памѣстникъ Іезидъ ибн-Мухаллабъ⁶, въ дѣйствительности, несомнѣнно, мало заботившійся о религіи; двадцать лѣтъ спустя, послѣ убіенія Валида II и возведенія на престолъ Іезида III, посетелемъ того же принципа снова сдѣлался представитель верховной власти, причѣмъ на этотъ разъ сторонникомъ идеи народовластія и патріархальныхъ отношеній между государемъ и народомъ объявилъ себя халифъ, гордившійся сво-

¹ Ср. особенно слова Севера (144,16) رجل خایف من الله على طریق الاسلام

² Табарн II, 1730 сл.

³ Ibid. 1732,16.

⁴ Ср. слова Агапія (245) о приумноженіи недвижимаго собственности.

⁵ Гевондъ 71.

⁶ Табарн II, 1391,13.

имъ происхожденіемъ отъ хосроевъ, кесарей и кагановъ¹. Одинъ изъ ораторовъ, отвѣчавшихъ Іезиду III на его вступительную рѣчь, былъ готовъ поставить его выше Омара II, потому что Іезидъ достигъ власти путемъ открытаго возстанія противъ нарушителя предписаній вѣры, а не тѣми темными путями, къ которымъ прибѣгъ Омаръ². Іезидъ, однако, счелъ нужнымъ использовать для своихъ цѣлей популярность имени Омара и назначилъ одного изъ сыновей Омара намѣстникомъ Мекки и Медины, другого— намѣстникомъ Ирака³. Но Іезидъ не раздѣлялъ отношенія Омара къ интересамъ казны и попыткамъ отмѣнить прибавки къ жалованію войску, установленныя его предшественникомъ⁴. Данное Іезиду III прозваніе *الناقص* («уменьшитель») показываетъ, что эта черта его кратковременнаго царствованія произвела гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его ревность къ вѣрѣ, и лишила его всякой тѣни популярности.

Дѣйствія Омара были, такимъ образомъ, вполне цѣлесообразны, тѣмъ болѣе, что приписанныя ему преданіемъ крайности опровергаются другими, очевидно, болѣе достовѣрными извѣстіями. Преданіе увѣряетъ, что Омаръ не признавалъ за Омейядами никакихъ преимуществъ и отбиралъ у нихъ все неправильно ими захваченное, чѣмъ вызвалъ съ ихъ стороны рѣзкій протестъ, на который онъ въ свою очередь отвѣтилъ угрозой, что покинетъ Сирію, уйдетъ въ Медину или передастъ власть совѣту изъ нѣсколькихъ мусульманъ⁵. Омаръ будто бы собирался по требованію хариджитовъ, съ которыми велъ переговоры, отмѣнить завѣщаніе Сулеймана, лишить Іезидъ ибн-Абд-ал-Мелика правъ на престолонаслѣдіе и назначить своимъ преемникомъ одного изъ благочестивыхъ людей, не находившихся въ родствѣ съ династіей; Омейяды попыткамъ предупредить его и подали ему ядъ, отъ котораго онъ черезъ три дня умеръ⁶. Легенда опровергается уже тѣмъ, что предсмертная болѣзнь Омара продолжалась 20 дней⁷. Сверхъ того Табари приводитъ фактъ, установленный при халифѣ Махдіи, что въ царствованіе Омара II даже ничтожнѣйшій изъ Омейядовъ получалъ изъ казны высшій окладъ— 2000 дирхемовъ, тогда какъ шейхъ изъ Хашимидовъ, т. е. пзъ

¹ Ibid. 1874, 14.

² Ibid. 1835, 17.

³ Ibid. 1870, 5, 1875, 1-4 и 1854, 11.

⁴ Ibid. 1874, 17.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 253, 23 сл.

⁶ Ja'qubi Hist. II, 370 наверху. Табари, II, 1349, 10. Ср. также подробный разсказъ о диспутахъ между Омаромъ и хариджитами во Fragm. hist. arab. I, 41—47.

⁷ Табари II, 1362, 1.

дома пророка, получалъ всего 60 дирхемовъ¹. Омаръ во всѣхъ областяхъ, между прочимъ въ Египтѣ, увеличилъ жалованіе войску, и эти прибавки были отмѣнены при его преемникѣ²; но сирійскіе отряды при немъ, по словамъ Я'куби, получили еще особую прибавку, по 10 динаровъ на человѣка, не распространявшуюся на отряды, стоявшіе въ другихъ областяхъ³. Изъ этого видно, что въ планы Омара не входилъ разрывъ съ традиціями династїи.

Столь же противорѣчивы многія другія извѣстія. Изъ сочиненія Вакиди приводится разсказъ со словъ намѣстника Ирака, что вся казна его области была израсходована на удовлетвореніе имущественныхъ претензій обиженныхъ при прежнемъ строе, такъ что Омаръ долженъ былъ прислать деньги изъ Сирїи⁴. Между тѣмъ есть другія извѣстія, по которымъ Иракъ въ царствованіе Омара, благодаря его справедливому управленію, приносилъ гораздо болѣе дохода, чѣмъ при Хаджжаджѣ⁵. Самъ Омаръ удивлялся искусству Зіяда, намѣстника Ирака при халифѣ Муавїн, умѣвшаго держать въ порядкѣ Иракъ при помощи мѣстныхъ элементовъ, не пуждаясь въ поддержкѣ сирїйцевъ, и довести ежегодный доходъ области до суммы 118 милл. дирхемовъ⁶.

Вопросъ о податяхъ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ мусульманскомъ государствѣ. По мысли Мухаммеда, государство должно было жить только военной добычей и сборами съ пновѣрцевъ; сборы съ имущества мусульманъ должны были идти исключительно въ пользу бѣдныхъ; религіозное право и общественное мнѣніе рѣшительно возставали противъ всякихъ косвенныхъ налоговъ, вообще противъ налоговъ на торговлю и промышленность. Въ дѣйствительности правительство халифа взидало въ нѣкоторыхъ областяхъ тѣ же налоги, которые взидались прежними правительствами и теперь обратились въ незаконные ноборы, формально отмѣнялись, когда правительство объявляло, что будетъ впредь строго придержи-

¹ Табарїи III, 534,8 сл. О значенїи شرف العطاء между прочимъ Ибн-Са'дъ VII, 255,6.

² Киинди, ed. Gnest, 68,9 и 70,11.

³ Ja'qubi Hist. II, 367 наверху.

⁴ Ибн-Са'дъ VII, 252,10 сл.

⁵ Фактъ отмѣненъ Вельхаузеномъ, Das Arab. Reich, 191. Крайне сомнительны цифры, приведенныя у Ибн-Хордадбега (Bibl. Geogr. Arab. VI, 4 сл.). Болѣе достоверно сообщеніе Балааури (Beladsofi 270), что доходъ съ Савада уменьшился при Хаджжаджѣ до 40 милл. дирхемовъ. Въ Fragm. hist. arab. I, 33 сказано, что въ правленіе Сулеймана хараджъ Ирака находился въ такомъ же нечальномъ состоянїи, какъ при Валїдѣ; дальше (47) говорится, что при Омарѣ хараджъ поднялся до 60 милл.; вѣроятно, и эта цифра относится къ Ираку, а не ко всему государствѣ.

⁶ Мубарраджъ, الكامل, 595.

ваться предписаній религіи, но на самомъ дѣлѣ продолжали взиматься. Такая же отмѣна незаконныхъ податей произошла при Омарѣ, причемъ въ Персіи упоминается рядъ податей, большею частью носившихъ персидскія названія¹: сборы, опредѣлявшіеся обычаемъ (آیین)², сборы въ пользу молетнаго двора³, подарки по случаю двухъ главныхъ годовыхъ праздниковъ—науруза и михрджана, плата за документы (гербовая пошлина)⁴, плата въ пользу правительственныхъ гонцовъ⁵, налогъ на дома (квартирный налогъ), налогъ на браки. Неизвѣстно, дѣйствительно ли эти подати перестали взиматься на всемъ пространствѣ Персіи; возможно, что происходило то же самое, какъ въ XII в. въ Египтѣ при Саладинѣ, когда путешественники, по свидѣтельству Ибн-Джубейра, при въѣздѣ въ страну справедливаго султана, отмѣнившаго всѣ незаконныя подати, подверглись прежнимъ поборамъ, причемъ Ибн-Джубейръ былъ увѣренъ, что султанъ ничего не зналъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ⁶.

Пока податнымъ сословіемъ считались только иновѣрцы, распространение ислама тяжело отражалось на интересахъ казны, тѣмъ болѣе, что, какъ теперь доказано, первоначально не существовало установленное впоследствии мусульманскимъ правомъ различіе между джизьей—подушной податью, которой облагались только иновѣрцы, и хараджемъ, которому подлежали всѣ земельные участки, когда либо принадлежавшіе иновѣрцамъ, хотя бы ихъ владѣльцы въ данное время были мусульманами. При Омеядахъ термины «джизья» и «хараджъ» употреблялись какъ синонимы; взиманіе хараджа съ землевладѣльцевъ, принявшихъ исламъ, считалось противозаконнымъ, и этотъ «хараджъ» также упоминается среди податей, отмѣненныхъ Омаромъ II⁷. Долгое время европейскіе ученые вводили въ заблужденіе законъ Омара I, извлеченный Кремеромъ изъ исторіи Дамаска Ибн-Асâкира. Омаръ I будто бы запретилъ арабамъ приобретать въ покоренныхъ областяхъ недвижимую собственность; если землевладѣлецъ при-

¹ Текстъ Табаріи II, 1367 наверху; попытка его толкованія у Кремера, *Culturge-schichte*, II, 178, прим. 1 и Вельхаузена, *Das Arab. Reich*, 189.

² У Кремера пропущено, у Вельхаузена «möglicher Weise Zoll, wie das englische custom». Аналогія, конечно, мало убѣдительная.

³ أجور الضرایین; у Кремера «Taxen zur Bezahlung der Messbeamten», у Вельхаузена пропущено.

⁴ ثمن الصحف, Кремеръ «Papiertaxe», Вельхаузенъ «Aktenstempel».

⁵ أجور الفيوج, Кремеръ «Aufsperrgelder», Вельхаузенъ «Gebühren für Unterbeamte».

⁶ Ибн-Джубейръ, изд. Wright-de Goeje, 40, 11.

⁷ Табаріи II, 1367, в.

нималъ исламъ, онъ долженъ былъ передавать свою земельную и даже усадебную собственность своимъ прежнимъ единовѣрцамъ и уходить въ мусульманскіе города. При Омейядахъ законъ Омара былъ нарушенъ, и многіе земельные участки перешли изъ рукъ туземцевъ въ руки мусульманъ. Омаръ II не отмѣнилъ тѣхъ покупокъ, которыя были сдѣланы до него, и предписалъ взимать съ такихъ земельныхъ участковъ, вмѣсто хараджа, только десятину; но съ 100 г. хиджры такія покупки вновь были запрещены, и это запрещеніе сохраняло силу при двухъ преемникахъ Омара, Іезидъ II (720 — 724) и Хишамъ (724 — 743).

Такъ говоритъ Ибн-Асâкиръ. Вельхаузенъ¹ вполне основательно доказываетъ, что пріобрѣтеніе земельной собственности арабамъ никогда не запрещалось. Постоянно говорится, между прочимъ и при Омарѣ I², о раздававшихся въ ленъ земельныхъ участкахъ, قطائعъ, составлявшихъ полную государственную собственность³ и переходившихъ отъ одного лица къ другому путемъ покупки.

Иначе Вельхаузенъ⁴ относится къ разсказу того же Ибн-Асâкира о законѣ Омара II; этотъ разсказъ признается достовѣрнымъ, и дѣлается выводъ, что Омаръ II принялъ мѣры противъ дальнѣйшаго перехода въ частныя руки государственной собственности, запретивъ продажу земли, обложенной хараджемъ, и прекративъ раздачу леновъ. Авторъ начала аббасидскаго періода Яхья ибн-Адамъ утверждаетъ, что при Омарѣ II земля новообращеннаго мусульманина переходила къ его оставшимся при своей прежней религіи односельчанамъ, если онъ переселялся къ мусульманамъ въ городъ; если же новообращенный оставался при своемъ капалѣ, т. е. при своей пашиѣ, то хараджъ взимался съ него по прежнему. Вельхаузенъ признаетъ, что слова Яхья ибн-Адама находятся въ полномъ противорѣчій со словами историковъ, что Омаръ II постоянно настаивалъ на запрещеніи взимать хараджъ съ новообращенныхъ мусульманъ; но, по его мнѣнію, противорѣчіе исчезаетъ, если предположить, что новообращенный, продолжавшій обрабатывать свою землю, рассматривался, какъ арендаторъ государственной собственности, и плата взималась съ него не какъ подать, но какъ аренда.

¹ Das Arab. Reich 172 сл.

² Что ранніе арабскіе авторы не видѣли въ этомъ отношеніи разницы между Омаромъ I и его преемникомъ, видно хотя бы изъ словъ Балазури (Beladsofi 144) *قطائع اقطعت بامر عمر وعثمان*. Ср. переводъ Н. А. Мѣдника, Палестина, II, 85 сл. Есть, однако, извѣстіе (Beladsofi 366 внизу), что Омаръ I никому не раздавалъ участковъ на Евфратѣ и Тигрѣ (*على النهرين*). Ср. еще Beladsofi 350 сл.

³ Ср. слова *مفاتيح العلوم*, изд. ванъ-Флотейд, 60 о разницѣ между *قطيعة* и *طعمة*.

⁴ Das Arab. Reich 182 сл.

Въ подтвержденіе приводятся слова того же Яхьи ибн-Адама о сходномъ распоряженіи халифа Алія. Едва ли необходимо прибѣгать къ такимъ натянутымъ предположеніямъ. Разсказъ Ибн-Асâкира, жившаго, какъ извѣстно, въ XII в., о законѣ Омара II и значеніи 100 р. хиджры стоитъ въ мусульманской литературѣ такъ-же одною, какъ его разсказъ о законѣ Омара I, и находится въ такомъ же противорѣчій съ показаніями болѣе раннихъ авторовъ. Самъ Вельхаузенъ¹ приводитъ разсказъ продолжателя Исидора Севильскаго, что именно при Омарѣ II земельные участки въ Испаніи съ соотвѣтствующимъ инвентаремъ, раньше разсматривавшіеся какъ собственность всего арабскаго народа, были розданы по жребію отдѣльнымъ лицамъ, причѣмъ въ казну была отчислена только извѣстная часть, вѣроятно пятая. По словамъ Ибн-Са'да, Омаръ II разрѣшилъ землевладѣльцамъ продавать находившуюся въ ихъ рукахъ хараджную землю, такъ какъ «продаваемое ими есть только собственность мусульманъ, доставшаяся имъ путемъ войны (فقء المسلمین), а джизья остается неизмѣнною»². Писавшіе въ IX в. въ азіатскихъ областяхъ халифата авторы также не видѣли ничего невозможнаго въ томъ, что и при Омарѣ II раздавались земельные лены. Балазури говорятъ о каналѣ близъ Ракки на Евфратѣ, связанномъ съ именемъ Са'ида, сына Абд-ал-Мелика, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ этотъ участокъ земли былъ пожалованъ въ ленъ Са'иду его братомъ Валидомъ, по другимъ — Омаромъ II³. Я'куби говоритъ только, что Омаръ II утвердилъ земельные лены, пожалованные его предшественниками⁴, хотя Ибн-Са'дъ приводитъ разсказъ объ отобраніи леновъ у представителей династій⁵. Повидимому, Омаръ II не отказывался отъ земельной собственности и лично для себя. По словамъ Я'куби, его пребываніе въ сѣверной Сиріи въ нѣкоторыхъ источникахъ объяснялось тѣмъ, что у него тамъ былъ участокъ земли, унаслѣдованный имъ отъ матеря, внука Омара I⁶. Доводъ Вельхаузена въ пользу показаній Ибн-Асâкира, что они слишкомъ подробны, чтобы быть *aus den Fingern gezogen*⁷, для историка вообще мало убѣдителенъ; тотъ же доводъ могъ бы быть примѣненъ и къ показаніямъ о законѣ Омара I, отъ котораго Ибн-Асâкиръ былъ отдѣленъ немного только болѣе продолжительнымъ періодомъ, чѣмъ отъ Омара II.

¹ Das Arab. Reich 184 сл.

² Ибн-Са'дъ VIII, 277, 16 сл.

³ Beladşori 179.

⁴ Ja'qubi Hist. II, 367 наверху.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 275, 10 сл.

⁶ Ja'qubi Hist. II, 368 въ серединѣ.

⁷ Das Arab. Reich 182.

На авторитетъ Омара II вообще любилъ ссылаться въ своихъ притязаніяхъ спорившія между собой стороны. Въ IX в. бывшее еврейское селеніе Фадакъ, въ двухъ или трехъ дняхъ пути отъ Медины¹, рассматривалось въ шіитскихъ кругахъ, какъ наслѣдственная собственность пророка, неправильно отнятая у его дочери Фатимы и ея потомковъ; эти притязанія были признаны въ 826 г. халифомъ Мамуномъ, но впослѣдствіи вновь отвергнуты врагомъ потомковъ Алія, халифомъ Мутеваккилемъ (847—861)². О болѣе раннихъ распоряженіяхъ, въ томъ числѣ и о распоряженіяхъ Омара II, приводятся противорѣчивыя извѣстія. Есть извѣстіе, что Омаръ велѣлъ возвратитъ потомкамъ Фатимы Фадакъ, который послѣ его смерти снова былъ отобранъ его преемникомъ Іезидомъ³; но есть и другой рассказъ, по которому Фатима просила пророка отдать ей Фадакъ, но получила отказъ; при жизни пророка и первыхъ халифовъ доходы съ Фадака шли въ пользу странниковъ; Муавія подарилъ Фадакъ Мервану, тотъ оставилъ его двумъ изъ своихъ сыновей, Абд-ал-Мелику и Абд-ал-Азизу, и ихъ потомкамъ; Валидъ и Сулейманъ, по просьбѣ Омара, уступили ему свои доли; сдѣлавшись собственникомъ всего Фадака, Омаръ обратилъ его доходы на первоначальную цѣль — содержаніе странниковъ⁴; то же самое назначеніе эти доходы получили при Мутеваккилѣ, ссылавшемся на примѣръ первыхъ халифовъ и Омара II⁵. Сумма доходовъ съ Фадака составляла при Мервавѣ 10,000 динаровъ⁶.

Вообще въ шіитскихъ кругахъ распространялись явно преувеличенные рассказы⁷ о симпатіи Омара къ Алпдамъ и о преклоненіи его передъ ихъ родоначальникомъ. Достовернымъ можетъ считаться фактъ, что Омаръ лично, какъ послѣ него Хишамъ⁸, отказывался проклинать Алія съ каѳедры въ мечети, какъ дѣлалось со времени Муавія; за это Омара прославляетъ шіитскій поэтъ Кусайиръ⁹. Мас'уди приводитъ преданіе, по которому Омаръ велѣлъ замѣнить эти проклятія произнесеніемъ двухъ стиховъ Корана

¹ О мѣстоположеніи Якутъ, III, 855, 18.

² Beladsori 32 сл.

³ Якутъ III, 856, 9 сл.; также Ja'qubi Hist. II, 366 внизу. Вельхаузенъ (Das Arab. Reich 185) признаетъ это извѣстіе достовернымъ и даже не упоминаетъ о противоположныхъ преданіяхъ; также I. Goldziher, Muh. Studien, II, 103, прим. 1.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 286, 15 сл.

⁵ Якутъ III, 858, 12.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 286, 22.

⁷ Это преувеличеніе отмѣчаетъ и Вельхаузенъ, Das Arab. Reich 193, прим. 2.

⁸ Табарн II, 1483, 4. Объ этомъ Миръ Ислама, I (1912), 208.

⁹ Стихъ въ Ja'qubi Hist. II, 366 и Fragm. hist. arab. I, 62 внизу. У Якута, II, 671, 17 приводится о томъ же стихѣ шіитскаго имама Али Риза.

(16,92 и 59,10); при Мас'удѣ оба эти стиха произносились совместно, но не знали точно, было ли такъ установлено при Омарѣ, или Омаръ велѣлъ произносить одинъ изъ этихъ стиховъ. Больше всего подходитъ для этой цѣли второе мѣсто (59,10), гдѣ говорится о любви и прощеніи¹. Если Омаръ, дѣйствительно, ограничивался чтеніемъ этого стиха, то ясно, что онъ только отказывался отъ ненависти къ Алію, не становясь его поклонникомъ. Настроеніе Омара, повидимому, правильно передано въ рассказѣ Навави², по которому Омаръ отвѣтилъ спрашивавшимъ его мнѣніи о «днѣ верблюда» и битвѣ при Сяффинѣ: «Мнѣ довольно что Богъ избавилъ мою руку отъ пролитія этой крови; я не хочу погружать въ нее свой языкъ». Приблизительно такой же отвѣтъ далъ Тимуру въ 1401 г. одинъ ученый въ Дамаскѣ: «То время прошло; Богъ избавилъ насъ отъ участія въ тѣхъ смутахъ и сохранилъ наши мечи чистыми отъ той крови³».

Слова Табарн о высокихъ окладахъ Омейядовъ сравнительно съ Хашимидами наглядно показываютъ, насколько преувеличены рассказы о милостяхъ, которыми Омаръ будто бы осыпалъ Хашимидовъ. Въ отвѣтъ на ихъ благодарность за избавленіе отъ притѣсненій, которымъ они подвергались со времени Муавія, Омаръ будто бы заявилъ, что уговаривалъ своихъ предшественниковъ, Валида и Сулеймана, сдѣлать то же самое, но встрѣтилъ отказъ⁴. Столь же преувеличены извѣстія о безусловномъ уравненіи въ правахъ арабовъ и инородцевъ, считавшихся кліентами арабскихъ племенъ. Говорится, что кліенты были уравнены съ арабами въ продовольствіи, одеждѣ, вспомошествованіи и вознагражденіи; кромѣ того отпущенный на волю бывшій рабъ получалъ 25 динаровъ⁵. Вознагражденіе за военную службу выдавалось людямъ, способнымъ носить оружіе, начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста⁶; кромѣ того воинамъ выдавались средства на содержаніе ихъ семей, по числу наличныхъ душъ; принимались только мѣры противъ полученія денегъ за мертвыхъ⁷. Последній вопросъ, вѣроятно, былъ связанъ съ вопросомъ о правѣ передавать получавшіеся изъ казны оклады по наслѣдству. Омаръ хотѣлъ уничтожить это право и установить одинаковое для всѣхъ вознагражденіе за службу; на это ему замѣтилъ одинъ изъ его совѣтниковъ: «Я боюсь, что тѣ, кто будетъ править послѣ

¹ Prairies d'or V, 419.

² Biogr. diction. 471.

³ Ибн-Арабшахъ, канреков. изд., I 10

⁴ Ибн-Са'дъ VII П, 9 289, 9 сл.

⁵ Ibid. 277, 6 сл.

⁶ Ibid. 258, 24.

⁷ Ibid. 255, 14.

тебя, будутъ слѣдовать твоему примѣру въ непризнаніи права наслѣдованія и не будутъ слѣдовать твоему примѣру въ установленіи равенства». Омаръ призналъ справедливость этого замѣчанія и отказался отъ своего намеренія¹.

Заботы о своевременной уплатѣ жалованія въ увеличенномъ размѣрѣ не могли не отразиться на расходахъ казны; въ то же время стремленіе избавить подданныхъ отъ всякаго несправедливаго обложенія должно было отразиться на уменьшеніи доходовъ. Омару приписывается отмѣна не только налоговъ, но существу несомнѣстныхъ съ мусульманскимъ вѣроученіемъ, какъ хараджъ съ мусульманъ и лоборы языческаго періода², но также отмѣна всѣхъ тѣхъ добавочныхъ сборовъ, которые были введены его предшественниками съ нарушеніемъ существовавшихъ договоровъ. При Абд-ал-Меликѣ дань съ острова Кипра была увеличена на 1000 динаровъ; при Омарѣ эта прибавка была отмѣнена, впоследствии, при халифѣ Хишамѣ, восстановлена³. Жители города Айлы на Красномъ морѣ по договору съ пророкомъ были обязаны платить всего 300 динаровъ въ годъ; Омаръ запретилъ взимать съ нихъ что либо сверхъ этой суммы⁴. Жители христіанскаго промышленнаго города Неджрана въ Іеменѣ по договору съ пророкомъ должны были поставлять ежегодно 2000 плащей; при Омарѣ I, рѣшившемъ не допускать на арабскомъ полуостровѣ другихъ вѣръ, кромѣ ислама, неджранцы были выселены въ Иракъ, гдѣ ихъ число вслѣдствіе разныхъ бѣдствій и притѣсненій уменьшилось постепенно въ десять разъ. Омаръ II призналъ, что наложенный на нихъ сборъ есть подушный — джизья — а не земельный; джизьи съ мертвыхъ, какъ и съ принявшихъ исламъ, взимать нельзя; поэтому было предписано впредь взимать съ неджранцевъ только 200 плащей, стоимостью всего въ 8000 дирхемовъ⁵. Жители мусульманскаго Іемена при прежнемъ пашѣ Мухаммедѣ ибн-Юсуфѣ, братѣ Хаджжаджа, были обложены добавочнымъ сборомъ, въ качествѣ хараджа; Омаръ II отмѣнилъ этотъ сборъ и велѣлъ взимать съ іеменцевъ только десятину; при его преемникѣ Іезидѣ прибавка была восстановлена⁶.

¹ Beladsori 458 сл.

² Сюда, повидимому, причислялись и отмѣненные Омаромъ II, несмотря на его неспособность къ предметамъ роскоши, налоги на роскошь; прежде взимали по 1 динару за лошадь, по 1 динару за слугу, по 5 дирхемовъ за каждый «адданъ» (0,45 дес.) земельной собственности (Ибн-Са'дъ VIII, 271,7 слѣд.).

³ Beladsori 154 сл.

⁴ Beladsori 59.

⁵ Ibid. 66 сл.

⁶ Ibid. 78.

Къ доходамъ казны въ строгомъ смыслѣ слова не могли быть причислены сборы съ имущества мусульманъ — *садака* — въ то время тоже принудительные, но предназначавшіеся, по крайней мѣрѣ въ теоріи, исключительно для помощи бѣднымъ. На дѣлѣ правительство часто распоряжалось и этими поступленіями по своему произволу; но сознаніе, что этимъ нарушаются предписанія ислама, было еще настолько сильно, что правитель, желавшій быть или казаться благочестивымъ, могъ расходовать садаку только на дѣла благотворительности. Когда въ серединѣ VIII в. движеніе во имя книги Божіей и сунны пророка привело къ низложенію Омейядовъ и воцаренію Аббасидовъ, повалъ династія тотчасъ нашла нужнымъ вернуть садакѣ ея прежнее назначеніе¹ — разумѣется, только на короткое время. При Омарѣ II въ вопросѣ о назначеніи садаки, конечно, не могло быть колебаній; такъ сборы зерномъ и финиками, взимавшіеся въ Оманѣ, было предписано обращать исключительно въ пользу мѣстныхъ бѣдняковъ². Не вполне выясненъ былъ только вопросъ, какіе сборы должны быть отнесены къ этой категоріи. Мусульманское право при Аббасидахъ приняло формулу римскаго права объ *osservatio*, приравнило доходы съ рудниковъ къ военной добычѣ и предписало взимать съ нихъ въ пользу казны пятую часть — хумсъ³. При Омарѣ II вопросъ оставался спорнымъ, и самъ халифъ склонялся къ менѣе выгодному для казны рѣшенію вопроса; по его мнѣнію, сборы съ рудниковъ относились къ садакѣ, а не къ хумсу⁴. Въ вопросѣ о томъ, какія статьи дохода подлежатъ садакѣ, Омаръ, въ интересахъ бѣдныхъ, иногда шелъ дальше мусульманскаго права; такъ было предписано взимать садаку съ пчелиныхъ ульевъ, между тѣмъ какъ впоследствии многіе изъ религіозныхъ авторитетовъ находили, что эта статья дохода садакѣ не подлежитъ⁵.

Изъ мѣръ для защиты неимущихъ противъ эксплуатаціи частными лицами упоминается только распоряженіе Омара II, изданное въ томъ же 100 г. хиджры, къ которому Ибн-Асâкиръ относитъ фантастическій земельный законъ; въ этомъ году жителямъ Мекки было запрещено взимать плату за сдачу въ наемъ своихъ помѣщеній и воздвигать постройки въ долинѣ Мина⁶, гдѣ, какъ извѣстно, паломники бросаютъ камни, совершая

¹ Кинди 100,15.

² Beladkori 77 сл.

³ Миръ Ислама, I (1912), 133.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 259,27 сл.

⁵ Beladkori 57.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 268,28 сл. О запрещеніи сдачи въ наемъ помѣщеній въ Меккѣ говорить и Балазури (Beladkori 43), безъ указанія даты.

жертвоприношеніе и проводить двѣ ночи. Распоряженіе Омара, очевидно, было сдѣлапо съ цѣлью защитить паломниковъ отъ эксплуатаціи мѣстными жителями; но сомнительно, чтобы оно могло получить практическое при-
мѣненіе.

Намѣстникамъ, кромѣ справедливости и защиты населенія отъ при-
тѣсненій, предписывалось также заботиться о чистотѣ нравовъ въ духѣ
предписаній ислама. Египетскому намѣстнику было предписано запретить
употребленіе вина, сломать и уничтожить лавки, гдѣ оно продавалось¹.
Женщинамъ было запрещено посѣщать публичныя бани², мужчины, посѣ-
щавшіе бани, обязательно должны были надѣвать *мизаръ*, нѣчто въ родѣ
купальнаго костюма³.

При дворѣ халифа благочестіе сдѣлалось обязательнымъ. Какъ при
Валидѣ разговоръ при дворѣ шелъ о постройкахъ, при Сулейманѣ — о
бракахъ и наложницахъ, такъ при Омарѣ придворные спрашивали другъ
друга о ночныхъ молитвахъ, изученіи и чтеніи Корана, о постѣ⁴. Благоче-
стивую жизнь, наравнѣ съ халифомъ, вела и его семья; его сынъ Абд-ал-
Меликъ, умершій въ царствованіе отца 17-ти или 19 лѣтъ⁵, считался чело-
вѣкомъ самой строгой нравственности.

Перемѣной въ образѣ жизни халифа менѣе всего могли быть довольны
поэты, которыхъ онъ нѣкогда такъ щедро награждалъ въ Мединѣ. Поэтъ
Джериръ упрекалъ халифа за щедрость къ бѣднымъ и скупость къ
поэтамъ⁶. Омаръ, однако, продолжалъ дѣлать подарки поэтамъ, но въ мень-
шемъ размѣрѣ, притомъ только изъ своихъ личныхъ средствъ, не изъ
средствъ казны. Иногда халифъ считалъ нужнымъ тайно награждать
поэтовъ болѣе щедро, чѣмъ публично. Въ *كتاب الأغانى* приводится рассказъ
о трехъ поэтахъ, посѣтившихъ халифа; двоимъ было разрѣшено произнести
свои стихи, и было приказано дать имъ по 150 дирхемовъ; третьяго ха-
лифъ совершенно отказался слушать. Поэтамъ намекнули, чтобы они оста-
лись и подождали; когда они вышли отъ халифа, двое получили по 300 дир-
хемовъ, третій — 150⁷.

Кромѣ поэзіи, халифъ былъ не чуждъ и науки; еврейскій врачъ изъ
Басры Масарджуя или Масарджисъ перевелъ для него съ сирійскаго языка

¹ Книди 68,9.

² Ibid. 69,4.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 263,16 сл.

⁴ Табари II, 1273,2.

⁵ 19½ у Ибн-Кутейбы, *كتاب المعارف*, 184; 17½ у Навави, *Biogr. dict.*, 466.

⁶ *كتاب الأغانى* VIII, 154.

⁷ Ibid. 152 слѣд.

на арабскій медицинское сочиненіе александрійскаго врача и священника Ларона. По другому пзвѣстію, переводъ былъ сдѣланъ еще при Мерванѣ; Омаръ нашелъ его въ библиотекѣ своего дѣда, положилъ его къ себѣ на молитвенный коврикъ и 40 дней спрашивалъ Бога, вѣроятно посредствомъ гаданія по Корану, слѣдуетъ ли обнародовать этотъ трудъ¹. Во время своего царствованія Омаръ долженъ былъ ставить простодушную дѣтскую вѣру выше всякаго знанія; ему приписывается наставленіе: «Держись вѣры ребенка въ школѣ и бедуина и откажись отъ всего остального»². Халифу приписывали изреченіе: «Кто сказалъ: я не знаю, тотъ упрочилъ за собой половину знанія»³. Свое стремленіе возстановить въ чистомъ видѣ жизнь первоначальной мусульманской общины халифъ умѣлъ выражать въ картинныхъ образахъ. Въ *كتاب الأغانى* ему приписывается сравненіе ислама съ рѣкой, протекавшей при пророкѣ и двухъ первыхъ халифахъ въ одномъ большомъ руслѣ; со времени Османа изъ рѣки начали отводить каналы, число которыхъ все увеличивалось; оттого главное русло высохло; между тѣмъ жажда живущихъ на этой рѣкѣ будетъ удовлетворена только тогда, когда главное русло снова наполнится водою, какъ прежде⁴.

Омаръ, повидному, рѣдко бывалъ въ Дамаскѣ и не жилъ во дворцѣ Омейядовъ. Якуби говоритъ, что онъ ненавидѣлъ постройки своихъ предшественниковъ, воздвигнутыя на средства, взятыя изъ имущества Божьяго и государственной собственности мусульманъ⁵. Ему приписывается намѣреніе удалить изъ построенной Валидомъ мечети въ Дамаскѣ мраморъ, мозаику и золото, чтобы эта роскошь не отвлекала вѣрующихъ отъ молитвы; но это распоряженіе было отмѣнено, когда халифу рассказали, какое впечатлѣніе произвела мечеть на византійскихъ пословъ: византійцы сказали, что они прежде считали господство арабовъ только временнымъ, теперь великолѣпіе и прочность построенной ими мечети убѣдили ихъ въ томъ, что они ошиблись⁶. Начатая при Сулейманѣ мечеть въ Рамлѣ при Омарѣ, однако, была достроена, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ⁷. Любимымъ мѣстопробываніемъ халифа былъ укрѣпленный городокъ Хунасира въ

¹ Ибн-ал-Кяфи, изд. Lippert, 324 сл. О врачѣ Ларонѣ и его переводникѣ еще В. Райтъ, Сир. литер., перев. подъ ред. проф. П. К. Коковцева, 65, прим. 6. О Масарджисѣ также Fihrist 297.

² Ибн-Са'дъ VIII, 275, 27.

³ Джахизъ, *كتاب البيان*, егип. изд., I, 150.

⁴ *كتاب الأغانى* VIII, 152.

⁵ Ja'qubi Hist. II, 368.

⁶ Якутъ II, 595. Нѣсколько иначе Ибн-ал-Факихъ, *Bibl. Geogr. Arab.* V, 108. Ср. еще *Fragm. hist. arab.* I, 5 сл.

⁷ Beladwari 143; персв. П. А. Мѣдникова, *Палестина*, II, 84.

сѣверной Сиріи, въ двухъ дняхъ пути отъ Халеба, по направленію къ сѣверо-западу, на краю пустыни¹. Еще нѣсколько дальше къ сѣверо-западу, на берегу моря, въ горной мѣстности близъ Масиса, находилась крѣпость Мусаккабъ (مَتْقَب), постройку которой нѣкоторые приписывали Омару II², другіе — Хишаму³; въ X в. въ Мусаккабѣ показывали мимбаръ и Коранъ Омара II.

По разсказу Я'куби, Омара убѣдили, что его пребываніе на краю пустыни вредно отражается на интересахъ государства. Онъ отправился въ Дамаскъ и прожилъ тамъ 20 дней въ домѣ своего отца Абд-ал-Азиза, близъ мечети⁴. Въ XII в., при Ибн-Джубейрѣ⁵, въ Дамаскѣ показывали небольшую мечеть Омара II и домъ его; послѣдній находился къ сѣверу отъ главной мечети и впоследствии былъ обращенъ въ ханаку для суфиевъ. Однако и для столицы царствованіе Омара II не прошло безслѣдно, въ смыслѣ насажденія благочестія и справедливости; назначенный имъ въ Дамаскѣ казій оставался въ этой должности⁶, какъ говоритъ Якутъ, 30 лѣтъ, при его преемникахъ Іезидѣ и Хишамѣ или, если указанное число лѣтъ соответствуетъ дѣйствительности, даже послѣ Хишама, почти до конца правленія Омейядовъ.

Изъ Дамаска Омаръ ушелъ въ Халебъ, потомъ въ Химсъ, но на пути туда заболѣлъ и остановился въ монастырѣ Дейръ-Сим'анъ, гдѣ кушалъ себѣ у одного монаха за 10 динаровъ⁷ мѣсто для погребенія. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ предполагается, что Дейръ-Сим'анъ находился въ сѣверной Сиріи⁸; только Бекри⁹ и Якутъ помѣщаютъ его въ окрестностяхъ Дамаска¹⁰. Самъ Якутъ говоритъ, что монастырь

¹ Якутъ I, 151,16 и II, 473.

² Истахри, Bibl. Geogr. Arab. I, 63.

³ Beladsori 166 внизу.

⁴ Ja'qubi Hist., II, 368.

⁵ Ибн-Джубейръ, изд. Wright-de Goeje, 269,11 и 271,11.

⁶ Якутъ II, 536 внизу.

⁷ Такая сумма указана въ كتاب الاغانى VIII, 158, гдѣ нѣтъ названія монастыря. Въ Fragm. hist. arab. I, 63 говорится о двухъ динарахъ, причемъ вмѣсто одного халифъ отдастъ свою рубашку.

⁸ Напр. Fragm. hist. arab. I. с. من ارض المعرة; Mac'уди, Prairies d'or V, 416 من اعمال حمص.

⁹ Переводъ извѣстія Бекри у Н. А. Мѣдниковъ, Палестина, II, 905.

¹⁰ Якутъ II, 671,2. Н. А. Мѣдниковъ, Палестина, I, 719 ссылается также на Евтихія, но Евтихій помѣщаетъ монастырь въ землѣ химской (ibid. II, 276). Монастырь, въ которомъ былъ погребенъ Омаръ, во всякомъ случаѣ не тождественъ съ болѣе извѣстной обителью, носившей то же названіе, на пути изъ Халеба въ Антиохію. Ср. Якутъ II, 672,5 бар. В. Розенъ, Василий Болгаробойца, стр. 163.

давно пришелъ въ разрушеніе, и въ его время даже его мѣстоположеніе не было точно извѣстно; приводятся стихи поэта Абу-Фираса, видѣвшаго монастырь въ развалинахъ. Во времена Якута могила Омара находилась въ другомъ монастырѣ сѣверной Сиріи, Дейръ-Мурранъ, близъ Ма'арры, и была мѣстомъ паломничества¹.

Преданія о послѣднихъ мнутахъ халифа и о его погребеніи носятъ такую же легендарную окраску, какъ многіе рассказы о его жизни и царствованіи. У Табари говорится со словъ Фатимы, жены Омара, что послѣдними словами Омара были слова стиха Корана (28,33) «Это будущее жилище мы предназначаемъ для тѣхъ, которые не стремятся ни къ возвышенію, ни къ разврату, и будущая жизнь принадлежитъ благочестивымъ»². По легендѣ, рассказанной въ كتاب الاغانى, Фатима и Маслама слышали неземной голосъ, произнесшій этотъ стихъ Корана въ комнатѣ умершаго халифа, который испустилъ духъ со словами حَيِّ الْوَجُوهُ حَيِّ الْوَجُوهُ³. По كتاب الاغانى Омаръ рассказывалъ Масламѣ, что при погребеніи Абд-ал-Мелика у него было видѣніе, показавшее ему судьбу халифа послѣ смерти и побудившее его не подражать Абд-ал-Мелику. Самъ Маслама, когда завернулъ тѣло Омара въ саванъ, имѣлъ видѣніе, показавшее ему халифа въ раю⁴. Крайнимъ безвкусіемъ отличается легенда, рассказанная у Ибн-Са'да, что во время погребенія Омара съ неба упала бумажка съ надписью: «Избавленіе (امان) отъ Бога для Омара ибн - Абд - ал - Азиза отъ (адскаго) пламени»⁵.

В. Бартольдъ.

¹ Якутъ II, 697,9. Могилу Омара показывали при Якутѣ еще въ третьемъ монастырѣ Накирѣ (دير النخيرة), также близъ Ма'арры, на горѣ (ibid. 704,10).

² Табари II, 1372,12.

³ كتاب الاغانى VIII, 158.

⁴ Ibid. 156 сл. Ср. сходную легенду во Fragm. hist. arab. I, 61 наверху. Омаръ видѣлъ, какъ лицо Валида въ могилѣ почернѣло; рассказчикъ (Маймунъ ибн-Михранъ) видѣлъ, какъ лицо Омара въ могилѣ стало еще лучше, чѣмъ было въ дни счастья.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 301,17 сл.

Фаустъ Византійскій, какъ историкъ¹.

Фаустъ Византійскій—древнѣйшій памятникъ армянской исторической литературы — излагаетъ событія IV вѣка, останавливаясь преимущественно на дѣяніяхъ преемниковъ великихъ просвѣтителей Арменіи, Григорія и Тирдата. Трудъ его не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ, въ какомъ имѣлся въ рукахъ еще въ VI вѣкѣ у Прокопія Кесарійскаго, извѣстнаго историка Юстиніана². Но и паличная редакція представляетъ высокій интересъ и заключаетъ въ себѣ такія характерныя особенности, которыя выдѣляютъ его среди другихъ историческихъ памятниковъ.

Фаустъ свободенъ отъ ученой схоластики, присущей въ большей или меньшей мѣрѣ другимъ армянскимъ историкамъ. Онъ не пользовался письменными документами³ и своими свѣдѣніями обязалъ, главнымъ образомъ, живымъ воспоминаніямъ и преданіямъ. Близость Фауста къ дѣйствительной жизни страны — главное его преимущество передъ другими историками.

Значеніе труда Фауста, богатаго цѣнными реаліями изъ среды современной ему нахарарской Арменіи, достаточно признано и оцѣнено нынѣ специалистами. Но сравнительно мало вниманія удѣлено находящимся у него же матеріаламъ по вѣднѣйшей исторіи Арменіи. Свѣдѣнія его о политическихъ событіяхъ, касающихся византійско-персидскихъ отношеній въ Арменіи, носятъ легендарный характеръ и потому нелегко поддаются точной оцѣнкѣ въ отношеніи исторической ихъ основательности. Намъ хотѣлось бы подойти къ Фаусту пока именно съ этой стороны и разсмотрѣть, насколько историчны его сказочныя повѣствованія и есть-ли въ нихъ положительныя данныя, пригодныя для исторіи.

¹ Настоящій этюдъ написанъ давно и нечатаемая нынѣ часть доложена еще 21 декабря 1906 года въ засѣданіи Восточнаго Отд. Русск. Арх. Общества, подъ названіемъ: «*Римско-персидскія отношенія за первую половину IV в. и армянскія о нихъ преданія*». (ЗВО, т. XVII, стр. XLII—XLIII). Статья эта находится въ связи съ задуманной тогда большой работой, имѣвшей цѣлью собирать важнѣйшіе разбросанные у классиковъ матеріалы по исторіи армянъ въ оригиналѣ съ русскимъ переводомъ.

² См. Начальная исторія Арменіи, Виз. Врем. 1911, VIII, 1—2.

³ Вліяніе литературныхъ источниковъ сказывается въ частяхъ, касающихся жизни патріарха Нерсеса. Но весьма сомнительно, чтобы эти части входили въ первоначальную редакцію труда Фауста.

I.

Въ перипетіяхъ безконечной борьбы за Арменію между Византіей и Персіей отмѣчаются два важныхъ момента, 298 и 363 гг. Обстоятельства этихъ моментовъ достаточно пзвѣстны изъ западныхъ источниковъ и даютъ отчетливое понятіе о положеніи двухъ соперницъ по отношенію къ предмету спора, Арменіи. Что же касается событій, происшедшихъ между 298 и 363 годами, то свѣдѣнія о нихъ у западныхъ историковъ очень скудны. У армянскаго Фауста имѣются кое-какія сказанія, которыя относятся къ названному періоду и историческая основа которыхъ вскрывается при близкомъ знакомствѣ съ обстоятельствами дѣла, сообщаемыми западными авторами.

Въ концѣ третьяго столѣтія Арменія признавала верховное покровительство римлянъ. Въ 294 году на персидскій престолъ вступилъ царь Нарсей. По примѣру отца своего Шапура и изъ явнаго желанія подражать ему, какъ говоритъ Лактанцій¹, онъ сдѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ и въ слѣдующемъ 295 году вторгся въ Арменію и занялъ ее. «Narseus primus, свидѣтельствуеъ Аммианъ, Armeniam Romano juri obnoxiam occupat²».

Оборона Арменіи противъ персовъ выпала на долю Галеріи Максиміана, зятя и соправителя Діоклетіана. Послѣдній, выступая въ Египетъ для подавленія возстанія Ахиллеса, приказалъ цезарю Галерію, правившему тогда Иллиріей, отправиться немедленно противъ персидскаго царя. Необытнѣй и пылкій цезарь отважился завязать бой съ превосходными силами врага въ Месопотаміи между Калвникой и Каррами и потерялъ страшное пораженіе. Презрительный пріемъ, оказанный ему, побѣжденному вождю, Діоклетіаномъ, вызвалъ въ немъ рѣшимость еще разъ попытать счастье въ войнѣ. Галерій перенесъ военныя дѣйствія изъ месопотамскихъ равнинъ на высоты Арменіи, которая считалась «ferme sola seu faciliior vincendi via». Новый бой въ горахъ Арменіи увѣнчался блестящимъ успѣхомъ для римлянъ и покрылъ имя оскорбленнаго цезаря громкой славой.

Войны Галерія описаны современными историками, Аврелиемъ Викторомъ, Евтропіемъ и Руфомъ Фестомъ, писателями IV вѣка. Мы сдѣлаемъ, что память о послѣднемъ сраженіи Галерія и Нарсея сохранилась и у

¹ Lactantius, De morte persecutorum, c. 9.

² Ammian XXIII, 5. Ср. Eutrop. XXII: Narseus Orienti bellum inferret; а также Aur-Vict. XXXIX: Eodem tempore Orientem Persae ..quaticbant.

армянскаго Фауста. Прежде чѣмъ привести относящійся сюда, на мой взглядъ, разсказъ Фауста, познакоимся съ обстоятельствами войны по даннымъ упомянутыхъ историковъ.

Аврелій Викторъ, написавшій свой трудъ въ 360 году, говоритъ:

«Въ то время, когда Ювій (=Діоклетіанъ) отправился въ Александрію (противъ самозванца Ахиллея), онъ далъ цезарю Максиміану приказъ оставить свои предѣлы (т. е. Иллирію) и двинуться въ Месопотамію для отраженія натиска персовъ. Вначалѣ онъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе, но успѣшно образовавъ новую армію изъ ветерановъ и новобранцевъ, онъ бросился на врага черезъ Арменію, что является надежной базой и болѣе легкимъ путемъ побѣды. Наконецъ, тамъ же Галерій разбилъ царя Нарсея, взявъ въ плѣнъ его дѣтей и женъ и весь царскій дворъ. Побѣда была такъ блистательна, что если бы Валерій (=Діоклетіанъ), по приказанію котораго все дѣлалось, не противился бы, невѣдомо, по какой причинѣ, то римская власть простерлась бы на новую провинцію. Впрочемъ, часть земель, для насъ болѣе важная, все-таки была приобрѣтена; и такъ какъ персы настойчиво требовали ихъ обратно, то снова вспыхнула война, тяжелая и весьма гибельная» — *Interim, Jovio Alexandriam profecto, provincia credita Maximiano Caesari, uti relictis finibus in Mesopotamiam progredieretur, ad arcendos Persarum impetus. A quis primo graviter vexatus, contracto confestim exercitu e veteranis ac tironibus, per Armeniam in hostes contendit — quae ferme sola seu facilius vincendi via est. Denique ibidem Narseum regem in ditionem subegit, simul liberos coniugesque et aulam regiam. Adeo victor, ut ni Valerius, cujus nutu omnia gerebantur, incertum qua causa abnuisset, Romani fasces in provinciam novam ferrentur. Verum pars tamen nobis utilior quaesita, quae quum acrius reposcuntur, bellum recens susceptum est, grave admodum perniciosumque. Aur. Victor. De Caesaribus, XXXIX.*

Нѣсколько обстоятельнѣе сообщеніе Евтропія:

«Галерій Максиміанъ сначала имѣлъ очень неудачное сраженіе съ Нарсеемъ, встрѣтившись между Калникой и Каррами, такъ какъ онъ дрался скорѣе необдуманно, чѣмъ малодушно. Съ ничтожнымъ отрядомъ онъ вступилъ въ бой съ многочисленнымъ врагомъ. Обращенный въ бѣгство, Галерій отправился къ Діоклетіану и достигнувъ его на пути (въ Египетѣ), былъ принятъ, говорятъ, съ такимъ высокомеріемъ, что нѣсколько тысячъ шаговъ бѣжалъ въ порфирѣ, какъ разсказываютъ, за его колесницей.

Вскорѣ, однако, набравъ войско въ Иллиріи и Мизіи, Галерій вторично сразился съ Нарсеемъ, дѣдомъ Ормизда и Шапура, въ Великой Арменіи съ

очень большимъ усилѣхомъ, благодаря обдуманному плану, а равно храбрости, при чемъ онъ принялъ на себя даже обязанность развѣдчика съ двумя или тремя всадниками. Отбросивъ Нарсея, Галерій разгромилъ его лагерь, захватилъ женъ сестеръ, дѣтей его и кромѣ того множество лицъ изъ персидской знати и персидскую богатѣйшую сокровищницу. Онъ самъ убѣжалъ въ окраинныя пустыни своего государства. Поэтому когда Галерій явился съ триумфомъ къ Діоклетіану, стоявшему тогда въ Месопотаміи съ войскомъ, то былъ принятъ съ огромнымъ почетомъ». — *Galerius Maximianus primo adversus Narseum minime secundum proelium habuit inter Callinicum Carrasque congressus, cum inconsulte magis, quam ignave dimicasset. Admodum enim parva manu cum copiosissimo hoste commisit. Pulsus igitur et ad Diocletianum profectus cum ei in itinere occurrisset, tanta insolentia a Diocletiano fertur exceptus, ut per aliquot passuum milia purpuratus tradatur ad vehiculum cucurrisset.*

Mox tamen per Illyricum Moesianque contractis copiis rursus cum Narseo, Hormisdæ et Saporis avo, in Armenia Majori pugnavit successu ingenti, nec minore consilio simulque fortitudine, quippe qui etiam speculatoris munus cum altero ac tertio equite susceperit. Pulso Narseo castra ejus diripuit. Uxores, sorores, liberos cepit, infinitam extrinsecus Persarum nobilitatem, gazam Persicam copiosissimam. Ipsum in ultimas regni solitudines egit. Quare ad Diocletianum in Mesopotamia cum praesidiis tum morantem ovans regressus ingenti honore susceptus est. Eutropii breviarium historiae Romanae. l. IX. c. 24 — 25.

Третій историкъ Р. Фестъ о тѣхъ же событіяхъ рассказываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

«При императорѣ Діоклетіанѣ имѣла мѣсто блестящая побѣда надъ персами. Цезарь Максиміанъ въ первой схваткѣ, сражаясь при незначительныхъ силахъ съ несмѣтными полчищами, пораженный отступилъ. Онъ былъ принятъ съ такимъ негодованіемъ Діоклетіаномъ, что впередъ его колесницы нѣсколько тысячъ шаговъ бѣжалъ въ порфирѣ. Когда же онъ съ трудомъ добился разрѣшенія, набравъ армию изъ предѣловъ Дакіи, вновь попытать счастья въ войнѣ, то самъ цезарь лично предиринялъ развѣдку въ Великой Арменіи вмѣстѣ съ двумя всадниками; и во главѣ 25000 войскъ достигъ непріятельскій лагерь, внезапно попалъ на безчисленные отряды персовъ и предалъ ихъ истребленію. Персидскій царь Нарсей убѣжалъ; жена и дочери его попали въ плѣнъ и охранялись съ бережнымъ вниманіемъ къ ихъ стыдливости. Восхищенные такимъ отношеніемъ персы сознавались, что римляне не только оружіемъ, но и морально, выше ихъ.

Месопотамію вмѣстѣ съ пятыю затигрскими областями они отдали назадъ. Миръ былъ заключенъ и продолжается до нашего времени на благо имперіи»¹. — Sub Diocletiano principe, pompa victoriae nota de Persis est. Maximianus Caesar prima congressione, quum contra innumeram multitudinem cum paucis acriter dimicasset, pulsus recessit: ac tanta indignatione a Diocletiano susceptus est, ut ante carpentum ejus per aliquot millia passuum cucurrerit purpuratus: et quum vix impetrasset, ut reparato de limitaneis Daciae exercitu eventum Martis repeteret, in Armenia Majore ipse Imperator cum duobus equitibus exploravit hostes: et cum viginti quinque millibus militum superveniens castris hostilibus, subito innumera Persarum agmina adgressus, ad interneccionem cecidit. Rex parsarum Narseus effugit; uxor ejus et filiae captae sunt, et cum maxima pudicitiae custodia reservatae. Pro qua admiratione Persae non modo armis, sed etiam moribus, superiores esse Romanos confessi sunt; ac Mesopotamiam cum Transstigritanis quinque regionibus reddiderunt. Pax facta, usque ad nostram memoriam Republicae utilis perduravit¹. Ruffi Festi Breviarum, с. XXV.

Какъ можно видѣть, рассказы трехъ историковъ очень близки другъ къ другу и сходятся даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Возможно, что всѣ они пользовались общимъ, для насъ нынѣ утеряннымъ, источникомъ². Во всякомъ случаѣ достовѣрность ихъ сообщеній не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Отзвуки описанныхъ событій, какъ мнѣ кажется, слышатся и въ армянской литературѣ, именно, у Фауста. Позорное плѣпленіе семейства грознаго царя царей было такое необычайное явленіе, что не могло изгладиться изъ памяти страны, служившей мѣстомъ этого позора, не оставивъ слѣда.

Фаустъ рассказываетъ объ одномъ интересномъ эпизодѣ, который имъ приурочивается ко времени царя Тирана, но въ дѣйствительности въ немъ имѣемъ отраженіе занимающихъ насъ событій.

У армянскаго царя Тирана былъ необычайный конь, «весь въ яблокахъ, отливающихъ разными тонами, полный отваги, хорошей породы, красиво сложенный, необыкновеннаго роста и длины», словомъ, своей дивной красотой составлялъ предметъ общаго изумленія и восхищенія. Изъ-за этого копя испортились отношенія между царемъ Тираномъ и персидскимъ правителемъ Атропатены, Шапух-Варазомъ. Послѣдній пожелалъ имѣть прославленную лошадь. Владѣльцу ея Тирану жалко было съ ней расстаться.

¹ Ср. также гл. XX, гдѣ то же самое приводится сжато.

² См. Martin Schanz, Geschichte der röm. Litteratur, München, 1904, стр. 67 и 76.

На требованіе Вараза, онъ послалъ ему другого, подходящаго по цвѣту и вѣшности, коня. Подмѣна раскрылась. Обманутый Варазъ пришелъ въ ярость. Онъ еще болѣе воспылалъ негодованіемъ, когда ему стали шептать о томъ, что человекъ, которому жалко было уступить ему какую-то кожу (рѣчь о конѣ), разсчитывая на императора и его силы, замышляетъ отнять персидское царство отъ рода Сасапидовъ, говоря: «это принадлежало раньше намъ и нашимъ предкамъ».

Варазъ повѣрилъ доносамъ и доложилъ обо всемъ персидскому царю Нарсею, на что послѣдовалъ приказъ покончить съ неблагонадежнымъ царемъ Тираномъ. Съ этой цѣлью Атропатенскій правитель явился къ нему въ Арменію, якобы для улаженія недоразумѣній. Довѣрчивый царь принялъ его дружелюбно, оказалъ всяческія почести, между прочимъ, пригласилъ его на охоту. Коварный гость, улучивъ минуту, захватилъ Тирана и отогналъ его въ плѣнъ къ персидскому царю, послѣ того какъ выжегъ ему глаза раскаленнымъ желѣзомъ.

Расправа вѣроломнаго правителя съ Тираномъ вызвала въ странѣ сильное движеніе противъ персовъ. Собрались владѣтельные князья пахарары и на совѣщаніи рѣшили обратиться къ греческому императору за помощію, чтобы отомстить за несчастіе родного царя. Послами были избраны Сюнійскій князь Андокъ и Аршарунійскій князь Аршавиръ Камсараканъ. Они прибыли въ столицу и вручили императору грамоту съ подарками.

Тѣмъ временемъ персидскій царь Нарсей во главѣ большихъ силъ вступилъ въ Арменію и сталъ опустошать ее. Услышавъ объ этомъ, императоръ собралъ войско и двинулся противъ персовъ. Онъ остановился лагеремъ подъ городомъ Саталой. Императоръ выбралъ двухъ знатныхъ лицъ изъ армянъ, Аршавира и Андока, тѣхъ самыхъ князей, которые были посланы къ нему, и вмѣстѣ съ ними, самъ переодѣвшись крестьяниномъ подъ видомъ торговца канустой, проникъ въ лагерь непріятеля. Персы стояли въ Басіанской области, въ селѣ Осхѣ. Лазутчики явились къ нимъ, осмотрѣли все, развѣдали количество силъ и ихъ расположеніе и вернулись обратно къ себѣ въ лагерь. Послѣ того греческія войска набросились врасплохъ на персовъ и разбили ихъ на голову. Рѣзня была страшная; едва удалось царю спастись бѣгствомъ въ сопровожденіи единственнаго всадника. Греки взяли персидскій лагерь, и въ числѣ прочихъ къ нимъ попали въ плѣнъ жены царя и первая жена съ прислужницами. Побѣдоносный императоръ назначилъ князей Андока и Аршавира правителями Арменіи и, одѣлавъ ихъ и другихъ князей щедрыми подарками, возвратился къ себѣ въ столицу.

Персидскій царь Нарсей собралъ своихъ приближенныхъ для выясненія причинъ постигшаго его несчастія. Тутъ обнаружилась настоящая подкладка доносовъ Атропатенскаго начальника Шапух - Вараза: изъ-за одного коня онъ вовлекъ своего государя въ войну съ императоромъ и послужилъ виновникомъ неслыханнаго пораженія. Разгнѣванный царь приказалъ немедленно казнить Вараза; затѣмъ послалъ людей къ императору съ предложеніемъ мира и съ просьбой отпустить изъ плѣна по крайней мѣрѣ женъ его.

Въ отвѣтъ на это императоръ Валентъ требовалъ въ особой грамотѣ, чтобы сначала персы освободили плѣнныхъ, увиденныхъ ими изъ Арменіи, и прежде всего армянскаго царя Тирана, обѣщая тогда исполнить просьбу персидскаго царя. Послѣдній согласился и сейчасъ же отпустилъ Тирана изъ заключенія; такъ какъ онъ былъ лишень зрѣнія, то по его же просьбѣ преемникомъ былъ назначенъ сынъ его Аршакъ. Послѣ того были освобождены и возвращены въ Персію семья царя и другіе плѣнные¹.

Разсказъ Фауста носитъ нѣсколько сказочный характеръ. Въ немъ смелены событія разныхъ временъ: персидскій царь Нарсей, правившій отъ 293 по 302 годъ, выставляется современникомъ Тирана, царствовавшаго въ Арменіи въ 40-ыхъ годахъ IV вѣка и оба они ведутъ дѣла съ императоромъ Валентомъ, занявшимъ престолъ отъ 364 по 368 годъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать здѣсь отголоска вѣрнаго историческаго событія, именно, войны 298 года, имѣвшей несчастнымъ исходомъ плѣненіе семьи персидскаго царя. Сообщенія Фауста объ обстоятельствахъ развѣдки императора достаточно, чтобы отнести его разсказъ къ Галерію. Мы видѣли выше, что и западнымъ историкамъ извѣстенъ фактъ развѣдыванія самимъ императоромъ вражескаго лагеря въ сопровожденіи двухъ всадниковъ. Изъ рѣчи Синесія узнаемъ, что Галерій выдавалъ себя за посла отъ императора къ персамъ для переговоровъ: *Ἐτέρου δὲ τούτου νεώτερον ἀκούεις, αἶμαι καὶ γὰρ οὐδὲ εἰκὸς ἀνήκοόν τινα εἶναι βασιλέως ἑαυτὸν ἐπιδόντος εἰσω τῆς πολεμίας γενέσθαι ἐν χρειᾷ κατασκούσης μιμησαμένου σχῆμα πρεσβείας*, Syn. X.

По армянскому же преданію, сохранившемуся у Фауста, императоръ съ той же цѣлью явился въ персидскій лагерь подъ видомъ крестьянина, торгующаго кашустой. Сопровождавшіе его всадники были, по Фаусту, армянскіе князья Андокъ и Аршавиръ, тѣ самыя лица, которыя были посланы къ императору съ важной миссіей. У нашего историка указана и мѣстность

¹ Фаустъ, III, 21.

въ Арменіи, гдѣ произошло сраженіе, именно, въ деревнѣ Осахъ въ области Басіанъ.

Разсказъ Фауста, какъ мы отмѣтили, страдаетъ анахронизмами. Это обстоятельство бросилась въ глаза еще Хоренскому. По свѣдѣніямъ послѣдняго, при армянскомъ царѣ Тиранѣ въ Персіи правилъ не Нарсей, а Шапухъ. Чтобы сгладить анахронистическія данныя Фауста, Хоренскій готовъ Фаустова Нарсея превратить изъ персидскаго царя въ брата его и претендента на армянскій престолъ. «Персидскій царь Шапухъ, разсказываетъ Хоренскій, услышавъ о смерти Хосроя и о томъ, что сынъ его Тиранъ отправился къ императору, собираетъ большое войско подъ начальствомъ брата своего Нарсея, какъ будто полагалъ посадить его на армянскій престолъ, и посылаетъ въ нашу страну, думая, что она безъ хозяина. Но противъ него выступаетъ доблестный Аршавиръ Камсараканъ вмѣстѣ съ армянскимъ воинствомъ и даетъ сраженіе въ полѣ Мрулъ. Хотя и много армянскихъ знатныхъ пахараровъ пало въ бою, но все же армяне взяли верхъ и изгнали персидское войско и защищали страну до возвращенія Тирана¹».

Имя Аршавира Камсаракана, т. е. того лица, которое согласно Фаусту и Хоренскому было послано къ императору — вѣрный залогъ, что рѣчь идетъ о тѣхъ событіяхъ, о которыхъ подробно повѣствуетъ Фаустъ. Хоренскому извѣстенъ также эпизодъ о чудномъ конѣ Тирана; но въ видахъ опять же устраненія анахронизма Фауста, онъ относитъ эпизодъ къ болѣе древнему времени, полагая, что существовалъ еще другой Тиранъ, одинъ изъ сыновей Арташеса и преемникъ его. У этого Тирана было, по Хор., «два копя, но безмѣрной быстротѣ бѣга болѣе легкихъ, чѣмъ Пегасъ; казалось, что они не ступали по землѣ, а неслись по воздуху. Однажды ирѣкскій князь Бузунни, Датабей² выпросилъ позволенія выѣхать на нихъ и хвалился, что онъ великолѣпнѣе царя». Первый Тиранъ, обладатель пары коней — искусственный литературный отпрыскъ Фаустова Тирана. Это видно еще изъ того, что Датабей, который, по Хоренскому³ жилъ якобы при первомъ Тиранѣ, на самомъ дѣлѣ никто иной, какъ извѣстный князь Бузунни, полководецъ отца Тирана Хосроя; по разсказу Фауста, Датабей измѣнилъ Хосрою и за это расплатился смертною казнью⁴.

¹ Хоренскій, III, 10.

² Хоренскій, II, 62.

³ Фаустъ, III, 8.

⁴ Фаустовъ Тиранъ, по Хоренскому, вступилъ на престолъ на 17 году Констанціи (III, 11). Во II ветушительной главѣ у Себеоса, стр. 16, говорится «на 12 году Тирана, на

Чѣмъ же объяснить анахронизмъ у Фауста, почему событіе 298 года отнесено ко времени Тирана? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ и тѣмъ самымъ, какъ увидимъ, дать новое доказательство справедливости нашихъ соображеній по разбираемому вопросу, мы должны остановиться на договорѣ 298 года и прослѣдить послѣдующія событія до воцаренія Аршака.

О результатахъ войны Галерія съ Нарсеемъ Фаустъ не вполне освѣдомленъ. Цѣнныя извѣстія имѣются у Петра Патрикія, писателя и дипломата VI вѣка. Въ фрагментахъ утеряннаго историческаго труда его сохранился отрывокъ, касающійся договора 298 года.

Послѣ пораженія персидскій царь вступилъ въ сношеніе съ императоромъ для заключенія мира. Было снаряжено посольство, во главѣ коего стоялъ любимецъ царя Аффарбанъ. Патрикій приводитъ рѣчь, которую держалъ персидскій посолъ передъ Галеріемъ:

«Ясно всему человѣчеству, что римское и персидское государства — словно два свѣтила; и подобно очамъ должно каждое изъ нихъ красоваться блескомъ другого, а не свирѣпствовать всячески для взаимнаго истребленія. Это не называется доблестью, а скорѣе легкомысліемъ и слабостью. Ибо, полагая, что потомки не смогутъ помочь сами себѣ, они спѣшатъ покончить со своими противниками. И не слѣдуетъ, однако, думать, что Нарсей слабѣе всѣхъ другихъ царей, но что Галерій настолько превосходитъ другихъ царей, что имъ однимъ Нарсей по справедливости былъ побѣжденъ, хотя и опять ничуть не уступаетъ своимъ предкамъ въ достоинствѣ.

Послѣ этого Аффарбанъ сказалъ, что имѣетъ порученіе отъ царя, что онъ почитаетъ справедливымъ довѣрять судьбу своего царства гуманности римлянъ, потому онъ и не разбираетъ условій, на коихъ долженъ состояться миръ, и все предоставляетъ усмотрѣнію императора. Одна у него просьба — возвратитъ ему дѣтей и женъ, и увѣряетъ, что въ случаѣ отдачи ихъ, онъ сочтетъ это за гораздо большее благо, чѣмъ если бы онъ одержалъ верхъ оружіемъ. И сейчасъ онъ не можетъ достойно благодарить за то, что они, будучи въ плѣну, не подвергались никакимъ обидамъ; но съ

7 году Нарсея персидскаго царя и на первой годѣ Констанція и Костанта, сыновей Константина благочестиваго императора (*ὁ 7ῶν ἐτῶν βασιλεὺς Ἰουλιανὸς ὁ πρῶτος καὶ ὁ δευτέρωστος*), посольствъ (?) на него въ Басіанъ въ село Осху, откуда онъ не возвратилъ царю Тирани имѣющія со всѣми плѣнными и не назначилъ царемъ Аршака, сына его, отпустивъ его въ Арменію». Хотя изъ этой фразы и не явствуетъ, кто на кого шелъ, но не трудно догадаться, что подъ сраженіемъ при Осахъ разумѣется здѣсь событіе 297 г. У Себеоса Тиранъ является съ одной стороны современникомъ Нарсея, согласно Фаусту, а съ другой — онъ по времени ближе къ Констанцію согласно Хоренскому, а не къ Валенту, какъ у Фауста.

ними обходились такъ, какъ съ людьми, которые должны были вернуться къ своему (царскому) положенію. Онъ не преминулъ напомнить и объ измѣнчивости человѣческихъ судебъ.

На это императоръ, видимо, разсердился и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ, что не къ лицу персамъ напоминать другимъ о превратности человѣческихъ судебъ, покуда сами, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, не перестаютъ бить людей въ несчастіи: «хорошо соблюли вы при Валеріанѣ умѣренность въ побѣдѣ, вы, которые, обманувъ его коварствомъ, захватили и не отпускали его до крайней старости и безславной смерти. Даже послѣ смерти какимъ то постыднымъ образомъ сохраняли его кожу, и смертному тѣлу нанесли безсмертную (для васъ) гнусность».

Такъ возразилъ императоръ. Онъ сказалъ, что онъ уступаетъ, но не потому, что персы черезъ свое посольство напоминаютъ о томъ, что надо считаться съ измѣнчивостью человѣческаго счастья (въ этомъ случаѣ надо было еще болѣе возмущаться, если бы принять во вниманіе все сотворенное персами), а слѣдуя по стопамъ своихъ предковъ, у которыхъ принципъ — щадить побѣжденныхъ и бороться противъ непокорныхъ, и приказалъ послу передать царю о великодушіи римлянъ, доблесть коихъ испытана имъ, и обнадежить, что въ скоромъ времени придутъ къ нему также плѣнные, согласно приказанію императора»¹.

Объ условіяхъ мира тотъ же историкъ сообщаетъ слѣдующее:

«Когда Галерій и Діоклетіанъ съѣхались въ Сизибингъ, то, посовѣщавшись вмѣстѣ, отправили въ Персію посломъ Сикорія Прова, магистра меморіи.

Нарсей принялъ его радушно въ надеждѣ на то, что было ему обѣцано, но откладывалъ аудіенціи. Точно желая утомить ожиданіемъ посольство Сикорія и тѣмъ сдѣлать его сговорчивѣе, Нарсей повезъ съ собой Сикорія, который догадывался, въ чемъ дѣло, до мидійской рѣки Аспрудія, пока собрались разсѣяныя походами въ разныя стороны войны. И наконецъ во внутреннихъ покояхъ дворца, удаливъ всѣхъ остальныхъ и довольствуясь присутствіемъ Аффарбана, Арханета и Варсаворса, изъ коихъ одинъ былъ praefectus praetorio, а другой имѣлъ власть Сумія, приказалъ Прову доложить о своей миссіи.

Главныя положенія посольства слѣдующія: чтобы 1) римлянамъ имѣть на востокѣ Ингелену съ Софеной и Арзанену съ Кордуепой и съ Забдикеной; 2) рѣкѣ Тигру быть границей обоихъ государствъ; 3) крѣпости

¹ Excerpta Petri Patricii, Ad Romanos, c. XII.

Зинтѣ, лежащей на границѣ Мидіи, быть границей Арменіи; 4) царю Иберіи получать знаки власти отъ римлянъ; 5) пунктомъ для торговыхъ сношеній быть городу Низибину, лежащему на Тигрѣ. — Ἦν δὲ τὰ κεφάλαια τῆς πρεσβείας ταῦτα, ὥστε κατὰ τὸ ἀνατολικὸν κλίμα τὴν Ἰνγηληνὴν μετὰ Σοφηνῆς καὶ Ἀρζανηνὴν μετὰ Καρδουηνῶν καὶ Ζαβδικηνῆς Ῥωμαίους ἔχειν, καὶ τὸν Τίγριν ποταμὸν ἑκατέρας πολιτείας ὁροθέσιον εἶναι, Ἀρμενίαν δὲ Ζίνθα τὸ κάστρον ἐν μεθορίᾳ τῆς Μηδικῆς κείμενον ἐρίζειν, τὸν δὲ Ἰβηρίας βασιλέα τῆς οἰκείας βασιλείας τὰ σύμβολα Ῥωμαίοις ὀφείλειν, εἶναι δὲ τόπον τῶν συναλλαγμάτων Νίσιβιν τὴν πόλιν παρακειμένην τῷ Τίγριδι.

Выслушавъ все это Нарсей, поневолѣ долженъ былъ согласиться на все. Но чтобы не показать вида, продолжаетъ историкъ, что онъ поступаетъ вынужденно, онъ сталъ возражать противъ того, чтобы торговымъ пунктомъ былъ признанъ Низибинъ.

Спкорій отвѣтилъ, что «надо уступить и въ этомъ, такъ какъ посольство не уполномочено дѣйствовать по своему, а отъ императора никакихъ вѣстукцій по этому вопросу не имѣется». Итакъ предложенія были приняты; Нарсею были выданы жена и дѣти¹.

Разсказъ византійскаго историка характеренъ какъ образчикъ дипломатическихъ переговоровъ того времени, близко подходящій по духу своему къ способу изложенія армянскаго Фауста. Въ немъ для насъ важны особенно условія мира. Границей Арменіи съ востока, со стороны Персін выставляется замокъ Зинта. Мѣстоположеніе его, къ сожалѣнію, невѣстно, но искать его надо къ югу отъ Урмійскаго озера, такъ какъ, по утверженію Фауста, почти весь Атропатаканъ со столицей Гандзакомъ находился во власти армянскихъ Аршакидовъ. Гандзакъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему Тахт-и-Судейману между Марагой и Зенджаномъ; стало быть, граница армянскихъ владѣній проходила южнѣе этого мѣста, гдѣ и слѣдуетъ искать Зинту.

Кромѣ того, въ силу договора, отъ персовъ отпали области Ингезена съ Софеной, Арзанена съ Кордуеной и «Ренмена» съ Завдиженой, области, расположенныя на обѣихъ притокахъ Тигра въ предѣлахъ Арменіи.

Владѣтельные князья тѣхъ изъ этихъ областей, которые въ дальнѣйшей борьбѣ съ персами окончательно утвердились за имперіей, получали инвентитуру отъ императоровъ, какъ это было установлено въ договорѣ 298 года по отношенію къ царю Иберіи. Области эти были включены въ составъ

¹ Excerpta Petri Patricii, Ad gentes c. III.

владѣній армянскихъ Аршакидовъ, которые тоже признавали верховную власть императоровъ наравнѣ съ иберійскими царями.

Армянскіе Аршакиды владѣли также Атропатеной и держали гарнизонъ, какъ видно изъ неоднократнаго заявленія Фауста, въ городѣ Гапдзакѣ.

Положеніе, установленное въ 298 году, осталось въ силѣ до 363 года. Все, что въ сообщеніяхъ Фауста не соответствуетъ или явно противорѣчитъ договорному положенію 298 года, слѣдуетъ признать лишенымъ историческаго значенія.

Въ приведенномъ выше разсказѣ о Тирагѣ владѣтелемъ Атропатены выставляется персидскій царь въ лицѣ намѣстника Вараз-Шапуха, виновника несчастія Тирапа. Нѣтъ основанія допустить, что персы успѣли отбить отъ армянъ Атропатену, ибо таковой захватъ, какъ явно противорѣчащій договорамъ актъ, вызвалъ бы отпоръ со стороны императоровъ. Между тѣмъ отношенія двухъ государствъ были мирныя, какъ увидимъ, по крайней мѣрѣ, до смерти Константина Великаго. Правда, со словъ Фауста знаемъ, что при армянскомъ царѣ Хосроѣ, сынѣ и преемникѣ Тирдата, персы пытались возстановить свои права на Атропатену, но попытка ихъ не увѣчалась успѣхомъ. Нашествіе горскихъ племенъ на Арменію, имѣвшее мѣсто въ царствованіе Хосроя, видимо было сочтено персами за благоприятный моментъ, и Шапухъ во главѣ войска вторгся въ пограничныя области Херъ и Заревандъ. Посланное противъ него войско подъ начальствомъ князя Буззунни перешло на сторону враговъ. Персы прошли побѣдоносно вглубь страны, но на берегу озера Буззунійскаго (т. е. Ванскаго) потерпѣли пораженіе и покинули предѣлы Арменіи¹.

Вскорѣ, вѣроятно, по кознямъ того же Шапуха послѣдовало возстаніе князя окраинной области Арзанены, но и оно было подавлено и не оправдало надеждъ его вдохновителей².

Эти эпизоды, грозящіе нарушеніемъ мирныхъ отношеній, прошли безрезультатно. Даже Фаустъ не придаетъ имъ серьезнаго значенія и утверждаетъ, что страна пребывала въ покоѣ со времени Тирдата до воцаренія Тирапа, преемника Хосроя³.

Заявленіе Фауста совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ западныхъ источниковъ. По общему ихъ признанію миръ былъ нарушенъ передъ смертью Константина. Одни Евсевій расходится съ ними въ томъ, что

¹ Фаустъ, III, 8.

² Id. III, 9.

³ Id. III, 17.

первую попытку со стороны Шануха начать войну относить къ 333 году, когда персидское посольство явилось къ Константину¹. Очень возможно, что поводомъ къ посольству служили сообщаемыя Фаустомъ армяно-персидскія столкновенія. Къ этому моменту, быть можетъ, относится другое свѣдѣнiе Евсевія, по которому персы, получивъ отъ императора отказъ на требованiе вернуть пять затигрскихъ областей, послали вторично пословъ съ просьбой не нарушать мира².

Если договорное положенiе 298 года продолжалось до смерти Константина, то сообщенiе Фауста, что при Тиранѣ въ Атропатенѣ сидѣлъ намѣстникъ персидскаго царя Вараз-Шанухъ, изъ-за котораго возникла война между Шанухомъ и Тираномъ а затѣмъ между нимъ и императоромъ, должно быть признано невѣрнымъ. Возможно, что личность въ Атропатенѣ персидскаго правителя Вараз-Шануха надо отнести къ тѣмъ элементамъ анахронистическаго разсказа Фауста, которые восходятъ ко времени Галерiи, а не Тирана.

По Петру Патрикiю, персидское посольство 298 года состояло изъ 'Αφφάρβα καὶ ἀρχαπέτου καὶ Βαρσαβώρσου ὧν ὁ μὲν ὑπαρχος ἦν πραιτωρίων, ὁ δὲ ἕτερος τὴν τοῦ Συμίου εἶχεν ἀρχήν.

Первое имя 'Αφφάρβα принимается за персидское Adur-farwa изъ Atarō - frōbāg³, а званiе его ἀρχαπέτης соотвѣтствуетъ argaret⁴. Имя второго члена посольства Βαρσαβώρσ-ης можетъ быть сопоставлено съ ψαρρῶν-ζωμῆς βαρ(ασ)-σαβορ(ς)ης. Въ Συμίου ученые усматривали названiе армянской области Сюни⁵; но, вѣроятноже, въ немъ имѣемъ искаженное слово Συρένου. Въ такомъ случаѣ онъ происходилъ изъ извѣстнаго рода Суренидовъ. Предлагаемое сопоставленiе именъ, въ случаѣ приѣмлемости его, послужитъ новымъ доводомъ къ отнесенiю разсказываемаго Фаустомъ о Тиранѣ ко временамъ Галерiи.

Вообще все, что передаетъ нашъ историкъ о Тиранѣ, нуждается въ провѣркѣ и въ значительной части можетъ быть оспариваемо исторической критикой при свѣгѣ свѣдѣнiй изъ западныхъ источниковъ.

Въ рѣчахъ императора Юлиана къ Констанцiю имѣются нѣкоторыя цѣнныя матеріалы, касающiеся этого времени, не использованные до сихъ поръ.

¹ Vita Const. IV, 8.

² Ib. IV, 57.

³ Hoffmann, Auszüge, p. 36 not 306.

⁴ Justi, Geschichte Irans, въ Grundriss d. Irān. Philol. II, 437—8.

⁵ Rawlinson, The seventh Orient. monarchy, p. 127 not 3.

Послѣ краткаго обзора римско-персидскихъ отношеній, упомянуть о заключенномъ въ 298 г. мирѣ, говоритъ Юліанъ:

«Не вѣдаю, какимъ образомъ персы нарушили миръ еще при жизни отца твоего и избѣгли мщенія вслѣдствіе кончины его среди военныхъ приготовленій. Ты же позднѣе наказалъ ихъ за дерзость. Такъ какъ мнѣ придется еще часто касаться войнъ, которыя ты велъ противъ нихъ, то пока считаю нужнымъ обратить вниманіе слушателей моихъ на то, что ты сдѣлался владыкой трети имперіи въ такое время, когда казалось, что ты не былъ положительно подготовленъ къ войнѣ ни въ отношеніи оружія, ни людей и ни вообще тѣхъ средствъ, которыя необходимо имѣть въ изобиліи для такой серьезной войны. Кромѣ того, никто изъ братьевъ тебя не поддерживалъ въ этой войнѣ по какимъ то непопымымъ причинамъ. Не найдется, однако, человѣка въ такой степени безстыднаго и завистливаго клеветника, который бы не сознался, что ты главный виновникъ существующаго между ними единенія. Начинается война, думаю тяжелая сама по себѣ; вѣзбунтовались войска по поводу переворота и оплакивали смерть прежняго своего начальника, обнаруживая желаніе командовать вами, братьями; тысяча другихъ неблагопріятныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ всплывали отовсюду и представляли надежды на войну все болѣе мрачными.

«Армяне, старинные наши союзники, терзаемые раздорами, и значительно частью перешедшіе къ персамъ, разоряютъ собственныя границы. То, что при настоящихъ условіяхъ являлось единственнымъ спасеніемъ, именно, тебѣ принять бразды правленія и дѣйствовать властно, дотолѣ не могло послѣдовать по причинѣ переговоровъ съ братьями въ Пеоніи, которые ты личнымъ присутствіемъ своимъ велъ такъ, что не далъ имъ новода къ порицаніямъ» — Ἀρμένιοι παλαιοὶ σύμμαχοι στασιάζοντες καὶ μοῖρα σφῶν οὐ φαύλη Πέρσαις προσθέμενοι, τὴν ὁμορὸν σφίσι ληστοῖς κατατρέχοντες· καὶ ὅπερ ἐν τοῖς παροῦσιν ἐφαίνετο μόνον σωτήριον, τὸ σὲ τῶν πραγμάτων ἔχεισθαι καὶ βουλεύεσθαι, τέως οὐχ ὑπῆρχε διὰ τὰς πρὸς τοὺς ἀδελφοὺς ἐν Παιονίᾳ συνθήκας, ἃς αὐτὸς παρὼν οὕτω διέφκησας, ὡς μηδεμίαν ἀφορμὴν ἐκείνοις παρασχεῖν μέμψεως. Jul. Imp. Orat. I. ed. Teub. p. 21 — 22.

Далѣе, изображая критическое положеніе, въ которомъ засталъ имперію Констанціи послѣ смерти отца — возгорѣвшаяся война, постоянныя нашествія, отпаденіе союзниковъ, деморализація войска и общій безпорядокъ въ государственныхъ дѣлахъ — тотъ же авторъ продолжаетъ:

«Послѣ того, какъ ты покончилъ переговоры съ братьями, настало желанное время отдаться находившимся въ опасности государственнымъ дѣламъ и привести ихъ въ порядокъ. Быстрымъ ходомъ изъ Пеоніи пока-

зался ты въ Сиріи съ такой скоростью, что даже трудно выразить словомъ. Но для тѣхъ, кто знаетъ, достаточна и попытка. Кто въ состояніи разсказать, какимъ образомъ при твоёмъ появленіи все измѣнилось живо, все улучшилось; и не только избавилъ ты насъ отъ давншаго страха, но и вселилъ лучшія надежды на все грядущее. При одномъ твоёмъ приближеніи войска оправились отъ деморализаціи и порядокъ былъ восстановленъ».

«Тѣ изъ армянъ, которые перешли къ врагамъ, вернулись немедленно, когда ты изгналъ виновниковъ бѣгства къ намъ (царя) начальника этой страны, и убѣжавшимъ обезпечилъ безопасный возвратъ въ свои дома. Такъ гуманно обошелся ты съ тѣми, которые пришли недавно къ намъ и ласково сносился съ тѣми, которые возвратились изъ бѣгства вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, что одни раскаивались въ томъ, что раньше отпали отъ насъ, другіе же настоящую свою судьбу предпочитали прежнему правленію. Бѣжавшіе раньше признавали, что на дѣлѣ научились благоразумію, иные — что они за вѣрность получили слѣдующее имъ вознагражденіе. Ты отличился такой щедротой подарковъ и почестей по отношенію къ вернувшимся, что имъ нечего досадовать или завидовать своимъ противникамъ, которые благоденствуютъ и удостоены должныхъ почестей» —

Ἀρμενίων δὲ οἱ προσθέμενοι τοῖς πολεμίοις εὐθὺς μετέστησαν, σοῦ τοὺς μὲν αἰτίους τῆς φυγῆς τῷ τῆς χώρας ἐκείνης ἄρχοντι παρ' ἡμᾶς ἐξαγαγόντος, τοῖς φεύγουσι δὲ τὴν ἐς τὴν οἰκείαν κάθοδον ἀδεᾶ παρασκευάσαντος. οὕτω δὲ φιλανθρωπῶς τοῖς τε παρ' ἡμᾶς ἀφικομένοις ἄρτι χρησαμένου καὶ τοῖς ἐκ τῆς φυγῆς μετὰ τοῦ σφῶν ἄρχοντος κατεληλυθόσι πρῶτως ὁμιλοῦντος, οἱ μὲν, ὅτι καὶ πρότερον ἀπέστησαν, αὐτοὺς ἀπωλοφύσαντο, οἱ δὲ τὴν παροῦσαν τύχην τῆς πρόσθεν ἡγάπων μᾶλλον δυναστείας. καὶ οἱ μὲν φεύγοντες ἔμπροσθεν ἔργῳ σωφρονεῖν ἔφασαν ἐκμαθεῖν, οἱ δὲ τοῦ μὴ μεταστῆναι τῆς ἀμοιβῆς ἀξίας τυγχάνειν. τοσαύτη δὲ ἐχρήσω περὶ τοὺς κατελθόντας ὑπερβολῇ δωρεῶν καὶ τιμῆς, ὥστε μὴδὲ τοῖς ἐχθίστοις σφῶν εὐπράττουσι καὶ τὰ εἰκότα τιμωμένοις ἄχθεσθαι μὴδὲ βασκαίνειν. Jul. Orat. I. p. 24 — 25.

Слова Юліана, намеки на какія то событія въ Арменіи, несовсѣмъ ясны. Изъ нихъ можно заключить, что у армянъ были партіи, состоявшія изъ приверженцевъ персовъ и римлянъ. Персидская партія взяла верхъ и и изгнала противниковъ; тѣ вмѣстѣ съ царемъ (= архонтомъ) нашли убѣжище въ римской территоріи. Императоръ Констанцій примирилъ партіи и восстановилъ миръ къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ. Но кто же былъ этотъ архонтъ - царь армянскій? Фаустъ не знаетъ случая бѣгства царя къ императору. Онъ рассказываетъ о плѣненіи персами царя Тирана,

какъ мы видѣли. При этомъ царѣ происходили смуты и тренія между нахарарскими фамиліями, и вѣролѣнѣ всего къ этому времени относятся событія, упоминаемыя Юліаномъ. По словамъ Юліана, смуты въ Арменіи были подавлены Констанціемъ, послѣ того какъ онъ «быстрымъ ходомъ изъ Пеоніи показался въ Сиріи». Въ Пеоніи же находился Констанцій вмѣстѣ съ братьями по дѣлу раздѣла отцовскаго наслѣдія.

Константинъ Великій, какъ извѣстно, раздѣлилъ имперію между тремя сыновьями и двумя племянниками, при чемъ восточныя владѣнія достались сыну Констанцію и двумъ племянникамъ. Послѣ смерти Константина произошло избіеніе членовъ боковой линіи императорской фамиліи, во время котораго погибли также его племянники Далматій и Аннибаліанъ¹. Вотъ тогда сыновья Константина съѣхались въ Пеоніи для новаго раздѣла имперіи. Весь востокъ остался за Констанціемъ. Переговоры, начавшіеся между братьями послѣ смерти Константина по этому дѣлу, въ 338 году были закончены. Имѣется указъ отъ имени Константина и Константа, изданный въ Сиріи, городѣ Пеоніи, въ концѣ іюля мѣсяца 338 года: *D. VI k. Aug. Sirmi Urso et Polemio conss (338) Impp. Constantinus et Constans AA. ad Catulium*².

Указъ подписанъ двумя братьями; отсутствіе подписи Констанція можно объяснить тѣмъ, что онъ выѣхалъ на Востокъ. Дѣйствительно, 11 октября того же 338 года онъ находился въ Антиохіи, какъ видно изъ указа его имени отъ означенной даты. Юліанъ подчеркиваетъ скорость, съ которой Констанцій, послѣ того какъ покончилъ дѣло съ братьями, пересѣкъ пространство отъ Пеоніи до Сиріи. Возможно, что онъ выѣхалъ изъ Сиріи незадолго до іюля 338 года, въ каковое время еще не успѣли разлѣзаться его братья.

Констанцій пребывалъ на Востокѣ и въ слѣдующіе годы, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ указы, изданные имъ въ Лаодикии отъ 339 года и въ Антиохіи отъ 341 года³. Появленіе Констанція на Востокѣ было вызвано войной, объявленной персами. Враждебныя дѣйствія со стороны персовъ начались еще при жизни Константина, и, по словамъ Евтропія и по

¹ Zosime, p. 98.

² *Cod. Just. VIII xi 1, ed. Krüger p. 338.* Въ индексѣ того же изданія интересующій насъ законъ носитъ имена *Constantius* (вм. *Constantinus*.) et *Constans* p. 499. Издатели замѣчаютъ, что въ рукописяхъ часто смѣшиваются имена трехъ братьевъ, и законы, изданные ими, приписываются то одному, то другому изъ братьевъ. Въ данномъ случаѣ чтеніе *Constantinus* вмѣсто *Constantius* предпочтительнѣе. Имѣется декретъ Констанція аналогичнаго содержанія на имя того же Катуллина, X *xlvi* 7. = p. 420.

³ *Cod. Just. VI IX 9 и XI, LXVI 1.*

Пасхальной хроникѣ, Константинъ принялъ вызовъ и, выступивъ въ походъ, умеръ на пути въ Никомидіи въ 337 году 22 мая въ день Пятидесятницы¹.

Пользуясь благопріятнымъ моментомъ, когда наслѣдники Константина были заняты въ Сирмія, персидскій царь Шапуръ (= Шапурхъ) перешелъ Тигръ и осадилъ Низибинъ, сердце Месопотаміи. Осада не имѣла успѣха и персы принуждены были снять ее и уйти: *Σαπῶρις ὁ Περσῶν βασιλεὺς ἐπῆλθεν τῇ Μεσοποταμίᾳ πορθήσων τὴν Νίσιβιν, καὶ περικαθίτας αὐτὴν ἡμέρας ξγ' καὶ μὴ κατισχύσας αὐτῆς ἀνεχώρησεν*².

Это — первая осада Низибина и относится, вѣроятно, къ 338 году.

Въ связи съ персидскими побѣдами находятся и тѣ событія въ Арменіи, о которыхъ говоритъ Юліанъ. Въ столкновеніяхъ двухъ сосѣднихъ державъ Арменія играла большую роль, въ большинствѣ случаевъ она и служила яблокомъ раздора.

Естественно, что при открытіи военныхъ дѣйствій каждая изъ сторонъ старалась заручиться расположеніемъ страны и использовать ея военныя силы. Возможно, что къ этому времени относится и возстаніе Бакура, о которомъ рассказываетъ армянскій историкъ. Надо полагать, что персидская партія въ Арменіи при появленіи войскъ Шапура одержала верхъ и изгнала своихъ политическихъ противниковъ, приверженцевъ имперской власти, которые вмѣстѣ съ царемъ перешли на римскую территорію. Слова Юліана не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что партійные раздоры въ Арменіи были улажены именно Константиномъ послѣ того, какъ онъ прибылъ на Востокъ изъ Сирміи въ 338 году. Быстрое восстановленіе порядка и возвращеніе царя въ страну, которое Юліанъ ставитъ въ исключительную заслугу Констанцію, объясняется отчасти уходомъ персидскихъ войскъ послѣ неудачной осады Низибина.

Юліанъ не указываетъ имени царя; но по условіямъ времени, поскольку можно судить о нихъ по армянскимъ даннымъ, въ немъ нельзя не узнать царя Тирапа. Очень странно, что Фаустъ ничего не знаетъ о бѣгствѣ Тирапа и его партіи на римскую территорію. Быть можетъ, въ связи съ бѣгствомъ находится пребываніе Тирапа въ замкѣ Бнабелѣ³, лежавшемъ на южной окраинѣ области Софены — сейчасъ небольшая деревня недалеко

¹ Eutrop. X 8, bellum adversus Parthos moliens qui iam Mesopotamiam fatigabant XXXI anno imperii actatis sexto et sexagesimo Nicomediae in villa publica obiit. Chr. Pasch. p. 532, Πέρσαι πόλεμον ἐδήλωσαν πρὸς Ῥωμαίους καὶ ἐπιβὰς Κωνσταντῖνος λβ' ἐνιαυτῶ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ὀρμήσας ἐπὶ τὴν ἀνατολὴν κατὰ ἐλθῶν ἕως Νικομηδείας ἐνδοξῶς καὶ εὐσεβῶς μεταλλάττει τὸν βίον ἐν προαστείῳ τῆς αὐτῆς πόλεως. Отсюда беретъ и Θεοφανῆ p. 50, подъ годомъ 5828.

² Chr. Pasch. p. 533. Отсюда беретъ Θεοφανῆ, p. 52, подъ годомъ 5829.

³ Фаустъ, III, 12.

отъ Мардина. Констанцій возстановилъ его на престолѣ. Вскорѣ персы ворвались въ страну и захватили его, какъ сторонника императорской власти, въ плѣнъ. Возстановленіе его относится, такимъ образомъ, къ 338 году, когда императоръ явился изъ Сирміи. Годъ же плѣненія его выясняется изъ отчета Сингарскаго или Нарсейскаго боя:

Обстоятельства этого сраженія извѣстны намъ изъ той же Юліановой рѣчи о Констанціи. «Я знаю прекрасно, говоритъ нашъ панегирикъ, что всѣ склонны считать сраженіе передъ Сингарой торжествомъ варваровъ (персовъ); я же полагаю, что это сраженіе было одинаково несчастно для обѣихъ армій, но твоя доблесть одержала верхъ надъ ихъ счастьемъ, какъ слѣдовало»—*Οὐκοῦν εὖ οἶδα, ὅτι πάντες ἂν μέγιστον φήσειαν πλεονέκτημα τῶν βαρβάρων τὸν πρὸ τῶν Σιγγάρων πόλεμον. ἐγὼ δὲ ἐκείνην τὴν μάχην ἴσα μὲν ἐνεχεῖν τοῖς στρατοπέδοις τὰ δυστυχήματα, δεῖξαι δὲ τὴν σὴν ἀρετὴν περιγενομένην τῆς ἐκείνων τύχης φαίην ἂν εἰκότως*¹.

Римляне не хотѣли сами наступать, «дабы не дать повода считать ихъ нарушителями мира» (*οὐχὶ δὲ αὐτοὶ πολέμου μετὰ τὴν εἰρήνην ἄρχοντες φανεῖν*). Наконецъ персидскій царь далъ сигналъ къ наступленію, но при видѣ боевого строя римлянъ, испугался и «думалъ убѣждать поспѣшно, сообразивъ, что его спасло бы только то, если бы онъ заблаговременно перешелъ рѣку, которая издревле составляетъ границу между нашей и ихъ землей. Разсудивъ такъ, царь далъ знакъ сначала къ отступленію задомъ, а потомъ надбавляя постепенно скорость подъ конецъ пустился въ настоящее бѣгство, имѣя при себѣ нѣсколько всадниковъ и передавъ все войско сыну своему и самому вѣрному изъ друзей»—*φεύγειν ᾤετο χεῖναι διὰ τάχους καὶ τοῦτο μόνον οἱ πρὸς σωτηρίαν ἀρχέσειν, εἰ φθῆσεται τὸν ποταμὸν διαβῆναι, ὅσπερ ἐστὶ τῆς χώρας ἐκείνης πρὸς τὴν ἡμετέραν ὄρος ἀρχαῖος. ταῦτα διανοηθεὶς ἐκεῖνος πρῶτον ἐπὶ πόδα σημαίνει τὴν ἀναχώρησιν, καὶ κατ' ὀλίγον προσπιθεὶς τῷ τάχει τέλος ἤδη καρτερῶς ἔφευγεν, ἔχων ὀλίγους ἰππέας ἀμφ' αὐτόν, τὴν δύναμιν ἅπασαν τῷ παιδί καὶ τῷ πιστοτάτῳ τῶν φίλων ἐπιτρέψας ἄγειν*².

Замѣтивъ отступленіе персовъ, римскія войска набросились на нихъ. «Схватка имѣла послѣдствіемъ то, что съ нашей стороны пало трое или четверо, а со стороны пароянъ (sc. персовъ) наследникъ престола, захваченный въ плѣнъ, погибъ вмѣстѣ со многими изъ его свиты. При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ персидскій царь не присутствовалъ даже во снѣ и не остановилъ бѣгства раньше, чѣмъ оставилъ за собою рѣку, ты же наоборотъ

¹ Orat. I, p. 27.

² Ib., p. 28.

ρανδβλιμη всѣ тλιότηи» — τούτο τέλος τῆς μάχης ἐκείνης γέγονε, τρεῖς μὲν ἢ τέτταρας ἀφελομένης τῶν παρ' ἡμῖν, Παρθυαίων δὲ τὸν ἐπὶ τῇ βρασιλείᾳ τρεφόμενον ἀλόντα πρότερον, καὶ τῶν ἀμφ' αὐτὸν παμπληθεῖς ζυνδιαφθειράσης. τούτοις δὲ ἅπασιν δρωμένοις ὁ μὲν βαρβάρων ἡγεμῶν οὐδὲ ὄναρ παρῆν' οὐδὲ γὰρ ἐπέσχε τὴν φυγὴν πρὶν ἢ κατὰ νότου τὸν ποταμὸν ἐποιήσατο¹.

О сингарскомъ сраженіи упоминаеть и Евтропій. По его словамъ, военная дѣятельность Констанція противъ персовъ вообще была неудачна, кромѣ сраженія подъ Сингарой: nullumque ei contra Saporem prosperum proelium fuit, nisi quod apud Singaram haud dubiam victoriam ferocia militum amisit².

О немъ знаетъ также Аммианъ. Извѣстный купецъ Антонинъ, перебѣжавъ къ Шапуру, и желая возбудить его противъ римлянъ, говорилъ между прочимъ «о сороковыхъ годахъ, когда послѣ цѣлаго ряда поражений, дано было ожесточенное сраженіе при Илеѣ и Сингарѣ»: quadragesimi anni memoriam replicabat, post bellorum adsiduos casus et maxime apud Nileiam et Singaram, ubi acerrima illa nocturna concertatione pugnatum est³.

Цѣнное показаніе находимъ и у Феста. Сраженіе на Илейскомъ полѣ въблизи Сингары называется у него также Нарсейскимъ по имени командующаго со стороны персовъ Нарсея, павшаго въ бою: Narsensi autem bello, ubi Narseus occidit, superiores discessimus. Nocturna vero in agro Eleiensi prope Singaram pugna, ubi praesens Constantius adfuit⁴.

Нарсей Феста и есть персидскій наслѣдникъ, сынъ Шапура, тотъ самый, которому поручилъ отецъ команду во время интересующаго насъ боя. Исходъ сраженія римляне считали для себя сравнительно удачнымъ въ виду именно плѣненія Нарсея и его гибели⁵.

Указанное обстоятельство разрѣшаетъ, какъ намъ кажется, загадку, почему событія 298 года въ приведенномъ выше разсказѣ Фауста изъведены въ царствованіе Тирана. При Галеріи въ 298 году велъ войну съ римлянами персидскій царь Нарсей, сынъ котораго вмѣстѣ съ женой и другими членами царской семьи попалъ въ руки императора. Въ сингарскомъ же бою Констанціемъ былъ захваченъ въ плѣнъ царевичъ, носившій то же имя Нарсей. Въ армянскомъ преданіи у Фауста эти два происше-

¹ Ib. p. 29—30.

² Eutr. X, 10.

³ Amm. XVIII, 5.

⁴ R. Fest. XXVII.

⁵ Успѣхъ былъ скорѣе на сторонѣ персовъ; и если они тѣмъ не менѣе отступили, то это объясняется отчасти, какъ полагаетъ Раулинсонъ, смертью наслѣдника Нарсея; Шапуръ былъ потрясенъ печальной участью сына. The seventh, p. 161.

ствія, относящіяся къ разнымъ моментамъ исторіи, слились, при чемъ каменъ преткновенія служили имя Парсей и аналогичная въ обоихъ случаяхъ судьба наслѣдниковъ персидскаго трона.

Если анализъ нашъ вѣренъ, а сомнѣваться въ немъ нѣтъ основанія, то мы должны признать, что во время сингарской битвы армянскій престолъ занималъ именно Тирагъ. Иначе трудно будетъ объяснить, почему интересующій насъ рассказъ у Фауста приуроченъ ко времени Тирана. Съ установленіемъ времени означенной битвы, получимъ важную точку опоры для хронологіи аршакидскихъ царей.

Свѣдѣнія историковъ, касающіяся римско-персидскихъ отношеній за данной періодъ, вообще сбивчивы. Ни Теофанъ, ни Пасхальная хроника, данными коихъ обыкновенно пользуются изслѣдователи, не могутъ считаться рѣшающими. Въ рѣчи Юліана имѣется определенное указаніе на годъ сингарскаго боя и это указаніе должно быть признано вѣрнымъ. Рассказъ о одной осадѣ Низибина, которая имѣла мѣсто, по его же указанію, въ годъ возстанія Магненція и убійства Константа, т. е. въ 350 году, Юліанъ замѣчаетъ, «сингарскій бой произошелъ лѣтъ за шесть до этой осады Низибина». Стало быть, означенный бой надо отнести къ 345 году.

Въ этомъ году Констанцій, принимавшій участіе въ бою, дѣйствительно находился въ Низибинѣ, какъ видно изъ изданнаго имъ указа:

Imp. Constantius A. Nemesiano com. larg. a. 345. III, IV. id. Mai Nizibi. Amantio et Albino cons^s ¹.

Пребываніе императора въ Низибинѣ находилось въ связи съ персидской войной и ближайшимъ образомъ съ сингарской битвой. Сингара лежала къ югу отъ Низибина въ горахъ одноименныхъ, называемыхъ нынѣ по арабскому произношенію Синджаръ; на южныхъ склонахъ этихъ горъ было расположено и мѣстечко Нілеа, приурочиваемое Киппертомъ къ нынѣшнему Теру Ніл². Въ слѣдующемъ 346 году мы застаемъ Констанція уже въ Медіоланѣ, какъ явствуетъ опять же изъ обнародованнаго имъ указа отъ декабря мѣсяца того же года³. Къ этому времени операціи подъ Сингарой были закончены и вообще война съ персами прекращена, разъ императоръ удался въ Медіоланъ.

По рассказу Фауста армянскій царь Тирагъ былъ взятъ въ плѣнъ персами до сраженія, въ которомъ палъ Парсей, и лишь послѣ заключенія мира на его мѣсто былъ назначенъ сынъ его Аршакъ. Значить, если не

¹ Cod. Just. X, XIX, 3. p. 403.

² Kleinasien Nsebin.

³ Cod. Just. X, IX, 30.

паденіе Тирана, то во всякомъ случаѣ вступленіе Аршака на престолъ должно быть отнесено къ 345 году. Вѣроятнѣ всего Тиранъ палъ въ предыдущемъ 344 году. Выводы, къ которымъ мы пришли, находятъ подтвержденіе и въ разборѣ нѣкоторыхъ послѣдующихъ фактовъ.

II.

Вскорѣ возобновились военные дѣйствія. Шапуръ во главѣ войска осадилъ Низибинъ. Осада эта относится къ 350 году. Время было очень благоприятно для персовъ, въ виду политическихъ смуть, волновавшихъ тогда Римскую имперію. Нѣкто Магпенцій, начальникъ отрядовъ, былъ провозглашенъ августомъ въ Галліи и жертвой его самозванства палъ Константъ въ 350 году. Другой самозванецъ захватилъ власть въ Иллиріи. Въ этотъ трудный для имперіи моментъ персы открыли военные дѣйствія осадой Низибина. Несмотря на чрезвычайныя приготовленія Шапура, превосходившія все прежнія, персы не имѣли успѣха и на этотъ разъ. Осажденные отразили атаки непріятеля, который послѣ 3-4 мѣсячныхъ тяжелыхъ трудовъ вынужденъ былъ снять осаду и уйти. Обстоятельства осады изображены у Юліана.

Послѣ описанія упомянутой сингарской битвы, нашъ панегирикъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ Констанцій «ставъ противъ всѣхъ, отразилъ и толпу тирановъ и силы варваровъ; зима была уже на исходѣ, спустя лѣтъ шесть приблизительно послѣ той битвы, о которой была рѣчь выше (sc. сингарской), пришло извѣстіе, что Галатія (sc. Галлія) примкнула къ самозванцу, возстала противъ твоего брата и убила его — ἦν μὲν γὰρ ὁ χειμῶν ἐπ' ἐξόδῳς ἤδη, ἕκτον που μάλιστα μετὰ τὸν πόλεμον ἔτος, οὐ μικρῶ πρόσθεν ἐμνήσθην, ἦκε δὲ ἀγγέλων τις, ὡς Γαλατία μὲν συναφεστῶσα τῷ τυράννῳ ἀδεαφῶ ἐβούλευσέ τε καὶ ἐπετέλεσε τὸν φόνον»¹.

То же самое творилось и въ Иллиріи другимъ узурпаторомъ.

«Персы же, продолжаятъ Юліанъ, выжидавшіе съ того времени благоприятнаго случая, чтобы при первомъ же нападеніи захватить Сирію, подняли на насъ людей всякаго возраста, пола и состоянія; двинулись мушны и дѣти, старики и множество женщинъ и рабовъ и не только для обслуживания арміи, но большинство было излишнее: персы размышляли, о томъ, какъ они, взявъ наши города и завладѣвъ страной, осунютъ у насъ колоніи — Πέρσαι δὲ ἐξ ἐκείνου τὸν καιρὸν τοῦτον παραφυλάξαντες, ὡς ἐξ ἐφόδου τὴν Συρίαν ληψόμενοι, πᾶσαν ἐξαναστήσαντες ἡλιθίαν καὶ φύσιν καὶ τύχην ἐφ' ἡμᾶς ὠρμηγτο,

¹ ib. p. 32.

ἄνδρες, μεράκια, πρεσβῦται καὶ γυναικῶν πλῆθος καὶ θεραπόντων, οὐ μόνον τῶν πρὸς τὸν πόλεμον ὑπουργιῶν χάριν, ἐκ περιουσίας δὲ πλείστον ἐπόμενον διενεοῦντο γὰρ ὡς καὶ τὰς πόλεις καθέξοντες καὶ τῆς χώρας ἤδη κρατήσαντες κληρούχους ἡμῖν ἐπάξουσι¹.

Персамъ не удалось взять городъ. Къ осадѣ города Юлианъ возвращается еще во II рѣчи, но ничего новаго не сообщаетъ, кромѣ мелкихъ деталей по чисто технической части осады. Интересны заключительныя слова его о томъ, что съ того времени Шапуръ «соблюдаетъ миръ и не нуждается ни въ клятвахъ ни въ договорахъ, а предпочитаетъ оставаться дома, если не пожелаетъ императоръ пойти на него и отомстить за смѣлость и безразсудство» — καὶ ἄγει πρὸς ἡμᾶς εἰρήνην ἐκ τούτου, καὶ οὔτε ὄρκων οὔτε συνθηκῶν ἐδέησεν, ἀγαπᾷ δὲ οἴκοι μένων, εἰ μὴ στρατεύοιτο βασιλεὺς ἐπ' αὐτὸν καὶ δίκην ἀπαιτοῖη τοῦ θράσους καὶ τῆς ἀπονείας².

Армянское преданіе сохранило память объ осадѣ Нлзибипа 350 года и участникомъ ея выставляетъ армянскаго царя Аршака въ качествѣ союзника Шапура. По вступленіи на престолъ Аршакъ, по словамъ Фауста, послалъ почетное посольство къ императору, «чтобы возобновить договоръ согласія и мира»³. Аршакъ находился въ персидскомъ плѣну вмѣстѣ съ отцомъ Тираномъ, и послѣ мира, какъ думаетъ Фаустъ, а по нашему, послѣ Спигарской неудачи, Шапуръ согласился, вѣроятно, по настоянію императора возстановить порядокъ въ Арменіи и посадилъ на престолъ вмѣсто Тирана его сына Аршака⁴. Посольство Аршака, видимо, имѣло миссію завѣрить имперскія власти въ томъ, что хотя армянскій царь и является какъ бы ставленникомъ Шапура, но что онъ желалъ бы жить въ мирѣ съ обѣими державами согласно договору 298 года.

Къ сожалѣнію, исторія Аршака у Фауста переплетена съ легендарнаго характера житіемъ патріарха Нерсеса. Сейчасъ не входитъ въ нашу задачу анализъ житія Нерсеса; замѣтимъ только, что оно, не чуждое обоснованія на письменныхъ источникахъ, повидимому, существовало отдѣльно и затѣмъ вставлено въ исторію Аршака. Этимъ объясняются нѣкоторые анахронизмы, искажающіе историческую обстановку. По Фаусту, въ посольство Аршака входилъ также Нерсесъ; онъ въ столицѣ выступилъ противъ аріанизма и аріанствующаго императора Валента, за что навлекъ на себя гнѣвъ его и былъ задержанъ и потомъ сосланъ. Фаустъ увѣряетъ, что задержка Нер-

¹ ib. p. 38.

² Orat. II, p. 86.

³ Фаустъ IV, 5.

⁴ Id. IV, 1.

сеса послужила причиной разрыва дружественныхъ отношеній, и Аршакъ, недовольный поведеніемъ императора, произвелъ набѣги на имперскія землі и опустошалъ въ теченіе шести лѣтъ страны Гамирскія (= Каппадокійскія) до города Анкирѣи¹.

Участіе Нерсеса въ аріанскихъ спорахъ и ссылка его — легенда, имѣющая тенденцію выставить главу армянской церкви въ качествѣ поборника православія. Приключенія Нерсеса не могли случиться при Валентѣ потому, что тогда армяне находились въ союзѣ съ нимъ и воевали противъ персовъ. Легенда, если только она имѣетъ какую нибудь историческую основу, сложилась, вѣроятно, вокругъ аріанскихъ споровъ времени Сардикскаго собора 346 г., когда нѣкоторые изъ аріанскихъ прелатовъ были сосланы въ Арменію.

Какъ бы мы ни относились къ разсказу Фауста, но несомнѣнно вѣрно въ немъ одно, что Аршаку не удалось держаться нейтралитета, и онъ склонился хотя бы временно въ сторону Шапура. По смыслу словъ Фауста, Аршакъ колебался въ своей политикѣ и не рѣшался стать на ту или другую сторону. Увѣщеванія или старанія со стороны заинтересованныхъ державъ могли повернуть его въ соотвѣтствующую сторону. Онъ ожидалъ, что подобные шаги будутъ сдѣланы со стороны императора; и передъ персидскою осадой Низибипа Аршакъ выжидалъ, «кто изъ нихъ призоветъ его на помощь, говоритъ Фаустъ; самъ склоненъ былъ птти охотно на помощь греческому императору, но греки не просили его и не оказали ему вниманія и почета».

Совершенно обратно дѣйствовалъ Шапуръ; по увѣренію того же историка, онъ послалъ къ Аршаку людей и уговаривалъ всячески принять участіе въ кампаніи противъ грековъ. Тогда Аршакъ собралъ войско и черезъ Арзанену спустился въ Арвастанъ, т. е. (= въ сѣверную часть Месопотаміи) и расположился передъ Низибиномъ. По преувеличенному представленію Фауста, армяне не хотѣли дожидаться прибытія персидскихъ силъ, одни завязали бой и одержали побѣду. Въ благодарность Аршаку за такой подвигъ, персидскій царь Шапуръ пригласилъ Аршака къ себѣ въ столицу и заключилъ съ нимъ союзъ «нерасторжимой дружбы на вѣчныя времена». Онъ предложилъ свою дочь Аршаку въ жены и подарилъ ему большую область въ такихъ предѣлахъ, чтобы Аршакъ, проѣзжая изъ Арменіи въ Ктесифонъ, все время пути находился на собственной территоріи².

¹ Фаустъ IV, 11.

² Фаустъ IV, 20.

Въ разсказѣ Фауста скрывается извѣстная доля исторической правды. У Амміана имѣются, какъ мы увидимъ ниже, данныя, подтверждающія слова Фауста. Амміанъ свидѣлствуетъ, что Шануръ всѣми мѣрами старался добиться дружбы Аршака, прибѣгая то къ коварству и обману, то къ обѣщаніямъ. Подъ Низибинскимъ сраженіемъ, гдѣ участвовалъ Аршакъ, надо понять осаду Низибина 350 года. Возможно, что къ обѣщаніямъ Шанура относятся тѣ территоріальныя уступки, о которыхъ говоритъ Фаустъ нѣсколько сказочно. Въ другомъ мѣстѣ нашъ историкъ указываетъ болѣе определенно на земли, обѣщанныя Шануромъ. Рѣчь шла объ Атропатеѣ¹, которая по договору 298 года принадлежала армянскому царю, но впоследствии, со времени возникновенія войны, именно съ 337 года, видимо, была отпята персами. Такъ или иначе Шануру удалось отторгнуть Аршака вѣзъ подѣ вліянія императора.

Союзъ Аршака съ Шануромъ не длился долго. О разрывѣ его говоритъ Фаустъ, при чемъ причину разлада ищетъ по своему обыкновенію въ интригахъ и соревнованіи заинтересованныхъ лицъ изъ числа армянскихъ феодаловъ. Но поворотнымъ пунктомъ въ политикѣ Аршака послужилъ вѣроятнѣе всего пріѣздъ въ Арменію квестора Тавра съ особой миссіей. Амміанъ передаетъ, что въ 17 году Констанція и въ 4 году цезаря Галла, т. е. 354 году, квесторъ Тавръ былъ посланъ въ Арменію: *eoque tempore Taurus questor ad Armeniam missus*². Къ сожалѣнію, историкъ замалчиваетъ цѣль поѣздки квестора, но изъ дальнѣйшихъ событій нетрудно догадаться, что она заключалась въ возстановленіи дружественныхъ отношеній между имперіей и Аршакомъ. Дѣло въ томъ, что и послѣ неудачной осады Низибина 350 года война еще не прекратилась. Обстоятельства сложились такъ, что обѣимъ сторонамъ выгодно было на время сложить оружіе. Констанція отвлекли возстаніе Магненція, погибшаго въ 353 году, и война съ аллеманами, а Шануръ перенесъ свои силы на борьбу съ воинственными народностями на окраинѣ имперіи, которыя то враждовали съ персами, то въ союзѣ съ ними нападали на римлянъ³.

Вскорѣ вновь начались враждебныя набѣги персовъ въ Месопотамію. Персидскій вождь Ноходаръ занималъ угрожающее положеніе и искалъ удобнаго момента, чтобы ударить на наиболѣе уязвимыя мѣста въ направленіи Эдессы⁴. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что говоря о

¹ IV, 16.

² Amm. XIV, 11.

³ Id. XIV, 3.

⁴ *Nohodares quidam nomine e numero optimatum incurrare Mesopotamiam quotiens copia dederit ordinatus*, id. XIV, 3.

набѣгахъ и разореніяхъ тѣхъ же персидскихъ вождей подъ 355 годомъ, Аммианъ добавляетъ «nunc et Armeniam», т. е. раньше въ 353 г. они опустошали Месопотамію, *incursare Mesopotamiam*, а въ 355 году распространили свои набѣги и на Арменію. *Persici duces vicini fluminibus, rege in ultimis terrarum suarum terminis occupato, per praedatorios globos nostra vexabant, nunc Armeniam, aliquotiens Mesopotamiam confidentius incurstantes*¹ — «персидскіе вожди, стоявшіе вдоль рѣкъ, отдѣльными отрядами безпokoили насъ, въ то время когда ихъ царь былъ занятъ войной на отдаленной окраинѣ собственныхъ земель, и нынѣ вторгаются дерзко въ Арменію, нѣсколько разъ въ Месопотамію». Очевидно, произошло въ короткій промежутокъ времени нѣчто такое, что заставило персовъ включить и Арменію въ районъ военныхъ дѣйствій. Секретъ находится въ отпадении Аршака отъ союза съ Шапуромъ, — результатъ дипломатическаго успѣха квестора Тавра.

У Фауста сохранились двѣ даты, которыя неожиданно подтверждаютъ наши выводы, касающіеся хронологіи. По его словамъ, послѣ разрыва Аршака съ Шапуромъ прошло восемь лѣтъ въ мирѣ², такъ какъ персидскій царь былъ занятъ войной съ императоромъ и не тревожилъ Аршака, но вражда началась, какъ только прекратилась война съ императоромъ. Какъ извѣстно, миръ былъ заключенъ между двумя воюющими державами лѣтомъ 363 года. Если ссора Аршака съ Шапуромъ имѣла мѣсто лѣтъ за 8 до мира, то, значить, она падаетъ на 354 годъ — дата, введенная нами по инымъ, изложеннымъ выше, соображеніямъ.

Далѣе, Фаустъ же передаетъ, что вражда Аршака съ императоромъ продолжалась шесть лѣтъ, въ теченіе конхъ онъ опустошалъ имперскія земли до Анкирѣн³.

Если примиреніе съ императоромъ состоялось въ 354 году, то начало разрыва, по этому счету, восходитъ къ 348 году. Аршакъ вступилъ на престолъ въ 346 году, какъ мы видѣли; первые годы были посвящены упорядоченію страны, по словамъ Фауста же; а затѣмъ уже было отправлено посольство къ императору, приведшее къ печальному разрыву. Интересно, что Иеронимъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ осадъ Низибина, упоминаетъ еще объ одномъ сраженіи имперскихъ войскъ съ персами въ 348 году: сраженіе имѣло мѣсто при Сингарѣ, но это не то сраженіе, которое мы на основаніи словъ Юліана отнесли къ 345 году. Р. Фестъ тоже свидѣтель-

¹ Амми. XV, 13.

² Фаустъ, IV, 21.

³ Ib. IV, 11.

ствуетъ, что подъ Сингарой произошло два сраженія. По его счету при Констанціи имперскія войска выдержали 9 битвъ, кромѣ легкихъ пограничныхъ стычекъ, изъ нихъ семь вели его вожди, а двѣ произошли подъ Спигарой подъ его личной командой: «novies decertatum est; per duces suos septies, ipse praesens bis adfuit veris et gravibus pugnis. Nimirum Singarenae praesente Constantio et iterum Singarenae Constanitiniensi quoque»¹.

Весьма вѣроятно, что первое выступленіе Аршака противъ императора въ союзѣ съ Шануромъ относится именно къ 348 г. Такимъ образомъ, указаніе Фауста подтверждаетъ наши выводы, къ которымъ мы пришли инымъ путемъ.

Фаусту хорошо извѣстенъ мирный договоръ 363 года, заключенный между двумя государствами. Онъ подробно рассказываетъ о послѣдовавшей послѣ того враждѣ и войнахъ Аршака съ персидскимъ царемъ, но ничего не знаетъ о событіяхъ, предшествовавшихъ миру, несмотря на то, что въ нихъ принималъ дѣятельное участіе Аршакъ, какъ союзникъ императора. Армянскій историкъ увѣряетъ, что до заключенія мира лѣтъ восемь Шануръ скрывалъ свою вражду къ Аршаку и ласковымъ обращеніемъ старался держать Аршака на своей сторонѣ въ виду войны съ императоромъ. Въ дѣйствительности, Аршакъ въ тѣ годы находился въ лагерѣ, дѣйствовавшемъ противъ Шанура. Событія за это время описаны историкомъ Амміаномъ, современникомъ и даже участникомъ военныхъ дѣйствій.

Несмотря на то, что Шануръ самъ былъ занятъ подавленіемъ возстанія на отдаленной окраинѣ имперіи, его отряды не переставали тревожить врага въ Месопотаміи². Префектъ преторія Музоніанъ узнавъ о томъ, что персидскій царь ведетъ войну противъ непокорныхъ народностей и несетъ большія потери, хотѣлъ использовать моментъ для заключенія мира съ персами. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ тайные переговоры съ Тамсаноромъ, командующимъ персидской арміей. Тамсаноръ отнесся сочувственно къ шагамъ Музоніана и доложилъ обо всемъ Шануру, находившемуся тогда еще въ странѣ Хіонитовъ, съ кѣмъ онъ воевалъ. Письмо дошло до Шанура поздно въ 358 году (въ консульство Даціана и Цереалія)³. Онъ уже кончалъ кампанію и, заключивъ миръ, хотѣлъ вернуться домой, когда получилъ письмо Тамсанора. Шануръ не былъ противъ мира, но полагая, что дѣла противника, очевидно, не важны, разъ онъ идетъ на миръ, онъ хотѣлъ использовать предложеніе римлянъ и прекратить войну на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ:

¹ R. Fest. XXVII.

² Amm. XVI, 9.

³ Id. XVII, 5.

Онъ послалъ къ Констанцію нѣкоего Нарсея съ подарками и письмомъ, написанномъ въ очень высокомѣрномъ тонѣ:

«Царь царей Шапуръ, причастникъ звѣздъ, братъ солнца и луны, шлю Констанцію Цезарю горячій привѣтъ. Я радъ и мнѣ пріятно видѣть, что ты наконецъ вступилъ вновь на желанный путь и внялъ чистому голосу справедливости, наученный самой жизнью въ томъ, какія бѣдствія иной разъ порождаетъ настойчивая страсть къ чужой собственности. И вотъ, такъ какъ слово правды должно быть непринужденнымъ и свободнымъ, а особамъ высокаго положенія подобаешь говорить то, что они чувствуютъ, то предложеніе свое я оформлю въ краткихъ словахъ, напоминая, что все то, что я собираюсь изложить, часто развито мной. Что до рѣки Стримона и Македонскихъ предѣловъ владѣли мои предки, о томъ свидѣлствуютъ и ваши древности. Вотъ это надлежитъ мнѣ требовать, мнѣ — да не будетъ высокомѣрно то, что я говорю — стоящему блескомъ и рядомъ замѣчательныхъ подвиговъ выше прежнихъ царей. Но мнѣ дорога всюду прямота мысли, къ чему привыкли съ молодыхъ лѣтъ, я не совершалъ ничего такого, въ чемъ приходилось бы когда нибудь раскаиваться. Поэтому я долженъ получить *обратно Арменію вмѣстѣ съ Месопотаміей, захваченную обманнымъ образомъ при моемъ дѣдѣ*. У насъ никогда не было принято то, что вы утверждаете, ликуя, что долженъ быть одобренъ всякій благополучный исходъ войны, безразлично отъ доблести ли онъ, или отъ коварства. Наконецъ, если захочешь поступать правильно согласно моему совѣту, брось ничтожную часть, приносящую всегда горе и кровопролитіе, чтобы владѣть остальной частью въ безопасности: разсуждай благоразумно; вѣдь и мастера врачебнаго искусства иной разъ и жгутъ и рѣжутъ, или ампутируютъ части тѣла, чтобы имѣть возможность пользоваться остальными здоровыми частями. То же самое дѣлаютъ и звѣри, которые, какъ только замѣчаютъ, для чего главнымъ образомъ ихъ ловятъ, покидаютъ то добровольно, дабы имѣть возможность жить далѣе внѣ страха. И то, конечно, я объявляю, что если мое посольство возвратится ни съ чѣмъ, то по исходѣ времени змѣнаго отдыха, во всеоружіи всѣхъ силъ, я поспѣшу выступить по возможности скорѣе, надежду на успешный исходъ полагая на свое счастье и справедливость выставленныхъ условій»¹.

«Rex regum Sapor, particeps siderum, frater Solis et Lunae, Constantio Caesari fratri meo salutem plurimam dico. Gaudeo tandemque mihi placet

¹ Переводы изъ Амміана сдѣланы мною еще въ 1901—2 годахъ; послѣ того вышелъ прекрасный переводъ всего Амміана проф. Кулаковскаго, по которому я исправлялъ свой переводъ при печатаніи статьи.

ad optimam viam te revertisse et incorruptum aequitatis agnovisse suffragium rebus ipsis expertum, pertinax alieni cupiditas quas aliquotiens ediderit strages. Quia igitur veritatis oratio soluta esse debet et libera et celsiores fortunas idem loqui decet atque sentire propositum meum in pauca conferam, reminiscens haec quae dicturus sum me saepius replicasse. Ad usque Strymoua flumen et Macedonicos fines tenuisse maiores meos, antiquitates quoque vestrae testantur: haec me convenit flagitare — ne sit adrogans, quod affirmo — splendore virtutumque insignium serie vetustis regibus antistantem. Sed ubique mihi cordi est recta ratio; cui coalitus ab adulescentia prima nihil umquam paenitendum admisi. Ideoque Armeniam recuperare cum Mesopotamia debeo, avo meo composita fraude praereptam. Illud apud nos numquam in acceptum feretur, quod adseritis vos exultantes nullo discrimine virtutis ac doli prosperos omnes laudari bellorum eventus. Postremo si morem gerere suadenti volueris recte, contemne partem exiguam semper luctificam et cruentam, ut cetera regas securus, prudenter reputans medelarum quoque artifices urere non numquam et secare et partes corporum amputare, ut reliquis uti liceat integris; hocque bestias factitare: quae cum arvertant cur maximo opere capiantur, illud propria sponte amittunt ut vivere deinde possint inpavidae. Id sane pronuntio quod, si haec mea legatio redierit inrita, post tempus hiemalis quietis exemptum, viribus totis accinctus, fortuna condicionumque aequitate spem successus secundi fundante venire, quoad ratio siverit, festinabo».

На письмо Шанура императоръ Констанцій отвѣтилъ слѣдующими строками:

«Побѣдитель на сушѣ и на морѣ Констанцій, вѣчно Августъ шлю горячій привѣтъ брату своему царю Сапору. Я поздравляю тебя съ благополучіемъ твоимъ, какъ будущій, если пожелаешь, другъ; но алчность твою всегда неуклонную и все обильнѣе разливающуюся я сильно порицаю. Ты требуешь Месопотамію, какъ свою собственность, и кромѣ того еще Арменію, и совѣтуешь отнять у здороваго тѣла нѣкоторые члены, чтобы здоровье его въ дальнѣйшемъ было упрочено твердо — все это слѣдуетъ скорѣе отклонить чѣмъ одобрить какимъ-нибудь согласіемъ. Такъ вотъ послушай правду, не прикрытую задними мыслями, но прозрачную и не боящуюся пустыхъ угрозъ. Мой префектъ преторія, думая, что начинаетъ дѣло, ведущее къ общей пользѣ, заговорилъ съ твоимъ вождемъ безъ моего вѣдома и черезъ какихъ-то неважныхъ людей относительно мира. Мы не отвергаемъ и не отталкиваемъ мира, лишь бы былъ онъ заключенъ прилично и почетно и ничего не отнялъ бы отъ нашей чести и величія. Вѣдь нецѣльно

и непристойно въ то время, когда рядомъ моихъ подвиговъ открыты уши, которыя зависть къ намъ много разъ закрывала, когда съ уничиженіемъ самозванцевъ весь Римскій міръ подчиняется намъ, уступить то, что мы долго, еще замкнутые въ восточныхъ тѣснинахъ, хранили въ неприкосновенности. Да прекратятся также, прошу, угрозы, которыя мечутся на насъ по обычаю: ибо нельзя сомнѣваться, что не изъ трусости, а изъ скромности мы иногда скорѣе принимали вызовъ на войну, чѣмъ начинали мы сами. Когда же насъ вызываютъ, то мы защищаемъ свое имущество крѣпкимъ духомъ готовности на все, зная по опыту и традиціи, что рѣдко въ какихъ нибудь сраженіяхъ не было удачи римскому дѣлу, а результаты войны никогда не кончались въ ущербъ имъ»¹.

«Victor terra marique Constantius semper Augustus fratri meo Saporī regī salutem plurimam dico:

Sospitati quidem tuae gratulor ut futurus, si velis, amicus, cupiditatem vero semper inflexam fusius que vagantem vehementer insimulo. Mesopotamiam puscis ut tuam perindeque Armeniam et suades integro corpori adimeri membra quaedam, ut salus ejus deinceps locetur in solido, quod infringendum est potius quam ulla consensione firmandum. accipe igitur veritatem non obtectam praestigiis sed perspicuam nullisque minis inanibus perterrendam. Praefectus praetorio meus opinatus adgredi negotium publicae utilitati conducens eum duce tuo per quosdam ignobiles, me inconsulto, sermones conseruit super pace. Non refutamus hanc nec repellimus: adsit modo cum decore et honestate nihil pudori nostro praereptura vel majestati. Est enim absonum et insipiens cum gestarum rerum ordine placatae sint aerae invidiae, quae nobis multipliciter inluserunt, cum deletis tyrannis totus orbis Romanus nobis obtemperat, ea prodere, quae contrusi in orientales angustias diu servavimus inbibita. Cessent autem quaesio formidines quae nobis intentantur ex more, cum ambigi nequeat non inertia nos sed modestia pugnas interdum excepisse potius quam intulisse et nostra, quotiens lacessimur, fortissimo benevolentiae spiritu defensare, id experiendo legendoque scientes in proeliis quibusdam raro rem titubasse Romanam, in summa vero bellorum nunquam ad deteriora prolapsam».

Отвѣтное письмо свое Констанцій послалъ вмѣстѣ съ дарами Шапуру черезъ особое посольство, состоящее изъ комита Проспера, трибуна и нотарія Спектата и философа Евстація, мастера убѣдительнои рѣчи. Посольство имѣло инструкцію задержать всячески походъ Шапура, чтобы укрѣпить сѣверныя провинціи.

¹ Ibidem.

Послы представлялись Шапуру въ Ктесифонѣ, передали ему дары и «просили мира при неизмѣнномъ сохраненіи существующаго положенія; помня порученіе императора, послы ни въ чемъ не поступились ни интересами, ни достоинствомъ Римской имперіи и стояли на своемъ, что мирный договоръ долженъ быть заключенъ съ тѣмъ, чтобы ни коимъ образомъ не поднять вопроса объ измѣненіи положенія Арменіи и Месопотаміи. Они, задержавшись тамъ долго, когда замѣтили, что настойчивый царь упрямится принять миръ иначе, какъ при условіи признанія его власти надъ этими областями, вернулись обратно не совершивъ своего дѣла»: *poscebantque rebus integris pacem et mandatorum memores nusquam ab utilitate Romanae rei maiestateque discedebant, amicitiae foedus sub hac lege firmari debere, adseverantes, ne super turbando Armeniae vel Mesopotamiae statu quidquam moveretur. Diu igitur ibi morati, cum obstinatissimum regem, nisi harum regionum dominio sibi adiucato, obdurescentem ad suscipiendam cernerent pacem, negotio redierunt infecto*¹.

Еще разъ пытался Констанцій черезъ другихъ пословъ добиться мира у персовъ, но вновь потерпѣлъ неудачу. Шапуръ не хотѣлъ мириться съ римской властью въ Арменіи и Месопотаміи и рѣшилъ завладѣть ими открытой силой. «Горя сверхчеловѣческой страстью расширить свое царство, говоритъ историкъ, онъ сталъ готовить оружіе, войска и продовольствіе, взывалъ къ подземнымъ духамъ, вопрошалъ всѣхъ маговъ касательно грядущаго», чтобы съ началомъ весны открыть враждебныя дѣйствія. «*Consilia tartareis manibus miscens et praestigiatos omnes consulens de futuris*»²— слова, вполне подтверждающія, замѣтимъ вскользь, характеристику Шапура у Фауста.

Вопиственный пылъ Шапура поддерживалъ нѣкто Антонинъ; богатый купецъ, служившій раньше по счетоводной части у дука Месопотаміи и впавшій въ долги по винѣ нѣкоторыхъ лицъ, онъ вынужденъ былъ убѣжать къ персамъ, не имѣя возможности расплатиться съ казной, куда были занесены его долговые обязательства. Онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о военныхъ и продовольственныхъ силахъ римлянъ и сообщилъ обо всемъ персидскому вождю Тамсапору, чтобы тѣмъ отомстить своимъ соотечественникамъ за незаслуженную имъ обиду. Антонинъ перешелъ въ Персію со своимъ семействомъ, представлялся царю въ его зимней резиденціи и былъ принятъ имъ очень радушно и «пожалованъ почетной тиарой, дававшей ему

¹ Id. XVII, 14.

² XVIII, 4, 1.

право участвовать въ совѣщаніяхъ и высказывать свои мнѣнія»: *et apicis nobilitatus auctoritateque honore participantur mensae regales et meritorum apud Persas ad suadendum ferendasque sententias in contionibus ora panduntur*¹.

Мстителный Антонинъ всѣми силами возбуждалъ Шapurа противъ своего отечества. Человѣкъ образованный и обладающій краснорѣчіемъ, онъ умѣлъ говорить и производить впечатлѣніе. За царской трапезой, «гдѣ у нихъ, какъ у древнихъ грековъ, обсуждались военные и другіе важные вопросы», перебѣжчикъ, всегда трезвый, подбивалъ царя взяться за оружіе съ вѣрой въ свое счастье; а самъ съ своей стороны обѣщалъ поддержку во всемъ (*inter epulas sobrius perfuga, ubi de apparatusu bellorum et seriis rebus apud cos Graicorum more veterum consultatur*²).

Имперія не была подготовлена къ войнѣ; положеніе ея было очень неважно въ особенности на Востокѣ. Начальникъ края, префектъ преторій Музоніанъ, отличался безпечностью и пользовался репутаціей продажнаго человѣка. Наканунѣ войны въ 359 году его смѣнилъ Гермогенъ; родомъ изъ Понта, онъ зналъ Востокъ, но не проявлялъ военныхъ способностей. Наиболѣе подходящимъ для даннаго момента человѣкомъ былъ Урзицинъ, но его преслѣдовали придворныя интриги. Въ 354 году онъ состоялъ начальникомъ конницы въ Низибинѣ, въ слѣдующемъ году его перевели въ Галлію, гдѣ онъ удачно справился съ самозванцемъ Сильваномъ. Въ 357 году въ должности начальника конницы вновь прибылъ на Востокъ въ сопровожденіи нашего историка Амміана. Противъ Урзицина интриговалъ особенно Евсевій, глава царскихъ покоевъ, *praepositus cubiculi*. Пользуясь расположеніемъ императора, онъ добился удаленія Урзицина съ Востока въ Италію и назначенія на его мѣсто своего любимца Сабиніана. Удаленіе Урзицина Амміанъ считалъ крупной ошибкой: по его мнѣнію, въ эту критическую минуту личность такого боевого вождя, какъ Урзицинъ, прекрасно знакомаго при томъ съ тактикой персовъ, была болѣе чѣмъ необходима. Смѣлый проектъ Антонина, одобренный Шапуромъ, былъ разсчитанъ на отсутствіе Урзицина и на неспособность его преемника. Онъ предлагалъ персамъ не тратить времени и силы на осаду укрѣпленій, а стремительнымъ маршемъ перейти Евфратъ и занять цвѣтуція провинціи Сиріи, не тронутыя войной со времени Галліена³.

Императоръ Констанцій неожиданно отмѣнилъ приказъ и Урзицинъ

¹ XVIII, 5, в.

² XVIII, 5, в.

³ XVIII, 6.

съ полноти вернулся обратно въ Месопотамію, съ назначеніемъ начальникомъ пѣхоты. Положеніе его было трудно, тѣмъ болѣе, что армія фактически осталась въ распоряженіи другого лица.

Урзицинь посѣщилъ въ Низибинъ и сталъ укрѣплять городъ. Вскорѣ показались изъ-за Тигра со стороны крѣпости Мавровъ и Сисары передовые отряды непріятели. Урзицинь и Аммианъ вышли за городъ, чтобы загородить имъ путь, но вынуждены были убѣжать черезъ Амудій и Мелкариръ въ Амиду.

По распоряженію Урзицина Аммианъ отправился къ сатрану Кордуены Ювиніану, имѣвшему тайно симпатіи къ римлянамъ. Побывавъ заложникомъ въ Сиріи, онъ занимался науками и нынѣ пылалъ желаніемъ вернуться къ римлянамъ. Поѣздка Аммиана имѣла развѣдочный цѣль. Проводникъ сатрана повелъ его на высокой пунктъ, откуда видно было на горизонтѣ приближеніе вражескихъ полчищъ. Во главѣ шелъ самъ царь въ блестящихъ одѣяніяхъ, имѣя по лѣвую сторону царя Хіонитовъ Грумбата, а по правую — царя Албаніи; за ними шли другіе мелкіе князья и знатныя лица изъ сосѣднихъ племенъ.

Урзицинь, располагая всего двумя конными отрядами въ 700 ч., долженъ былъ отступить изъ Амиды къ Самосатѣ. Персидскіе вожди Тамсаноръ и Находаръ во главѣ 20000 войска, пытаясь отрубать ему путь, настигли его въ горахъ близъ Амиды, разбили отрядъ Урзицина, который едва спасся въ Милитену.

Между тѣмъ главныя силы подъ начальствомъ Шапура дошли до предѣловъ Низибина, а отсюда, по совѣту Антонина, повернули на сѣверъ и, проходя черезъ *Vibases*, *Naqen*, *Maïasagire* и *Charcha*¹, очутились передъ стѣнами Амиды. Мужественное сопротивленіе города было сломлено упорствомъ персовъ и послѣ 73 дневной обороны онъ палъ. Аммианъ убѣжалъ въ Милитену, откуда вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Урзициномъ поѣхалъ въ Антиохію².

Изъ Амиды Шапуръ пронесся на югъ къ Сингарѣ, очень важному стратегическому пункту, чтобы, захвативъ его, обезпечить себѣ тылъ со стороны врага, сосредоточивавшаго свои силы въ Антиохіи. Овладевъ городомъ, Шапуръ вновь устремился на сѣверъ и осадилъ передовое укрѣпленіе на Тигрѣ Безабде, древнюю Фенику (*Phoenice*)³, нынѣ Джезирэ-иби-Омаръ. И эта крѣпость пала.

¹ Эти пункты существуютъ и нынѣ и лежатъ на главномъ пути отъ Дары къ Амидѣ.

² Ib. XIX, 8.

³ XX, 7.

Персидскіе усѣхи побудили императора Констанція стать лично во главѣ арміи. Въ томъ году, когда римскія крѣпости пали одна за другой, Констанцій съ войскомъ прибылъ въ Кесарію (Каппадокійскую), *Mazacum antehac nominatum* (XX, 9). Здѣсь онъ узналъ, что галльскіе легіоны, недовольные приказомъ о переводѣ ихъ на Востокъ, провозгласили Юліана императоромъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, продолжать ли путь или идти противъ Юліана, Констанцій послалъ людей къ нему съ предложеніемъ довольствоваться титуломъ цезаря, и самъ готовился къ походу.

Ходили слухи, что персы принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заставить армянскаго царя Аршака отпасть отъ римлянъ и перейти къ Шапуру. Констанцій прекрасно понималъ, что если интриги персовъ въ Арменіи достигли бы цѣли, то римское оружіе лишится серьезной поддержки; поэтому онъ старался обезпечить себя съ этой стороны, заручившись прочностью союза съ Аршакомъ.

«Констанцій, говоритъ Аммианъ, призвалъ къ себѣ армянскаго царя Арсака, принялъ его необыкновенно радушно и убѣдительно просилъ и увѣщевалъ, чтобы тотъ остался намъ другомъ и вѣрнымъ (союзникомъ). Онъ слышалъ, что персидскій царь не разъ пытался, дѣйствуя то обманомъ, то угрозами, то коварствомъ, чтобы Арсакъ, отпавъ отъ союза съ римлянами, перешелъ на его сторону. Арсакъ многократно клялся, что онъ скорѣе положитъ жизнь свою, чѣмъ позволить себѣ взмѣну; и осыпанный дарами вмѣстѣ со спутниками, которыхъ привелъ съ собою, Арсакъ вернулся въ свое царство. Впослѣдствіи онъ не рѣшился нарушать данныя обѣщанія, будучи связанъ съ Констанціемъ многими узами признательности, между коими самое важное было то, что императоръ выдалъ за него Олимпию, дочь Аблабія, нѣкогда префекта преторія, бывшую невѣсту брата своего Константа. Отпустивъ Арсака, Констанцій выступилъ изъ Каппадокіи и черезъ Милитену, городъ Малой Арменіи, перешедши Евфратъ, прибылъ въ Эдессу» — *Constantius aditum Arsacen, Armeniae regem, summaque liberalitate susceptum praemonebat et hortabatur, ut nobis amicus esse perseveraret et fidus. Audiebat enim saepius eum temptatum a rege Persarum fallacis, et minis, et dolis, ut Romanorum societate posthabita, suis rationibus stringeretur. Qui crebro adjurans animam prius posse amittere, quam sententiam, muneratus cum comitibus, quos duxerat, rediit ad regnum, nihil ausus temerare postea promissorum, obligatus gratiarum multiplici nexu Constantio, inter quas illud potius excellebat, quod Olimpiada Ablabii filiam praefecti quondam praetorio, ei copulaverat conjugem, sponsam fratris sui*

Constantis. Quo dimisso a Cappadocia ipse per Melitinam minoris Armeniae oppidum, et Lacotena, et Samosata, transito Euphrate, Edessam venit¹.

Здѣсь онъ простоялъ нѣкоторое время въ ожиданіи подкрѣпленія и вышелъ въ Амиду. Видъ разгромленнаго персами города непріятно подѣйствовалъ на императора. Изъ Амиды Констанцій прошелъ къ Безабде и, послѣ слабой и неудачной попытки овладѣть имъ, удалился въ Антиохію. Здѣсь ему донесли, что Юліанъ идетъ на столицу. Всю зиму 360—361 г. онъ провелъ въ необходимыхъ приготовленіяхъ для веденія войны противъ внутренняго и вѣшняго враговъ.

Весной ожидалось наступленіе персовъ и императоръ еще разъ дѣлаетъ шагъ для укрѣпленія союза съ армянскимъ царемъ и сопредѣльными властителями. Такъ какъ опасались нападѣнія персовъ съ наступленіемъ весны, то, по словамъ того же историка, «были посланы къ затигрскимъ царямъ и сатрапамъ послы со щедрыми подарками, чтобы просить и увѣщевать ихъ держаться нашей стороны и не замышлять никакого обмана или коварства. Прежде всего Арсака и Мерибана, царей Арменіи и Иберіи, старались подкупать роскошными одѣяніями и разнообразными дарами, какъ людей, могущихъ нанести ударъ римскому дѣлу, если бы въ такой критическій моментъ перешли на сторону персовъ» — *ad Transtigritanos reges et satrapes legati cum muneribus missi sunt amplis, monituri cunctos et hortaturi nostra sentire et nihil fallax temptare vel fraudulentum. Ante omnia tamen Arsaces et Meribanes, Armeniae et Hiberniae reges, cultu ambitioso indumentorum emercabantur et multiformibus donis damna negotiis Romanis illaturi, si rebus tum etiam dubiis descivissent ad Persas*².

Вскорѣ римскіе военачальники, стоявшіе въ Месопотаміи, донесли, что персидскія войска, стянутыя къ берегамъ Тигра, собираются открыть военныя дѣйствія. Констанцій послѣшно выѣхалъ изъ Антиохіи въ Эдессу навстрѣчу врага. Однако персы раздумали и неожиданно отошли обратно въ свои предѣлы. Императоръ вернулся въ Антиохію и отсюда выѣхалъ въ Константинополь, но въ дорогѣ заболѣлъ лихорадкой въ Тарсѣ и умеръ на станціи Монсукренѣ 5 октября 361 года³.

Императоромъ былъ провозглашенъ Юліанъ. Рѣшивъ продолжать войну съ персами, онъ выѣхалъ въ Антиохію въ іюль мѣсяцѣ 362 года. Слава его и страхъ передъ нимъ распространились далеко и дошли до Востока; отовсюду явились мирныя посольства; «просили о мирѣ также за-

¹ id. XX, 11.

² id. XXI, 6.

³ XXI, 15.

тигрскіе народы и армяне» *Transstigitanis pacem obsecrantibus et Armeniis*¹.

Юліанъ дѣлѣялъ грандіозныя планы и думалъ однимъ ударомъ положить конецъ вѣковой враждѣ персовъ и сокрушить мощь государства, причинившаго столько бѣдствій, въ особенности за послѣдніи 60 лѣтъ, и не разъ истребившаго римское войско до единого человѣка².

Самоувѣренный императоръ, правда, принималъ радушно предложеніе разныхъ народовъ о присылкѣ ему помощи, но съ гордостью давалъ имъ знать, что римской державѣ не подобаетъ пользоваться вѣншией поддержкой, а, наоборотъ, она готова защищать друзей и союзниковъ, если они обратятся къ ней за помощью. «Только Арсаку, царю Арменіи, продолжаетъ историкъ, предислалъ, чтобы онъ, собравъ значительное войско, дѣйствовалъ такъ, какъ ему будетъ приказано: куда ему направиться и что онъ долженъ будетъ дѣлать, вскорѣ узнаетъ—*Solum Arsacem monnerat Armeniae regem ut collectis copiis validis iubenda operiretur, quo tenderet, quid deberet urgere propeere cognitarus*»³.

Послѣ высококомѣрнаго заявленія о ненадобности посторонней помощи, такое исключеніе по отношенію къ армянскому царю служитъ лучшимъ доказательствомъ, какую роль играла тогда Арменія и какъ дорожили ея позиціей воюющія стороны.

Въ сочиненіяхъ Юліана сохранилось письмо его, адресованное Арсаку и гласящее:

«Арсаку, сатрану Арменіи.

Послѣдши въ бой противъ враговъ, Арсакъ, скорѣ чѣмъ слово, поднявъ руку противъ персидскаго сумасшествія. Наше вооруженіе и усердіе ставятъ себѣ задачей одно изъ двухъ: или отдать должное (т. е. погибнуть), совершивъ великіе подвиги на царянской землѣ и причинивъ ужасное зло противникамъ, или же, укротивъ ихъ при помощи боговъ, вернуться побѣдителями къ себѣ домой, воздвигнувъ памятникъ побѣды надъ врагами. Брось поэтому небрежность и обманъ и забудь того блаженнаго и обильные дары высокихъ лицъ, расточаемые на тебя и на тебѣ подобныхъ варваровъ при щедромъ и расточительномъ Констанціи, и пнигъ подумай обо мнѣ, Юліанѣ, верховномъ жрецѣ, о цезарѣ, Августѣ, о служителяхъ боговъ и Марса, о сокрушителяхъ франковъ и варваровъ, объ освободителяхъ гал-

¹ XXII, 7.

² XXII, 12.

³ XXIII, 2.

ловъ и пталійцевъ. Если ты замышляешь что иибудь другое — вѣдь я знаю, что ты лукавъ, дурной воинъ и хвастунъ, какъ это показываютъ настоящія дѣла, такъ какъ ты пытаешься скрыть у себя причуцагося врага общей пользы — пока ты откладываешь это (т. е. замысль) до выясненія судьбы войны. Намъ довольно союза съ богами для уничтоженія враговъ. Если же судьба рѣшила иичто другое — рѣшеніе ея и есть желаніе боговъ — то я приму его безстрашно и мужественно. Знай же, что ты падеши отъ руки персовъ и въ борьбѣ погибнетъ окончательно твой домъ и армянское царство. Раздѣлить съ тобою невзгоды также городъ Низибинъ, какъ объ этомъ вѣщали намъ давно небесные боги.

Ἀρσάκη Ἀρμενίων σατράπῃ.

Ἐπεύθητι πρὸς τὴν τῶν πολεμίων παράταξιν, Ἀρσάκιε, θάπτον ἢ λόγος, τὴν δεξιάν κατὰ τῆς Περσικῆς μανίας ἐπλίσας. ἡ γὰρ ἡμετέρα παρασκευή τε καὶ προθυμία δυσὶν θάτερον βεβούλευται, ἢ τὸ χρεῶν ἀποδοῦναι ἐπὶ τῆς Παρθυαίων ἐνορίας τὰ μέγιστα διαπραξαμένους καὶ τὰ δεινότατα διαθεμένους τοὺς ἀντιπάλους, ἢ τούτους χειρωσαμένους, πρυτανευόντων ἡμῶν τῶν θεῶν, καλλινίκους ἐπανελθεῖν ἐπὶ τὴν ἐνεγκαμένην, τρόπαια κατὰ τῶν πολεμίων ἐγείραντας. πᾶσαν οὖν ῥαστώνην καὶ φενακισμὸν ἀποθέμενος, καὶ τὸν μακαρίτην ἐκεῖνον καὶ τὰς τῶν εὐγεγονότων περιουσίας τὰς εἰς σέ τε καὶ τοὺς ὁμοτρόπους σοὶ βαρβάρους ὑπὸ τοῦ ἀβροτάτου καὶ πολυτελοῦς Κωνσταντίου κενωθείσας, νῦν μοι τὸν Ἰουλιανόν, τὸν ἀρχιερέα, τὸν καίσαρα, τὸν αὐγουστον, τὸν θεῶν τε καὶ Ἄρεος θεραπευτὴν ἐγνόησον, τὸν Φραγκῶν τε καὶ βαρβάρων ὀλετήρα, τὸν Γάλλων τε καὶ Ἰταλῶν ἐλευθερωτὴν. εἰ δὲ ἕτερόν τι βουλευσαιο πυνθάνομαι γὰρ εἶναι σε πανοῦργον καὶ κακὸν στρατιώτην καὶ ἀλαζόνα, ὡς τὰ παρόντα μοι πράγματα δείκνυσιν· ἐχθρὸν γὰρ τινα τῆς κοινῆς λυσιτελείας λανθάνοντα ἀποκρύπτειν παρὰ σοὶ πειρᾶσθαι· τέως μὲν τοῦτο ὑπερτίθεμαι διὰ τὴν τοῦ πολέμου τύχην· ἀρκεῖ γὰρ ἡμῶν ἢ τῶν θεῶν συμμαχία πρὸς τὴν τῶν πολεμίων καθαίρεσιν. εἰ δὲ τι τὰ τῆς εἰμαρμαρμένης κρίνει· θεῶν γὰρ βούλησις ἢ ταύτης ἐξουσία· ἀδεῶς καὶ γενναίως οἶσω τοῦτο. ἴσθι δὲ ὡς σὺ μὲν πάρεργον ἔση τῆς Περσικῆς χειρός, συναφθείσης σοὶ παγγενεὶ τῆς ἐστίας καὶ τῆς Ἀρμενίων ἀρχῆς· κοινωνήσει δὲ σοὶ τῆς δυστυχίας καὶ ἡ Νισιβίων πόλις, τῶν οὐρανίων θεῶν τοῦτο πάλαι ἡμῶν προαγορευσάντων. *Juliani opera, vol. I, epistola 66, p. 589—590.*

Письмо это и по формѣ и по содержанию вызываетъ серіозныя сомнѣнія: необыкновенно грубый тонъ считается недостойнымъ пера Юліана да и не соответствуетъ реальному положенію вещей. Императоръ не могъ такимъ оскорбительнымъ языкомъ говорить съ властителемъ, помощь кото-

раго онъ очень цѣнилъ, какъ видно изъ словъ Амміана. Последняя фраза письма, касающаяся паденія Аршака и его дома и вообще армянскаго царства, указываетъ скорѣе на то, что документъ составленъ послѣ совершившагося факта гибели аршакидской короны въ Арменіи. Кроме того, въ письмѣ подѣ τῶν μακκρίτην ἐκεῖνον «того блаженнаго», подразумевается, повидимому, Константинъ Великій, при которомъ Аршакъ не могъ быть на престолѣ — обстоятельство, тоже поддерживающее сомнѣнія въ подлинности документа.

Въ тонѣ письма сказалась, безспорно, та злоба, которую долженъ былъ испытать Юліанъ отъ того, что Аршакъ при всемъ желаніи, какъ выяснилось впоследствии, не могъ оказать помощи римлянамъ. Когда Юліанъ прибылъ въ Карры, то узнавъ о томъ, что врагъ уже перешелъ границу, выдѣлялъ отрядъ въ 30.000 человекъ и передалъ его Проконію съ приказаніемъ маневрировать по берегамъ Тигра и зорко слѣдить за движеніемъ врага. «Онъ поручилъ также соединиться, если будетъ возможно, съ Аршакомъ и съ нимъ вмѣстѣ пройти быстрымъ набѣгомъ черезъ Кордуену, Максоеву, опустошить богатую провинцію Мидіи, Хиліокомъ, и другіе районы ея и затѣмъ послѣпить къ нему въ Ассирію для оказанія ему помощи, если будетъ нужда» — *mandabatque eis ut, si fieri potius posset, regi sociarentur Arsaci cumque eo per Corduenam et Moxoenam Chiliocomo iberi Mediae tractu partibusque alliis praestricto cursu vastatis apud Assyrios adhuc agenti sibi concurrerent necessitatum articulis adfuturi*¹.

Въ этомъ заключалась военная помощь Аршака и на это указываютъ приведенныя выше слова историка, что Юліанъ приказалъ Аршаку готовиться и ждать его распоряженій.

Юліанъ самъ съ главными силами двинулся по теченію Евфрата на югъ къ столицѣ персидскаго царя. Онъ прошелъ побѣдоносно до Ктесифона и несмотря на то, что въ генеральномъ сраженіи на Наармалхѣ, по увѣренію Амміана, Юліанъ разбилъ персовъ, послѣ того римскія войска предпочитаютъ взять обратный путь. При этомъ однимъ изъ обстоятельствъ, ухудшавшимъ положеніе Юліана, выставляется та «не малая бѣда, что не явился отрядъ, который ожидался съ Арсакомъ и съ нашими вождями, задержанный причинами, указанными выше» — *haud exiguum malum, quod nec adminicula, quae praestolabamur cum Arsace et nostris ducibus, adparebant ob causas impedita praedictas*². Къ сожалѣнію, въ наличномъ текстѣ

¹ XXIII, 3.

² XXIV, 7.

Аммiана не имѣется указанiя насчетъ причинъ, задержавшихъ Аршака, на что ссылается авторъ. Изъ этихъ словъ видно, во-первыхъ, какое большое значенiе придавалось помощи Аршака, во-вторыхъ, Аршакъ вовсе не былъ виновенъ въ томъ, что не могъ прiйти на помощь Юлиану. Смѣлое предпрiятiе Юлиана кончилось плохо; при отступленii онъ былъ, пронзенный стрѣлой врага 26 iюня 363 г.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Н. Адонцъ.

Христіане и христіанскіе термини у мусульманскаго поэта XII вѣка въ Багдадѣ.

Для характеристики христіанско-мусульманскихъ отношеній въ эпоху арабскаго халифата до сихъ поръ очень рѣдко привлекаются произведенія арабовъ-мусульманъ. Я не говорю о сочиненіяхъ специалистовъ и такихъ авторовъ, какъ ал-Біррұннї или ал-Мас'удї, которые близко касаются этихъ вопросовъ и поэтому всегда пользовались извѣстнымъ вниманіемъ ученыхъ, хотя быть можетъ не въ такой мѣрѣ, какъ этого заслуживаетъ сообщаемый ими матеріалъ. Я имѣю въ виду богатую литературу по такъ называемому *адабу* съ беллетристическимъ оттънкомъ, которая оптомъ оставляется въ сторонѣ по апріорному предположенію, что она ничего не можетъ дать. Мнѣ уже неоднократно приходилось обращать вниманіе на тѣ интересныя детали, которыя выплываютъ при изученіи работъ писателя IX вѣка ал-Джāхиза¹; теперь я хочу привести одинъ примѣръ изъ другой области, которая (нужно оговориться) остается въ пренебреженіи и у самихъ арабистовъ-мусульманистовъ, — области поздней арабской поэзіи. Для древней поэзіи работа въ указанномъ направленіи частью произведена Л. Sheikho, главнымъ образомъ въ двухъ арабскихъ монографіяхъ², къ сожалѣнію и до сихъ поръ не вполне вошедшихъ въ обиходъ европейской науки. Вполнѣ вѣроятно, что аналогичный трудъ надъ произведеніями болѣе поздняго времени, начиная съ омейядской эпохи, далъ бы столь же цѣнные результаты. Въ данный моментъ я не имѣю въ виду ставить вопросъ

¹ XV, III, 231 и IV, 302 сл.

² Les récits bibliques et les allusions chrétiennes dans la poésie préislamique, Beyrouth 1904 (Оттискъ изъ *ал-Машири*, въ дальнѣйшемъ Шейхъ¹) и Le christianisme et la littérature chrétienne en Arabie avant l'Islam, II partie (въ *ал-Машири* за 1913 годъ; въ дальнѣйшемъ Шейхъ²).

сколько-нибудь широко, а лишь хочу привести одяпъ примѣръ, подвернувшийся мнѣ, — не скрою, — нѣсколько случайно.

Изучая для своихъ цѣлей произведенія одного поэта XII вѣка, я обратилъ вниманіе на встрѣчающійся у него терминъ изъ области христіанскаго культа — برشان *ranis eucharisticus*, который былъ мнѣ извѣстенъ до тѣхъ поръ только въ діалектическомъ употребленіи современной Сиріи, но не зарегистрированъ, какъ мнѣ казалось, въ литературныхъ памятникахъ. Это обстоятельство заставило меня болѣе внимательно просмотрѣть произведенія, именно съ указанной точки зрѣнія. Сколько-нибудь полной картины, конечно, не получилось, такъ какъ я самый матеріалъ средняго качества, но въ которыхъ черточки не лишены интереса и своимъ наброскомъ я хочу подѣлиться съ читателями Христіанскаго Востока.

Сибт-ибн-ат-Та'аввизі (ум. 583/1187 г.), одинъ изъ многихъ поэтовъ эпохи упадка 'аббасидской династіи¹, своимъ талантомъ не выдѣляется среди другихъ. Если нѣкоторые арабскіе ученые признаютъ его крупнѣйшимъ поэтомъ за два предшествовавшихъ ему вѣка², то вѣроятнѣе всего объясняется это тѣмъ, что трудно найти хоть одного арабскаго поэта, о которомъ не существовало бы аналогичнаго отзыва какого-нибудь ученаго. Изученіе его произведеній, изданныхъ D. S. Margoliouth'омъ въ Каирѣ въ 1903 году³, говоритъ скорѣе за то, что они болѣе интересны для историка, чѣмъ для изслѣдователя поэзіи. Ибн-ат-Та'аввизі былъ современникомъ знаменитаго Салāх-ад-дīна (ум. 589/1193 г.), которому адресовано нѣсколько хвалебныхъ пьесъ; въ придворной бюрократіи Багдада онъ занималъ до постигшей его слѣпоты довольно видный постъ, и въ его стихахъ изрѣдка проскальзываетъ тотъ или другой намекъ на современность. Определенное положеніе въ обществѣ позволяетъ считать и отношеніе его къ христіанамъ обычнымъ для средней илгерманиціи багдадскаго мусульманства въ XII вѣкѣ.

¹ О немъ см. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur* — I, 1898, 248—249 и Зейдāнъ, *تاريخ آداب اللغة العربية* — III, Каиръ 1913, 24 (Указанную здѣсь литературу о немъ можно дополнить ссылкой на *أق-Сафаді, نكت الهميان في نكت العميان*, Каиръ 1911, 259—263).

² Иначе говоря, эти критики считаютъ его наиболѣе выдающейся величиной послѣ ал-Мутанаббī.

³ Изданіе выпущено въ 1906 году и въ Европѣ съ другой обложкой подъ заглавіемъ: *Carmina Muhammadis Ubaidallahi f. dicti Sibti ibn-al-Ta'awidhi ex codicibus Bodleianis edita et vocalibus indicisque instructa a D. S. Margoliouth, Halis Saxoniæ 1905* (Отъ каирскаго оно отличается только коротенькимъ предисловіемъ и спискомъ *Corrigenda in vocalibus*. Само изданіе носитъ нѣсколько «восточный» характеръ: исполнено оно только по нѣсколькимъ повѣстившимъ рукописямъ, текстъ комбинируется по этимъ источникамъ субъективно, варианты не приводятся, нѣкоторые стихи опускаются *لعدم منفعتها* и т. д.).

Если поставить вопрос, какія понятія соединялись съ представленіемъ о христіанахъ въ древней Аравіи, можно не колеблясь отвѣтить — грамотность и вино. Оба фактора шли къ центру съ сѣвера и юга Аравіи изъ болѣе культурныхъ странъ; посылателями обоихъ являлись представители чуждыхъ религій — въ большей мѣрѣ христіанской, въ меньшей іудейской. Послѣ Мухаммеда съ распространеніемъ ислама обстоятельства переменялись. Если у поэта омейядской эпохи ал-Фераздака во 2-ой половинѣ VII вѣка *rāwīemz* (раисодѣмъ) былъ попрежнему христіанинъ¹, такъ какъ на обязанности его лежала и запись произведеній, то съ другой стороны его современникъ, истый бедуинъ, З̣у-р-Румма уже самъ умѣлъ писать, хотя и считалъ нужнымъ это скрывать для поддержанія своего престижа². Грамотность, такимъ образомъ, начинала распространяться и переставала считаться отличительной особенностью представителей другой религій. Характернымъ признакомъ христіанъ въ 'аббасидскомъ халифатѣ служить теперь знакомство съ «пришлыми» (по терминологіи арабовъ) науками: математикой, медициной, философіей и пр. Уже съ начала IX вѣка этотъ признакъ надолго остается за ними, какъ въ извѣстной мѣрѣ за евреями и табіями³. Поэтому мы видимъ, что и въ XII вѣкѣ Ибн-ат-Та'аввизіи не находитъ лучшей похвалы для своего мецената, какъ сказать (188,32)⁴: «Благодаря ему всѣ мои жалобы прекратились: я удалилъ ихъ точно при помощи самого Бохтйшū»⁵.

Въ противоположность грамотности, вино продолжаетъ соединяться въ мусульманскомъ представленіи съ христіанами и во времена нашего поэта. Связанные съ этимъ образы и картины настолько разнообразны и субъективны, что нѣтъ никакой возможности видѣть въ нихъ только литературный приѣмъ или шаблонъ. Въ грустную минуту своей жизни Сибтъ обращается къ пріятелю-христіанину съ просьбой прислать вина «изъ запаса монаховъ, безъ котораго до скончанія вѣка не обойдется ни одна келлія католикоса» (207,5). Онъ готовъ поклониться вину, какъ іерей, на зарѣ и вечеромъ (ib., 6). Вино это — «дочь епископовъ и діаконовъ» (192,15), «воспитанница іерея и діакона» (320,9). Для загородныхъ покоевъ горожане арабы чаще всего направлялись въ монастырь еще со временъ омейядскихъ халифовъ; у Ибн-ат-

¹ И. Крачковскій, Абū-л-Фараджъ ал-Ва'вйі дамаскій, II, 1914, 70, стр. 3.

² Ибн-Кутейба *كتاب الشعر والشعراء* (изд. de Goeje), 333,3-4.

³ Ср. XV, IV, 304 сл.

⁴ Ссылки даются по изданію Margoliouth'a съ указаніемъ номера стихотвореній и стиха.

⁵ Извѣстная фамилія врачей-историковъ при первыхъ 'аббасидскихъ халифахъ (см. *Encyclopaedie des Islam* — I, 626).

Та'аввѣзѣ мы находимъ живую картину того, какъ сонный монахъ выно-
ситъ неожиданному почному посѣтителю вино (154,14-18):

«Не разъ я останавливался въ монастырѣ, когда хозяинъ монастыря
уже дремалъ.

И вставалъ онъ ко мнѣ, спросонокъ торопливо высѣкая огонь.

Языкъ его, связанный пашиткомъ, какъ будто бы постигала нѣмота.

И приносилъ онъ его (= вино), какъ солнце, посылавшее въ напол-
ненные имъ кубки утреннюю зарю.

Я не торговался съ нимъ за вѣсъ, и онъ не жадничалъ, отми́ривая...».

Блескъ и великолѣпіе христіанскихъ празднествъ влекли несомнѣнно и
мусульманъ на богослуженіе; Ибн-ат-Та'аввѣзѣ не можетъ забыть про
видѣннаго имъ въ «Лисичьемъ монастырѣ» (Дейр-ас-са'їлибъ) красавца-
послушника «въ одѣвнїи монаха» (33,2). Какъ христіане справляютъ свои
разговинны, онъ тоже хорошо знаетъ: другому своему прїятелю онъ пишетъ,
что готовъ проноστήться съ нимъ хоть пятьдесятъ дней лишь бы потомъ
получить въ награду, какъ монаху, христіанскаго вина, сладостей и про-
сфоръ (260,4 сл.):

4. «Я буду поститься ради вашего поста пятьдесятъ дней, удаляясь
отъ всего запретнаго, недозволеннаго.

5. Я буду избѣгать (мяса) заколотыхъ, не по необходимости, а ради
своего обязательства;

6. добровольно, не оставляя себѣ никакого извиненія, я даже брошу
изъ сочувствїя къ вамъ пить вино,

7. пока дни не соберутъ насъ вмѣстѣ съ вами межъ кувшиномъ и
чашей...».

13. И если ты завершишь (постъ) сладостями — а вѣдь твоя щедрость
не можетъ остаться безъ завершенія —,

14. то получишь отъ меня свободную хвалу и избавишься отъ всякихъ
упрековъ.

16. Сильная жадность у меня еще и къ просфорѣ, но теперь не время
говорить».

Другой разъ, недовольный отсутствіемъ болѣе реальныхъ подарковъ,
онъ пишетъ тоже къ другу (288,4-9):

«Прошелъ уже годъ и вернулся вслѣдъ за нимъ неторопливо
второй,

а отъ него нѣтъ у меня ничего, кромѣ посылокъ съ просфорными
хлѣбами,

точно я монахъ въ келліи среди какихъ-нибудь келлій Наджрана.

Послушай же — да будетъ тебѣ благо! — поэта, который продаетъ тебѣ стихи за лепешки:

Разговѣйся и отиразднуй свою задержку отпралять мнѣ должное за 1000 нисановъ (= апрѣлей)!

Нѣтъ у меня жадности къ сладостямъ, а о тебѣ и просфорѣ (довольно сказать) два слова».

Титулъ католикоса отмѣченный выше я мѣсто дѣйствія — Багдадъ даютъ намъ возможность опредѣлить, хотя и приблизительно, съ какими христіанами преимущественно имѣлъ дѣло Ибн-ат-Та'аввѣй. Одинъ современнѣйшій ему писатель Ибн-Хамдунъ¹ сохранилъ въ своей «памяткѣ» (*Tazkirah*) интересную жалованную грамоту, данную халифомъ католикосу несторіанъ въ Багдадѣ 'Абдѣшѣ². Такъ какъ по другимъ источникамъ намъ извѣстно, что онъ былъ избранъ въ 533/1139 году³, то этотъ документъ несомнѣнно характеренъ и для времени нашего поэта. Изъ него вытекаетъ, что въ Багдадѣ главную роль среди христіанъ въ XII вѣкѣ играли несторіане, и ихъ католикосъ считался даже официально признаннымъ главой всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ своего собственнаго, — яковитовъ, мелькитовъ и «румовъ»⁴. Вѣроятно, и Ибн-ат-Та'аввѣй находился по преимуществу въ общеніи съ несторіанами.

Воздѣйствіе христіанскаго міра на нашего поэта послѣ приведенныхъ общихъ замѣчаній еще отчетливѣе выступаетъ⁵ при простомъ перечнѣ словъ, имѣющихъ отношеніе къ христіанамъ и отмѣченныхъ мною при знакомствѣ съ его произведеніями⁶.

أساقف (множ. отъ أسقف) — епископъ (192,15 вино — «дочь епископа»).

Слово греческое, перешедшее черезъ арамейскій (ср. Шейхѣ², 592); коптское

¹ Ум. 562/1167 г. (Brockelmann, op. cit. I, 280—281, № 8).

² Ее издали съ англійскимъ резюме Amedroz въ JRAS за 1908 годъ, стр. 447—450 (изложеніе) и 467—470 (текстъ по лондонской рукописи). Издателью осталось неизвѣстнымъ, что текстъ былъ напечатанъ по двумъ рукописямъ (берлинской и лондонской) въ *al-Mashriq* еще за 1899 годъ — т. II, 353—355.

³ Amedroz, l. cit. 450.

⁴ Ib. 448 и 450, текстъ — 468.

⁵ Въ связи съ этимъ характерно, что ничего подобнаго нельзя установить по отношенію къ евреямъ, хотя они тоже играли извѣстную роль въ Багдадѣ. Единственный разъ лицо одного еврея по безобразію сравнивается (162,7) съ лицомъ Мардохея (? مرذقی).

⁶ Кромѣ двухъ упомянутыхъ уже сокращеній въ дальнѣйшемъ сокращенно цитуются слѣдующія работы: BeIoT [Vocabulaire arabe-français, 6-me éd., Beyrouth 1899], Dozy [Supplément aux dictionnaires arabes], Fränkel [Aramäische Fremdwörter im Arabischen].

посредство, которое допускаетъ Fränkel (275), менѣе вѣроятно, такъ какъ слово имѣется уже въ до-исламской поэзи (Шейхѹ², ib.). Употребляемая поэтомъ форма множественнаго рѣдка; обыкновенно أَسَافَةَ.

بُرْشَان — просфора, хлѣбъ евхаристіи (260,16 288,5, 9 — упоминается какъ лакомства). Арабизованная форма арамейскаго ܚܘܨܝܢܐ (Payne Smith, Thesaurus Syriacus 3305). До сихъ поръ слово было извѣстно только изъ современнаго арабскаго діалекта въ Сиріи (Dozy I, 72; Fränkel 278; Belot 27, 1007), гдѣ оно употребляется какъ въ упомянутомъ значеніи, такъ и въ смыслѣ аптечной облатки. Въ литературныхъ арабскихъ памятникахъ, тѣмъ болѣе старыхъ, насколько мнѣ извѣстно, оно не было зарегистрировано.

جَائِلِيق — католикость (207,6 — въ его келліи вино не переводится). Слово греческое, перешедшее черезъ арамейское посредство (Fränkel 275 — 276; Belot 70, 1008); въ старой поэзи извѣстно (Шейхѹ² 592).

مَحَارِيب (мн. отъ محراب) — святилище (11,1, 45 58,32 — въ нихъ находятъ изображенія и лампы). Слово, не имѣющее удовлетворительнаго этимологическаго объясненія изъ арабскаго языка. Соблазнительная гипотеза Fränkel'я (274) о передачѣ имъ эоіопскаго ጠጥራብ — мѣкѹѣрѣб (= южн. араб. محراب), принятая рядомъ ученыхъ (въ томъ числѣ Шейхѹ, Chrestomathia arabica, Beḡuti 1897, 210 прим. д; ср. Dillmann, Lexicon linguae aethiopicae, 836—837), отвергнута Praetorius'омъ (ZDMG — LXI, 621) и Nöldeke (Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft — 52 прим. 3) по фонетическимъ соображеніямъ. Такимъ образомъ, попрежнему продолжаетъ оставаться неясной семасическая исторія слова, имѣющаго слишкомъ разнообразныя значенія (ср. Шейхѹ² 430 и Nöldeke, l. cit.); не менѣе поразительно, что корень كرب игравшій такую важную роль въ южно-арабскомъ лексиконѣ, не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ сѣверно-арабскомъ (ср. Бартольдъ, Исламъ, II. 1918, стр. 10). Слово хорошо извѣстно въ ст.-арабской поэзи (Шейхѹ¹ 31, Шейхѹ² 430).

دُمِيَّة (140,13), мн. دُمَى (11,1) — изображеніе, статуя (идеаль красоты). Слово арамейское (Fränkel 272), хорошо извѣстное въ старой поэзи (Шейхѹ¹ 32, Шейхѹ² 681—682).

ذِير — монастырь (154,14 — тамъ производится покупка вина; 33,1 — въ собственномъ имени «Лисіній монастырь»). Слово арамейское (Fränkel 275), рано вошедшее въ языкъ (Шейхѹ¹ 34, Шейхѹ² 774).

ذَمِي — находящійся подъ защитой договора, не мусульманшъ

(140,48 — сравненіе съ его костюмомъ). Слово арабское, закрѣпленное въ употребленіи юридической терминологіей.

راهِب (33,2 288,6), множ. رُهَبَان (207,6) — монахъ. Слово арабское (см. Fränkel 267—268, Бартольдъ, *op. cit.* 10), играющее большую роль въ поэтической терминологіи древней эпохи (Шейхѹ¹ 36—38).

زُنَّار — поясъ (33,4 140,13 — принадлежность костюма монаха). Слово, повиднмому, греческаго происхожденія (Шейхѹ, *Chrestomathia* 441 s. v.); о его роли въ одеждѣ см. Dozy, *Dictionnaire des vêtements* 196. Въ старой поэзіи встрѣчается рѣдко (Шейхѹ² 856).

شَمَّاس (192,15), множ. شَمَّاس (320,9) — діаконъ (вино — его «дочь»). Слово арамейское (Fränkel 276, Belot 387, 1010); форма множественнаго числа вм. обычнаго شَمَّاسَة до сихъ поръ зарегистрирована только у поэта IX вѣка ал-Бухтуріи (Йакутъ, изд. Wüstenfeld'a II, 830 = Шейхѹ¹ 36). Само слово встрѣчается и въ древнемъ періодѣ (Шейхѹ² 594).

غِبَار — отличительный знакъ (140,48 — въ одеждѣ зиммиевъ). Слово арабское, того же порядка, какъ и ذِمِّي.

قَس (207,7) и قَسِيس (320,9) — іерей. Слово арамейское (Fränkel 275, Belot 636), въ обѣихъ формахъ извѣстное въ старой поэзіи (Шейхѹ¹ 35, Шейхѹ² 593).

قَلَابَة (207,6 288,6), множ. قَلَابَات (288,6) — келлія. Слово греческое, перешедшее черезъ арамейское посредство. Fränkel (275) знаетъ только форму قَلْبَة, на основаніи Castell'я; только ее упоминаетъ и о. Anastase (ал-Маширихъ III, 1900, 69). Dozy (II, 401—402) настаиваетъ по неизвѣстнымъ основаніямъ на формѣ قَلَابَة, отрицая другія (рас قَلْبَة ni قَلَابَة), но ср. еще Belot 658. Въ старой поэзіи слово встрѣчается очень рѣдко (Шейхѹ² 775).

قَنَادِيل (множ. отъ قَنْدِيل) — лампы (11,45 58,32 — сравнивается съ ними блескъ красивыхъ лицъ). Слово греческое, перешедшее черезъ арамейскій (Fränkel 95). Болѣе старыя цитаты миѣ неизвѣстны.

كِنَائِس (множ. отъ كَنِيسَة) — церковь. Слово еврейское (Fränkel 275), перешедшее черезъ арамейскій (Nöldeke, *Neue Beiträge...* 37, пр. 3).

Въ до-исламской поэзи неизвѣстно и замѣняется обыкновенно بَلا (Шейх \bar{o} ¹ 29—30, Шейх \bar{o} ² 677).

نَوَاقِيس (множ. отъ نَاقُوس) — бѣло (49,6). Слово арамейское (Fränkel 276, Nöldeke, op. cit. 188), очень распространенное въ старой поэзи (Шейх \bar{o} ¹ 33—34, Шейх \bar{o} ² 682—684).

И. Крачковскій.

П. Январь 1918 г.

Къ біографіи священника Филиппа Кайтмазова (XVIII вѣка)¹.

Со времянъ Антонія I, католикаса Грузіи, какъ извѣстно, начинается новая эра въ исторіи грузинской литературы. Это была эпоха, когда пышно расцвѣтшая, начиная съ XII—XIII столѣтій, грузинская свѣтская подражательная литература какъ-будто совершенно заслонила теченія философско-богословской мысли, бывшія въ ходу особенно съ конца X вѣка, — эпоха, когда почти считались забытыми традиціи отцовъ святогорцевъ и петриціонцевъ. И вотъ въ такую именно эпоху умственного затишья на грузинскомъ литературномъ небосклонѣ появляется яркая звѣзда, въ лицѣ католикаса Антонія, который благодаря присущимъ ему глубокому уму и жельзной волѣ, соединеннымъ съ благороднымъ патріотизмомъ и истинною преданностью Христову ученію, сумѣлъ предохранить грузинскую философско-богословскую мысль отъ наденія и направить ее, эту мысль, по новому жизненному пути, приведшему изстрадавшійся подъ постояннымъ персидско-турецкимъ игомъ народъ къ нѣкоторому религіозно-умственному подъему. Между прочимъ, по почину Антонія I, въ Тифлисъ и Телавѣ были открыты духовныя семинаріи, имѣвшія цѣлью готовить грузинскихъ юношей къ церковно-общественной и учено-педагогической дѣятельности, и, такимъ образомъ, грузинская образованность была поставлена на должную высоту.

Однако, задавшемуся «мыслью обновить школу и ввести новыи лучи просвѣщенія въ общественную жизнь», «Антонію I», — выражаясь словами А. С. Хаханова, — «необходимо было воспользоваться услугами армян-

¹ Настоящая статья составляетъ собою одну изъ главъ доклада моего на тему «Арменовѣды-грузины и грузиновѣды-армяне на поприщѣ древнегрузинской литературы», прочитаннаго, на армянскомъ языкѣ, 1 ноября 1916 г. въ засѣданіи Армянскаго Этнографическаго Общества.

скихъ и католическихъ духовныхъ особъ»¹. И вотъ мы видимъ, какъ онъ, Антоній, приближаетъ къ себѣ, съ одной стороны, «іерея Филиппа, родомъ изъ армянъ» (ოფელბე ხეცესი სომეხთა გვარისგანი), а съ другой — «иноксго іеромонаха Іоанна изъ латынскихъ» (იონე ვინე ხეცეს-მონაწილი ლათინთ-გან²). При этомъ особенно цѣнны были для Антонія услуги, оказываемыя ему священникомъ Филиппомъ, который, кстати сказать, былъ не только его ближайшимъ сотрудникомъ въ сферѣ учено-литературной дѣятельности, но и его задушевнымъ другомъ.

Насчетъ священника Филиппа мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ почти никакими біографическими матеріалами. Извѣстно только, что онъ, будучи выходцемъ изъ владѣній князей Орбеліани, являлся — по національности природнымъ армяниномъ, по происхожденію же своему грузинскимъ дворяниномъ. Что же касается его фамиліи, то она указывается въ нѣкоторыхъ источникахъ, какъ «Кайтмазашвили» (ყაითმაშვილი), resp. «Кайтмашишвили» (ყაითმაშიშვილი), — очевидно, отъ арм. «Кайтмазяні» (Կայր-Մաշանի), т. е. «Кайтмазовъ» (если въ основѣ ея принять имя «Кайт-Гамазъ»).

Извѣстная въ печати историко-литературная статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ «გრიგე უწყებს ქართველთა მწერალთათვის *Краткій очеркъ о грузинскихъ литераторахъ*», изданная Е. С. Такайшвили и приписываемая послѣднимъ царевичу Теймуразу (съ пріуроченіемъ времени написанія ея къ 1820—1827 гг.), при обрисовкѣ заслугъ каждаго изъ дѣятелей на поприщѣ грузинской литературы не оставляетъ безъ вниманія и этого Филиппа. Здѣсь Филиппъ упоминается въ ряду «армянскихъ ученыхъ [пробывающихъ] въ Тифлисѣ» (ოფელისს მის სომეხნი მეცნიერნი), каковыми были: вардапетъ Захарій, тер-Филиппъ, тер-Петросъ, тер-Давидъ и тер-Самуилъ³. Говоря о вардапетѣ Захаріи Матинянѣ или Мадянашвили (საქარია ვართაპეტის მადინაშვილისათვის) и объ его школѣ, авторъ *Краткаго очерка* далѣе продолжаетъ:

«კურ-ოფელბესათვის. ესე იყო სკდ მიწეუნილი ფილარეთისი მსწავლისი სემონსენებულის ვართაპეტის. ამნაც მრავალნი მოწაფენი განსწავლნა და შექვის წადენთამე წიგნთა თარგმანებათა შინა კათოლიკოს სიტანი პირველის⁴.

¹ А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. 3, Москва 1901, стр. 251.

² Ср. *წმ. გრიგელის ქმნილი სიტონი I საქართველოს კათოლიკოსისადან*, подъ ред. свящ. мѣ. Карбелова, Тбл. 1892, стр. 4—5.

³ «Древняя Грузія», т. I, отд. 3, стр. 45—46.

⁴ *Ibid.*, стр. 46.

«*О тер-Филиппѣ.*»

Онъ былъ глубокой философъ, подобно вышеупомянутому вардапету. Онъ также воспиталъ многихъ учениковъ и помогъ католику Антонію Первому въ переводѣ нѣсколькихъ книгъ».

Прежде всего, Антоніемъ въ сотрудничествѣ со священникомъ Филиппомъ, была переведена съ армянскаго на грузинскій языкъ Грамматика Мыхитара Севастійскаго. Переводный текстъ былъ снабженъ Антоніемъ обширнымъ предисловіемъ; изъ предисловія мы, собственно говоря, и узнаемъ не только о причинахъ перевода этой Грамматики на грузинскій языкъ, но и объ обстоятельствахъ, побудившихъ Антонія сблизиться съ армянскимъ священникомъ Филиппомъ.

«Упомянемъ обстоятельство, подавшее намъ поводъ къ составленію настоящаго труда», — такъ начинается свою «исповѣдь» Антоній, и далѣе продолжаетъ (приводимъ въ переводѣ А. А. Цагарели съ сохраненіемъ стиля переводчика): «Богъ ниспослалъ царствованіе царей Теймураза [II, 1744—1761] и сына его Ираклія [II, 1761—1798]; оба эти царя сильно желали найти (ислѣдовать) правила грузинской грамматики, но они не могли найти [въ видѣ сотрудника] знатока грамматики какого-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Я же, будучи хорошо знакомъ съ нашимъ языкомъ, пожелалъ еще больше изслѣдовать его. Спустя нѣсколько лѣтъ я познакомился съ однимъ священникомъ Филиппомъ Кайтмазашвили; [онъ былъ] по происхожденію Ерманыя (армянинъ), т. е. Гайосіанъ, дворянинъ изъ владѣній князя Орбеліани; съ нимъ я очень подружился, и стали [мы] заниматься каждый день вмѣстѣ изслѣдованіемъ предложеній (словъ) каждаго отдѣльно. Прежде всего я перевелъ съ армянскаго языка категоріи Аристотеля въ двухъ частяхъ [разсуждающія] о словосочиненіи и предложеніи, т. е. о силлогизмѣ, — чему я былъ весьма радъ и благодарилъ Бога моего св. Духа. Бесѣдуя между собою, мы стали говорить о томъ, чтобы сдѣлать и переводъ грамматики, но меня удерживало то, что умъ мой не имѣлъ грамматическаго образованія, между тѣмъ священникъ Филиппъ былъ весьма близко знакомъ съ грамматическимъ искусствомъ; [такимъ образомъ] проживши на премудрость Божию, согласно съ повелѣніемъ царя Теймураза (II) и сына его (Ираклія II) предприняли мы это дѣло (составленіе грамматики). Филиппъ познакомилъ меня сначала кратко съ частями рѣчи, затѣмъ съ опредѣленіями и свойствами грамматики, буквъ, слоговъ, словъ и предложеній, и постепенно излагалъ мнѣ части рѣчи и принадлежности ихъ, вводи меня незамѣтно въ дверь мудрости. И поелику благодать [Бо-

жія] помогла мнѣ, то умъ мой, познавъ ее, зачалъ грамматическую науку... Что же касается до Синтаксиса, разсуждающаго о сочетаніи предложений (словосочиненій), то и съ нимъ познакомилъ меня слегка тотъ достохвальный мужъ, соболъзвующій мнѣ Филиппъ»¹.

Изъ цитованныхъ словъ, думается намъ, нельзя не заключить, насколько велика заслуга армянскаго священника Филиппа предъ Антономъ и, въ связи съ этимъ, предъ грузинскою литературою.

Нужно вообще имѣть въ виду, что сотрудничеству Филиппа съ Антономъ обязаны мы появленіемъ въ грузинской литературѣ такихъ трудовъ послѣдняго, какъ «Категоріи Аристотеля», «Богословскія начала Прокла Діадоха (по редакціи Симеона Гарнійскаго)», «Исторія Ефесскаго Вселенскаго собора», «Риторика Мыхитара», «Грузинская Грамматика», «Готовое слово» и пр.

Но дѣятельность священника Филиппа на поприщѣ грузинской литературы выражалась въ сотрудничествѣ его не только съ Антономъ Католкосомъ, но и съ другими представителями тогдашняго литературнаго міра и прежде всего съ Досноеемъ (Черкезишвили), епископомъ Некресскимъ, съ тѣмъ Досноеемъ, который, по словамъ автора *Краткаго очерка о грузинскихъ литераторахъ*, «хорошо зналъ языкъ армянъ» (ქუჩოჯ სძუბოს ჯბ კოთხჯდ)². Этому Досноею совмѣстно съ Филиппомъ приписываются переводы: 1) «Сокращеннаго толкованія Книги Періарменія»³ и 2) «Діалектики Ковидія Антонія Левмоакскаго»⁴.

Кромѣ Досноея Некресскаго, со священникомъ Филиппомъ на литературномъ поприщѣ сотрудничали также Іоаннъ Джамбакур-Орбеліани⁵, Антоній Цагарели⁶, Іоаннъ мдиван-бегъ со священникомъ Николаемъ⁷ и другіе.

Л. Меликсетъ-Бековъ.

¹ А. Цагарели, О грамматической литературѣ грузинскаго языка, Игр. 1873, стр. 6—7.

² «Древняя Грузія», т. I, отд. 3, стр. 39.

³ См. рип. Общества распространенія грамотности среди грузинъ № 278 (Д. Каричашвили, კატეგორიის ქრისტიანული ზნის წეს-კანონის ანკვერქული სინაკლავის წიგნის-სტვისა, I, стр. 261) и Тифлискаго Церковнаго музея № 535 (Θ. Жорданія, Описание рукописей Тифлискаго Церковнаго музея etc., кн. I, стр. 78).

⁴ См. рип. О-ва грамотности №№ 250 и 349 (Д. Каричашвили, ц. с., I, стр. 255—256)

⁵ Д. Каричашвили, ц. с., I, стр. 253, Н. Маррѣ, Іоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка, стр. 9 сл.

⁶ Ibid., стр. 255—256.

⁷ Ibid., стр. 254.

Два грузинских архитектурных термина —
„აჩრდილ“ и „ბალავარ“.

I.

Въ Грузинскихъ летописяхъ читаемъ про царя Арчила, сына Стефана (Stepan-oz) II-го въ VII вѣкѣ («639—663» гг.), что онъ —

საგანსურნი ყოველნი (M ყოველთა). «Сокровищницы всѣ (M всѣхъ) ქართლის ეკლესიათანი დაუღეს ახრ-церквей Картліи зарылъ въ больш-
დიღეს დაღეს სიონის მცხეთისს¹. шомъ აჭრდილ Мцхетскаго Сіона.

Древнел. აჭრდილ обыкновенно въ грузинской рѣчи нынѣ воспринимается какъ синонимъ слова ღრდილ || ღძილ *тьнь*²; съ нимъ связывается лишь представленіе о разновидности слова, принадлежащей къ высокому стилю, а не выражающей особое понятіе. Вульгарно слово появляется не только безъ префикса а- и безъ слогаобразующаго г, звуча ღძილ, но съ паденіемъ перваго коренного ჳ въ нвзшую его ступень ш — შძილ или шძილ въ живой діалектической рѣчи, причемъ оно всегда означаетъ «тьнь»; это трехсогласный корень ჳძილ (< ჳილ)³, яфетическій эквивалентъ семитическаго ṭī въ словѣ того же значенія арб. طي, евр. טי, сир. ܛܝ, и т. д. Основа грузинскаго построена по формѣ qʾəʾmip, то съ потерю огласовки перваго коренного (ღძილ, შძილ), то съ замѣною ея плавнымъ г (აჭრდილ). Префиксъ а- можетъ быть воспринятъ какъ образовательный элементъ имени безъ особаго назначенія, слѣдовательно, и а-აჭრდილ можетъ означать лишь «тьнь», какъ по

¹ Brosset, I, стр. 172 = списокъ ц. Маріи, стр. 206.

² Даже Орб. не указываетъ иного значенія. Вносимое Ч₂ новое толкованіе «шолу тьнь» есть претензія на особое пониманіе или повоторчество, древними текстами не подтверждаемое.

³ Діалектически (въ живой рѣчи) и у яфетидовъ имѣемъ тотъ же корень безъ дифференціаціи двухъ плавныхъ (ი > ძი), причемъ однако вмѣсто л появляется плавный г съ утратой удвоенія: имер. ჳერ-ო (< *ჳერ-ო) *тьнь*. На разновидностяхъ этого корня, да и самого слова но другимъ яфетическимъ языкамъ мы сейчасъ не останавливаемся.

нимаютъ обычно его современные грузины, но въ нашемъ древнемъ текстѣ рѣчь явно о части храма; такъ и понимъ слово Brosset въ слѣдующемъ французскомъ переводѣ¹:

«Quant aux richesses des églises de la Géorgie, peu de jours après les avoir cachés dans la grand coupole de Sion, à Mtzkhétha . . .»

Brosset выпужденъ былъ оправдать свой вольный переводъ слова «тѣнь» терминомъ «куполъ» слѣдующимъ примѣчаніемъ (ц. с., прим. 4):

«Слово აბრდოლო [a-ʒrdil-1], которое я передаю такъ, означаетъ собственно *тѣнь*; но такъ какъ смыслъ получился бы малоудовлетворительный, я воспринялъ другое значеніе, предоставленное мнѣ устнымъ преданіемъ грузинъ. Я часто слышалъ, что купола перквей, т. е. пустыя пространства между кровлею и нижней частью свода являются обычными тайниками для церковныхъ сокровищъ. Къ тому же кровля, выступая наружу, за поддерживающую ее стѣну, образуетъ настоящій *зонтикъ* или *шатеръ* (*parasol* ou *ombrelle*), который прикрываетъ (*abrite*) церковь: я думаю, что это истинный смыслъ слова აბრდოლო [aʒrdil-1], и его надо прибавить къ трехязычному Словарю [Чубникова=Ч₁].»

Въ существующіе грузинскіе словари, дѣйствительно, надо внести слово, собственно особое его значеніе, но не предложенное Brosset толкованіе, основанное прежде всего—на непониманіи переводившагося имъ мѣста, затѣмъ—на переальномъ представленіи о куполахъ грузинскихъ церквей и объ ихъ кровляхъ. Brosset даетъ настоящее толкованіе въ 1849 году, за нѣсколько лѣтъ до его путешествія по Грузіи и Арменіи.

Въ цитованной фразѣ აʒrdil по контексту представляется безспорно имѣющимъ архитектурное значеніе какъ названіе какой-то определенной конструктивной части храма, хотя оно отсутствуетъ въ специальной работѣ И. А. Джавахова о грузинскихъ терминахъ искусствъ². Понятіе «тѣнь» могло бы получить такое развитіе по аналогіи съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ русской рѣчи. Въ русской церковной рѣчи для сроднаго по значенію «сѣни» Даль указываетъ въ числѣ старинныхъ значеній «архіерейское подворье», но въ примѣрахъ имѣемъ «у церкви на сѣняхъ» съ поясненіемъ «на наперти, или въ отдѣльномъ, крѣпкомъ прятворѣ». Еще болѣе возбуждающе-любопытна для толкованія нашего мѣста въ Грузинскихъ лѣтописяхъ слѣдующая цитата, приведенная тамъ же: «казна и грамоты, рѣше-

¹ Стр. 237.

² Термины искусствъ и главнѣйшія свѣдѣнія о памятникахъ искусства и матеріальной культуры въ древнегрузинской литературѣ, именно въ I-мъ отдѣлѣ — «Архитектура» XV., III, 1914, стр. 19—31).

пія вѣча, въ Новгородѣ» хранились «на снѣгахъ у св. Софїи, во Псковѣ въ Лаврѣ у св. Троицы»¹. Поскольку «сѣпи» или «сѣнь» отождествляется съ «теремомъ», М. Н. Бережковъ даетъ разъясненіе «теремъ — сѣнь, навѣсъ, балдахинъ надъ гробницей съ мощами святыхъ», но это отводитъ насъ отъ конструктивныхъ частей храма; М. Н. Бережковъ категорически отвергаетъ возможность отождествленія терема съ какой-либо архитектурной частью древне-русскаго храма, ему дѣло представляется вполне яснымъ и разрѣшаемымъ, когда по его же словамъ вопросъ о связывавшихся съ теремомъ «панертяхъ и придѣлахъ требуетъ новаго разслѣдованія»².

Если идти въ сторону *сими* съ реальнымъ значеніемъ «шатра», «навѣса», «балдахина», «киворія»³, то работнику по древне-кавказской терминологіи христіанскаго зодчества словарно естественнѣе всего и правльнѣе вспомнить сирійскіе архитектурные термины, произведенные отъ корня $\text{t}l$, эквивалентнаго яфетическому корню ʔdl .

1. Отъ этого корня происходитъ то слово $\text{t}l$ со значеніемъ «шатеръ», «палатка», «куща»⁴, основа котораго $\text{ta}l$ -налицо въ составѣ и армянскаго и грузинскаго термина *talavar*, восходящаго, по всей видности, къ первоначальной кавказской версіи св. Писанія, переводамъ съ сирійскаго языка и на армянскій (*talawar*, resp. *tağawar*⁵), и *via armeniaca* (*suapicaque*) на грузинскій (*talavar-i*⁶) языкъ. Расхожденіе стиховъ въ использованіи этого термина въ сирійскомъ подлинникѣ и въ армянской и грузинской версіяхъ есть результатъ позднѣйшихъ измѣненій всѣхъ трехъ текстовъ, интереснѣй для ихъ исторіи, но нашего вопроса не касается. Древность

¹ Въ матеріалахъ древне-русскаго словаря по письменнымъ памятникамъ Н. И. Срезневскаго (Пб. 1906) отмѣчается «сѣнь церковная» съ одной цитатой, но реального объясненія религіозно-архитектурнаго значенія не получаемъ.

² Къ исторіи черниговскаго Спасскаго собора (Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908, т. II, Москва 1911), стр. 19. Приношу благодарность Н. П. Сычеву за указаніе этого изслѣдованія по вопросу.

³ Кстати, «киворій» бывалъ въ реальности большой и малый (Martigny, *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*, s. v.: «Quelquefois, an-dessous du grand ciborium, dont les colonnes portaient sur le sol, il y en avait un autre qui appuyait ses piliers sur l'autel même»).

⁴ Быт. 33,17, II Ц 22,12, Ис 131,9 (въ послѣднемъ случаѣ въ зависимости отъ евр. לָחַן).

⁵ Быт. 31, 34, Лев. 23, 42, 43, Неем. 8, 14—17, Юд. 8, 5, 34, Ис. 1, 8; 24,20; 38,12, Мих. 1,6; 3, 12, Мо 17,4, [Мк 9,4, Лк 9,33].

⁶ Ис. Н. 2,6 (bis), Мо 17,4, Мк 9,5, Лк 9,33. Ч₂ поясняетъ *talavar-i* синонимомъ საბავრისისიკონი , чтѣ Орб. приводитъ на своемъ мѣстѣ, но безъ всякаго объясненія, а Ч (Д. Чубиновъ), въ первомъ изданіи своего словаря совершенно опускающій его, во второмъ изданіи переводитъ словами «сѣнь, шатеръ, наметъ», ссылаясь на словарь Н. Чубинова. Въ სისიკონი , по всей видности, имѣемъ искаженіе სისიკონ , передачи греч. σισίχιον τῆς или $\text{σῦ-$

употребленія этого термина сирійскаго происхожденія въ кавказской версiи библейскихъ текстовъ, раннее полученіе терминомъ правъ гражданства въ кавказскихъ письменныхъ языкахъ явствуетъ и изъ наличія производныхъ отъ него словъ грузинскихъ *talavt-ob-a-y*¹ *праздникъ куцей*. и особенно армянскаго въ томъ же значенiи, скроенаго по греческому шаблону *σκηνοπηγία*—*taḷawarahaḡ-q*, и тѣмъ не менѣ нельзя не считаться также съ тѣмъ, что у грузинъ *talavar* встрѣчается и въ живой рѣчи (такъ, напр., въ гурийскомъ говорѣ въ значенiи *бесѣдки* изъ виноградной лозы, пущенной на столбы и перекладыны ихъ, какъ спонимъ г. *fanḡatur*), да и образованіе само *talavar* не представляется квишнымъ. Слово можетъ оказаться изъ той категорiи заимствованныхъ словъ, изъ арамейскаго въ армянскій, изъ армянскаго въ грузинскій, которыя сначала были народно усвоены въ пограничной съ языкомъ источника этнически гибридной средѣ и лишь затѣмъ проникли въ письменность;

б) отъ того же корня происходитъ, вмѣстѣ съ *𐌕𐌆𐌔* со значеніемъ уже ннымъ — «кровь», «кровля»², другое слово *𐌕𐌆𐌔𐌀* исключительно со значеніемъ «крыша», «кровля».

Собственно въ обоихъ случаяхъ сирійскія слова, т. е. и *𐌕𐌆𐌔* и *𐌕𐌆𐌔𐌀*, въ корнѣ означаютъ «осѣняющій», «осѣненіе», «служащій для тѣни». Въ значеніяхъ *𐌕𐌆𐌔* мы находимъ и *umbraeulum*, т. е. все «то, что производитъ тѣнь, доставляетъ прохладу», «навѣсъ», «тѣнистое мѣсто», «бесѣдка» и т. п. Грузинской лексикографъ Ч₂ такъ и объясняетъ терминъ *talavar*-1 словомъ *sa-ḡrdil-obel*-1 «служащій для тѣни», «осѣняющій», «защищающій отъ яркаго свѣта или знойныхъ лучей» и т. п. Но *sa-ḡrdil-obel*, грузинское и по образованію слово, представляетъ лишь синонимъ термина *a-ḡrdil*, между тѣмъ *a-ḡrdil* можетъ быть безукоризненнымъ по спирантному типу образованія двойникомъ грузинскаго слова *sa-ḡrdil*³, параллельной формы и синонима *sa-ḡrdil-obel*: префиксъ *a-* (<ha-) въ немъ легко воспринять какъ частицу для образованія имени мѣста, эквивалентъ грузинскаго *sa-*. Следовательно, словарно грузинское *aḡrdil* могло бы означать

σκιος тѣнистый, осѣненный, защищенный отъ яркаго свѣта въ формѣ вып. падежа. Въ греческомъ употребленіе этого слова въ указанномъ грузинскими лексикографами значеніи не отмѣчено въ словаряхъ. Незвѣстно мнѣ и то, изъ какого текста извлечено грузинское слово *siklon*, герс. *siklon*, приводимое Д. Чубиновымъ (Ч₂) безъ цитаты и безъ всякой ссылки.

¹ По цитатѣ Орб. «3 Эздр. 5,51», но имѣемъ его и въ каноническихъ частяхъ Библии Второз. 16,13, 16; 31,10 et pass.

² Въ Ис 131,3 потому-то и армянская версія имѣетъ разночтеніе *լորդ քրօց*, воспроизводящее это именно значеніе того же сирійскаго слова, противъ всѣхъ другихъ версій, въ которыхъ рѣчь о шатрѣ жилищъ (*σκηνομα*, *saḡoḡel* въ зависимости отъ евр. *שֹׁכֵן*).

³ По Ч₂: «назашъ. шатеръ, бесѣдка; для тѣни».

любую часть храма съ защитою, дающею тѣнь, любую пристройку съ навѣсомъ и самъ навѣсъ, шатерь, какъ «сѣнь» въ древне-русскомъ, реально же въ терминологіи религіозной архитектуры древнихъ грузинъ ачрдил съ полнымъ правомъ могло бы означать «портикъ съ колоннадой» типа Эре-руйской базилики или Текорской (до ея перестройки) въ Арменіи, а этого типа портика строился и въ Грузіи, притомъ въ Грузіи не только въ древне-христіанское время, но и позднѣе, даже въ XI-мъ вѣкѣ, въ частности выведенъ былъ онъ и въ мцхетскомъ храмѣ¹. Эти портики съ коло-надой древне-армянскихъ и грузинскихъ храмовъ (въ болѣе поздней терминологіи—«стоа») были, дѣйствительно, величественныя обширныя постройки, потому did большой въ приложеніи къ ачрдил Мцхетскаго собора въ цитованной въ началѣ настоящей работы фразѣ изъ Грузинскихъ лѣтописей былъ бы вполнѣ соотвѣтственнымъ эпитетомъ ognans, и переводъ въ такомъ случаѣ долженъ бы гласить: «Сокровищницы всѣ церквей Картліи (царь Арчилъ) зарылъ въ большомъ портикѣ Мцхетской базилики»².

Въ древнелитературномъ армянскомъ языкѣ также существуетъ слово-варно однозначущій эквивалентъ этого термина — hovan, это по слово-варно — «тѣнь; завѣса, навѣсъ», «скіянія, шатерь» и переносно молъ встрѣчается въ выраженіяхъ «подъ сѣнью руки Его», «подъ сѣнью св. Богородицы въ монастырѣ Цорцора» и т. п. Лишенное письменныхъ документовъ и актовъ, современныхъ даже раннему средневѣковью, тѣмъ болѣе древне-христіанской эпохѣ развитія армянской культуры и армянскаго зодчества, арменовѣдѣніе, къ тому же развившееся вдали отъ армянской реальности, отъ памятниковъ матеріальной культуры Арменіи, да еще съ теоретическимъ уклономъ къ исторіи и словесности безъ реального вещевѣдѣнія, не располагаетъ возможностью указать, какое религіозно-архитектурное значеніе имѣло слово hovan у древнихъ армянъ. У насъ нѣтъ пока средствъ указать и то, какія мѣста армянскихъ авторовъ и армянскихъ надписей подтверждаютъ подобное специальное значеніе, если, понятнo, оно дѣйствительно имѣется у него. Можно только сказать, что если бы за hovan утвердилось значеніе портика, то реально мы могли бы имѣть его использованнымъ не только въ смыслѣ стоа какъ въ базиличныхъ храмахъ древнехристіанскаго типа въ родѣ Эреруйской базилики, но и въ смыслѣ притвора съ колоннадами, армянскаго gawid, получающаго особое развитіе съ X вѣка.

¹ И. Джаваховъ, ц. с., стр. 27—28.

² О томъ, что Сионъ въ древнегрузинской терминологіи религіозной архитектуры означалъ базилику, см. И. Джаваховъ, ц. с., стр. 22—23.

употребленія этого термина сирійскаго происхожденія въ кавказской версiи библейскихъ текстовъ, раннее полученіе терминомъ правъ гражданства въ кавказскихъ письменныхъ языкахъ явствуетъ и изъ наличія производныхъ отъ него словъ грузинскихъ *talavt-ob-a-y*¹ *праздникъ кущей* и особенно армянскаго въ томъ же значеніи, скроевнаго по греческому шаблону *σκηνοπηγία*—*taḷawarahaḡ-a-q*, и тѣмъ не менѣ нельзя не считаться также съ тѣмъ, что у грузинъ *talavag* встрѣчается и въ живой рѣчп (такъ, напр., въ гурійскомъ говорѣ въ значеніи *бесѣдки* изъ виноградной лозы, пущенной на столбы и перекладины ихъ, какъ спонимъ г. *fanḡatur*), да и образованіе само *talavag* не представляется квижнымъ. Слово можетъ оказаться изъ той категорiи заимствованныхъ словъ, изъ арамейскаго въ армянскій, изъ армянскаго въ грузинскій, которыя сначала были народно усвоены въ пограничной съ языкомъ источника этнически гибридной средѣ и лишь затѣмъ проникли въ письменность;

б) отъ того же корня происходятъ, вмѣстѣ съ со значеніемъ уже шимъ — «кровъ», «кровля»², другое слово исключительно со значеніемъ «крыша», «кровля».

Собственно въ обоихъ случаяхъ сирійскія слова, т. е. и и , въ корнѣ означаютъ «осѣняющій», «осѣненіе», «служащій для тѣни». Въ значеніяхъ мы находимъ и *umbraculum*, т. е. все «то, что производитъ тѣнь, доставляетъ прохладу», «навѣсъ», «тѣнистое мѣсто», «бесѣдка» и т. п. Грузинской лексикографъ Ч₂ такъ и объясняетъ терминъ *talavag*-1 словомъ *sa-ḡrdil-obel*-1 «служащій для тѣни», «осѣняющій», «защищающій отъ яркаго свѣта или знойныхъ лучей» и т. п. Но *sa-ḡrdil-obel*, грузинское и по образованію слово, представляетъ лишь спонимъ термина *a-ḡrdil*, между тѣмъ *a-ḡrdil* можетъ быть безукоризненнымъ по спрантаному типу образованія двойникомъ грузинскаго слова *sa-ḡrdil*³, параллельной формы и синонима *sa-ḡrdil-obel*: префиксъ *a-* (< *ha-*) въ немъ легко воспринять какъ частицу для образованія имени мѣста, эквивалентъ грузинскаго *sa-*. Следовательно, словарно грузинское *aḡrdil* могло бы означать

σκιος тѣнистый, осѣненный, защищенный отъ яркаго свѣта въ формѣ вни. падежа. Въ греческомъ употребленіе этого слова въ указанномъ грузинскими лексикографами значеніи не отмѣчено въ словаряхъ. Неизвѣстно мнѣ и то, изъ какого текста извлечено грузинское слово *visikon*, гесп. *siskion*, приводимое Д. Чубиновымъ (Ч₂) безъ цитаты и безъ всякой ссылки.

¹ По цитатѣ Орб. «3 Эздр. 5,51», но имѣемъ его и въ каноническихъ частяхъ Библии Второз. 16,13, 16; 31,10 et pass.

² Въ Ис 131,3 потому-то и армянская версія имѣетъ разночтеніе *յարկ* *кровъ*, воспроизводящее это именно значеніе того же сирійскаго слова, противъ всѣхъ другихъ версій, въ которыхъ рѣчь о шатрѣ жилища (*σκηνομα*, *saḡofel* въ зависимости отъ евр. *שֹׁכֵן*).

³ По Ч₂: «шалашъ. шатеръ, бесѣдка; для тѣни».

любую часть храма съ защитою, дающею тѣнь, любую пристройку съ навѣсомъ и самъ навѣсъ, шатеръ, какъ «сѣнь» въ древне-русскомъ, реально же въ терминологіи религіозной архитектуры древнихъ грузинъ *aṣrdil* съ полнымъ правомъ могло бы означать «портикъ съ колоннадой» типа Эре-руйской базилики или Текорской (до ея перестройки) въ Арменіи, а этого типа портяки строились и въ Грузіи, притомъ въ Грузіи не только въ древне-христіанское время, но и поздѣе, даже въ XI-мъ вѣкѣ, въ частности выведенъ былъ онъ и въ мцхетскомъ храмѣ¹. Эти портяки съ колоннадой древне-армянскихъ и грузинскихъ храмовъ (въ болѣе поздней терминологіи — «стоа») были, дѣйствительно, величественныя обширныя постройки, потому *did bolınoı* въ приложеніи къ *aṣrdil* Мцхетскаго собора въ цитованной въ началѣ настоящей работы фразѣ изъ Грузинскихъ лѣтописей былъ бы вполне соответственнымъ эпитетомъ *oṗnals*, и переводъ въ такомъ случаѣ долженъ бы гласить: «Сокровищница всѣ церквей Картліи (царь Арчилъ) зарылъ въ большомъ портикѣ Мцхетской базилики»².

Въ древнелитературномъ армянскомъ языкѣ также существуетъ словарно однозначущій эквивалентъ этого термина — *hovani*, это по словарю — «тѣнь; завѣса, навѣсъ», «скинія, шатеръ» и перепосло моль встрѣчается въ выраженіяхъ «подъ сѣнью руки Его», «подъ сѣнью св. Богородицы въ монастырѣ Цорцора» и т. п. Лишенное письменныхъ документовъ и актовъ, современныхъ даже раннему средневѣковью, тѣмъ болѣе древне-христіанской эпохѣ развитія армянской культуры и армянскаго зодчества; арменовѣдѣніе, къ тому же развившееся вдали отъ армянской реальности, отъ памятниковъ матеріальной культуры Арменіи, да еще съ теоретическимъ уклономъ къ исторіи и словесности безъ реального вещевѣдѣнія, не располагаетъ возможностью указать, какое религіозно-архитектурное значеніе имѣло слово *hovani* у древнихъ армянъ. У насъ нѣтъ пока средствъ указать и то, какія мѣста армянскихъ авторовъ и армянскихъ надписей подтверждаютъ подобное специальное значеніе, если, понятно, оно дѣйствительно имѣется у него. Можно только сказать, что если бы за *hovani* утвердилось значеніе портяка, то реально мы могли бы имѣть его использованиемъ не только въ смыслѣ *стоа* какъ въ базиличныхъ храмахъ древнехристіанскаго типа въ родѣ Эреруйской базилики, но и въ смыслѣ притвора съ колоннадами, армянскаго *gawin*), получающаго особое развитіе съ X вѣка.

¹ И. Джаваховъ, ц. с., стр. 27—28.

² О томъ, что *Сіонъ* въ древнегрузинской терминологіи религіозной архитектуры означалъ базилику, см. И. Джаваховъ, ц. с., стр. 22—23.

Наконецъ, вопросъ иной еще, представляютъ ли термины др.-литературный грузинскій აფრდილ и армянскій հօրամ плодъ переводческаго словарнаго творчества, вновь сочиненныя для христіанской письменности слова по шаблону термина подлинника, съ котораго переводили армяне и грузины библейскіе книги или вообще памятники христіанской литературы? Или, какъ то замѣчаемъ нерѣдко въ другихъ случаяхъ, и აფრდილ, и հօրամ были, задолго до возникновенія христіанства у кавказскихъ народовъ, мѣстными терминами зодчества, наслѣдіемъ арханчной яфетической культуры, и переводчики армянскіе и грузинскіе взяли ихъ изъ живой обиходной рѣчи?

II.

Лексикографъ Орбелианъ balavaḡ толкуетъ словами სპიობჭუჯღობს ქვის. ზოგჯერ — «камень основанія громаднѣй». Это толкованіе и повторяетъ Чубиновъ въ первомъ изданіи своего словаря. — «большіе камни для фундамента», во второмъ же изданіи, воспроизводя по-грузински то же толкованіе Сулхана Орбелиана, въ русскомъ текстѣ разъясняетъ реально словами «бутовая плита», очевидно, потому, что этотъ терминъ означаетъ, какъ то разъяснили мнѣ специалисты, лишь известняковый плитнякъ, въ Россіи на самомъ дѣлѣ идущій также на фундаментъ, но balavaḡ ни въ какомъ случаѣ не означаетъ ни бутовой плиты, ни иной породы камня. Это архитектурный терминъ, нынѣ у грузинъ, дѣйствительно, восприняемый въ общемъ значеніи *фундамента* или *основанія*. Потому то проф. А. А. Цагарели встрѣтившееся ему впервые въ житіи святогорца Евѳимія Грузина созвучное Balavaḡ («—Balahwaḡ ḡ Balawhaḡ»)¹, передачу арабскаго В-

¹ А. Хахановъ вноситъ поправку въ чтеніе имени, устанавливая Balhwaḡ [Balhwaḡ] вм. Balahwaḡ (Балхваръ) и Иудасафъ. Грузинскій текстъ по рукописямъ XI—XII вв. (съ приложеніемъ двухъ палеографическихъ таблицъ), Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ Инст. Вост. яз., вып. IX, Москва 1902, стр. IX). Однако, судя по приложеннымъ таблицамъ, нѣтъ основанія утверждать о принадлежности «рукописей» къ «XI—XII» вѣку, мотивировка же самого А. Хаханова въ пользу такой датировки тѣмъ, что приписки военнаго письма относятся моль «къ XI—XII в.», свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ автора съ тѣмъ, что военное письмо того же характера было въ ходу и въ XIII вѣкѣ, вѣроятно, и въ XIV-мъ (о такой же отчасти тенденціи къ архаизированію грузинскихъ приписокъ военнаго письма того же характера см. у меня въ работѣ Грузинскія приписки греческаго Евангелія изъ Коридіи, ИАН, 1911, стр. 214—217). Въ то же время не учтена возможность, что чтенія съ пропущеномъ гласныхъ часто результатъ опусканія титла; не учтено также то, что при передачѣ не только собственныхъ, но и нарицательныхъ именъ изъ языковъ культурно господствовавшихъ мусульманскихъ народовъ, арабскаго и персидскаго, грузинскія заимствованія проявляютъ полногласіе сравнительно съ подлинной огласовкой (см. Н. Марръ, Грузинскія

kaḥnaḡ (بل وهر), изъ заглавія «Мудрость Балавара»; особой версіи повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ, перевелъ черезъ «фундаментъ»¹. А. А. Цагарели предполагалъ, очевидно, что рѣчь идетъ о «*фундаментъ* вѣры». Тѣмъ болѣе имѣлъ основанія Е. С. Такайшвили въ народномъ четверостишіи о построеніи Зарэмской церкви² понять его діалектическую форму balaver, какъ фундаментъ. Это было въ 1905-мъ году, по позднѣе — въ переводѣ надписей Зарэмской въ 1909-мъ и особенно Гомаретской въ 1913-мъ году Е. С. Такайшвили переходить къ реальному опредѣленію значенія термина примѣнительно къ тексту: «ბალავარი [balavaḡ-1]», читаемъ у Е. С. Такайшвили въ разборѣ гомаретской надписи³; «обыкновенно означаетъ фундаментъ, но въ старину, видимо, означало еще тотъ громадный камень, который ставили надъ дверью церкви; т. е. наверхіе двери. Такое предположеніе высказалъ И. Джаваховъ въ своей лекціи о грузинскомъ искусствѣ, и смыслъ нашей надписи оправдываетъ это»⁴. Однако текстъ именно этой гомаретской надписи представляется спорнымъ, наименѣе подходящимъ въ смыслѣ окончательнаго установленія за balavaḡ опредѣленнаго значенія, или «фундамента» или, какъ выражается Е. С. Такайшвили, «наверхія». Гомаретская надпись (IV-я), что на стр. 83-й, можетъ и оправдать предлагаемое Е. С. Такайшвили толкованіе, по не въ предложенномъ имъ переводѣ. Текстъ по раскрытіи титла Е. С. Такайшвили читаетъ სხელოთა ღმრთისთა [დ]თა მას ეამსა ოდეს ძრეულმან და უძლეულმან გიორგი : იესუსთა მეფემან შეიპყრნა ზვიად მარტუმიანი, მამინ ესე ბალავარი იღუპელოთა ცოდვილისა მიქელ ხუცეს-გალატონისაჲთა.

Въ текстѣ имѣемъ такой явный вульгаризмъ, если вѣрно чтеніе, какъ ძრეულმან (подъ титломъ — ძრემან) вм. ძლეულმან, тѣмъ не менѣе стоящее поды титломъ ღთა слѣдуетъ читать не ღმრთისთა, какъ то у Е. С. Такай-

поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема, ИРАН, 1917, стр. 480). Совершенно упущено изъ виду, наконецъ, то, что при установленіи правильнаго грузинскаго чтенія въ отношеніи огласовки существенное значеніе имѣетъ живая традиція: имя Балаваръ съ полногласіемъ и по наше время сохранилось въ соответственной діалектической разновидности — Балаверъ (Н. Марръ, Мудрость Балавара, грузинская версія «душеполезной исторіи о Варлаамѣ и Иоасафѣ», стр. 2).

¹ А. А. Цагарели, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, № 6. 1886, стр. 54, см. В. Р. Розенъ въ рецензіи на изслѣдованіе Н. Zotenberg'a. Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph (ЗВО, II, 1887), № 6. 1883, стр. 172).

² См. ниже, стр. 295.

³ Археологическія экскурсіи, разысканія и замѣтки. Вып. IV (Отд. отт. изъ СМ., вып. XLIII), Тифлисъ 1913, стр. 84, прим.

⁴ Въ работѣ И. А. Джавахова о терминахъ искусствъ и т. д.; цитованной выше, терминъ balavaḡ отсутствуетъ.

швили, а ღმერთისადთა, разъ имѣемъ такое полное чтеніе окончанія той же формы въ გლავტონისადთა (подъ титуломъ გლტონისადთა)¹. Переводъ Е. С. Такайшвили гласитъ: «Во имя Бога въ то время, когда сильный и непобѣдимый Георгій, царь абхазовъ, взялъ въ плѣнь Звіада Марушіани, тогда онъ положилъ сіе наверхіе двери рукою ирѣшнаго священника-каменьщика Микеля»². Весь интересъ нашъ сейчасъ сосредоточивается на подчеркнутой нами фразѣ, гдѣ наличный въ подлинникѣ терминъ balavaq переводится словомъ «наверхіе», а не «фундаментъ». «Если бы въ данномъ случаѣ рѣчь шла о «фундаментѣ», дополнительно намѣчаетъ Е. С. Такайшвили³, «то мы бы имѣли фразу: მამონ მის ეკლესიის ბაღვარბი დვა—«тогда положилъ [онъ] фундаментъ сей церкви». Такой переводъ, независимо отъ перевода самого термина balavaq, совершенно искажаетъ смыслъ подлинника, вводя новое лицо въ качествѣ субъекта («онъ», т. е. царь абхазовъ Георгій), а именно: при томъ толкованіи, какое предлагаетъ Е. С. Такайшвили, нѣтъ возможности въ постройку церкви вмѣшивать царя Георгія въ качествѣ активнаго лица, имя царя съ упоминаніемъ историческаго событія служить лишь датой. Въ подлинникѣ наличнаго состоянія слѣдуетъ читать не ბაღვარბი დვა balavaq-i dva «онъ положилъ balavaq», а ბაღვარბი იდვა balavaq i-dva «въ балаваръ былъ положенъ (ესე есе «этотъ», подразумѣвается «храмъ»). Фраза съ цитованнымъ мѣстомъ полностью, при наличномъ чтеніи, въ переводѣ можетъ гласить или «тогда эта (церковь) была основана (заложена основаніемъ) Михаиломъ, священникомъ-каменьщикомъ», если balavaq понимать «обычно» какъ «фундаментъ»⁴, или «тогда это (мѣсто, гдѣ помѣщается надпись) было заключено balavaq'омъ рукою Михаяла, священника-каменьщика», если balavaq понимать въ смыслѣ верхней перекладки двери, какъ бы архитравной плиты, или, какъ выражается Е. С. Такайшвили, «наверхія». Если же отрицать существованія такого составнаго глагола въ томъ или иномъ смыслѣ («заложенъ основаніемъ», «заключенъ перекладной» и т. п.), и мѣстоименіе ესე относить къ наличному въ текстѣ слову balavaq какъ его опредѣленіе—«этотъ balavaq», то, въ такомъ случаѣ, чтеніе дефектно, а именно опущено окончаніе им. падежа въ словѣ balavaq, и прежде всего слѣдуетъ возстановить чтеніе balavaq-i dva;

¹ У насъ съ другой стороны подъ сомнѣніемъ сама основа, должна ли она быть раскрыта по древне-литературной книжной нормѣ ღმერთ- или по средневѣковой народной — ღმერთ- въ согласіи съ народной формой ბაღვარბი, да и, несомнѣнно, съ мѣстнымъ народнымъ терминомъ ბაღვარბი balavaq.

² И. с., стр. 83—84.

³ И. с., стр. 84, прим.

⁴ Ср. арм. հիւն արկան (вудл. հիւնարկան), հիւն կոտ.

въ данномъ мѣстѣ получится собственно не случайный пропускъ, а какъ будто грузинскій примѣръ одного эниграфическаго приѣма, отмѣченнаго мною въ армянскихъ надписяхъ, когда одна и та же буква используется двукратно, разъ въ качествѣ окончанія предыдущаго слова, другой разъ въ качествѣ начала послѣдующаго слова¹; въ нашемъ грузинскомъ чтеніи буква *l* — разъ въ качествѣ суффикса, характера им. падежа предшествующаго слова (*balavar-l*), другой разъ въ качествѣ префикса, характера породы глагола въ послѣдующемъ словѣ (*l-dva*). Словомъ, придется возстановить чтеніе *ქს ბალავარი იღვ esē balavar-l l-dva*, и тогда все мѣсто въ переводѣ будетъ гласить: «этотъ *balavar* былъ положенъ рукою Михаила, священника-каменьщика». Такое чтеніе можно поддержать и параллельнымъ мѣстомъ въ VIII-й гомаретской надписи²: *დადვს ბ ლარი ქს = დაიღვს ბალავარი ქს da-ldva balavar-l esē* «этотъ *balavar* былъ положенъ». И здѣсь, конечно, рѣчи не можетъ быть о «фундаментѣ»: надпись VIII-я гомаретская помѣщается направо отъ рѣзного креста на названной мною архитравной надпролетной плитѣ южной двери (Е. С. Такайшвили переводитъ своимъ терминомъ «навершіе»), какъ не можетъ быть рѣчи о фундаментѣ и въ кумурдойской надписи, гдѣ тотъ же терминъ Е. С. Такайшвили перевелъ *краеугольнымъ камнемъ*³. Что же въ концѣ концовъ реально значить грузинскій архитектурный терминъ *balavar*? «Фундаментъ», какъ «обычно» принято понимать (и это пониманіе косвенно поддерживаетъ такой знатокъ грузинскихъ реалій какъ лексикографъ Сулханъ Орбелианъ)⁴; «навершіе», собственно «архитравная плита», или «краеугольный камень»? Слово, по всей видимости, живое народное, какого бы оно ни было происхожденія, и въ качествѣ народного, притомъ мѣстнаго, месхійскаго, оно появляется и въ надписяхъ гомаретскихъ и кумурдойской. Надпись кумурдойская требуетъ пересмотра чтенія и перевода.

¹ Камень съ арм. надписью изъ Ани въ Азиатскомъ Музеѣ (ИАН, 1910), стр. 1151.

² Строки 2—3 на стр. 87 ц. с. Е. С. Такайшвили.

³ Такое специальное значеніе наддверной части выявляется для этого термина и въ надписи или Боци-джварской или Тбетской церкви въ Горийскомъ уѣздѣ, изданной Brosset (VI Carr., p. 57), на которую обратилъ мое вниманіе І. А. Орбели: здѣсь въ надписи, помѣщенной на южной двери, читается «этотъ *balavar* (*ქს ბალავარი*) положилъ я (*დადვს*), Гамрекель, сынъ Кавтара» (*ქს ბალავარი ქს დადვს . . . ქს ბალავარი დადვს*), а не «*Galal Kawthrosan*», какъ переводилъ Brosset; надпись эта, непонятая Brosset, требуетъ особаго разъясненія и въ другихъ частяхъ по особому ея значенію для грузинскихъ лѣтописей.

⁴ За то же значеніе стоитъ и М. Г. Джанашивили, однако въ такомъ текстѣ, гдѣ о фундаментѣ не можетъ быть рѣчи, именно въ разбираемой ниже Кумурдойской надписи (см. Царевичъ Вахуштъ. Географія Грузіи. Введеніе, переводъ и примѣчанія М. Г. Джанашивили, Тифлисъ 1904; стр. 169, прим.).

Кумурдойская надпись тѣмъ и цѣнна, что въ ней обстоятельно изложено дѣло строительства, упоминаніемъ двухъ моментовъ — закладки основанія и выведенія затѣмъ одной подробности, именно balavaq, исключается возможность толкованія термина въ смыслѣ фундамента. Къ сожалѣнію, самъ текстъ оказался не точно воспроизведеннымъ не только у Brosset¹, но и у И. П. Ростомова², и у Е. С. Такайшвили³, какъ то оказалось при лично произведенномъ мною на мѣстѣ лѣтомъ 1917 г. слѣченіи изданій съ подлинникомъ. У Е. С. Такайшвили вмѣсто классическаго β вульгарное начертаніе β въ $\beta\beta\alpha\alpha\alpha$, подъ титломъ $\beta\alpha\alpha\alpha$ (также у Brosset съ опечаткой β вм. α). За одно съ Brosset и И. П. Ростомовъ, и Е. С. Такайшвили не обратили вниманія на то, что во всѣхъ случаяхъ сокращенія подъ титломъ титла опущены, и къ такимъ случаямъ надо отнести и имя $\beta\alpha\alpha\alpha\alpha$, стоящее въ Р. падежѣ съ Д. отношенія; слѣдовательно, его полное чтеніе, безъ сокращенія подъ титломъ: $\beta\alpha\alpha\alpha\alpha\alpha\alpha$ *Zviada*; имя эристава, слѣдовательно — Звιάдь, а не Звіа, какъ то вычитывали и Brosset и И. П. Ростомовъ и Е. С. Такайшвили⁴. Но главнымъ камнемъ преткновенія явилось прочтеніе, а въ связи съ нимъ и переводъ фразы со словомъ balavaq въ составѣ, собственно прочтеніе и переводъ сокращенія подъ опущеннымъ титломъ $\beta\beta$, чтó И. П. Ростомовъ читаетъ $\beta\beta$ *тамъ* (переводитъ же совершенно произвольно «здѣсь»), а Е. С. Такайшвили, судя по его переводу «тотъ», подобно Brosset — $\beta\beta$, каковая форма исключается при аор. страд. залога $\beta\alpha\alpha\alpha\alpha$; если же признать глаголь аористомъ дѣйст. залога II-й породы, формально можно это оправдать, по существу получимъ то расхожденіе съ контекстомъ и ту неловкость изложенія, которые чувствуются особенно въ грузинскомъ подлинникѣ при принятій перевода Е. С. Такайшвили⁵.

¹ II Rapport, стр. 167.

² Ахалкалакскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи (СМ, XXV, 1898), стр. 84.

³ Матеріалы по археологій Кавказа. Вып. XII, Москва 1909, стр. 37.

⁴ Такайшвили довольствуется разъясненіемъ, что Звіа и Звιάдь одно и то же лицо (также и Д. Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 35), но этого мало. Если бы въ надписи мы имѣли названную форму отъ предполагаемаго $\beta\alpha\alpha\alpha$, то и тогда она должна бы звучать полнѣе, именно $\beta\alpha\alpha\alpha\alpha\alpha$. Р. вычитываетъ совершенно невозможную « $\beta\alpha\alpha\alpha\alpha$ ». Имя это есть грузинизованное въ мѣстной диалектической средѣ арабское *Ziād*, съ такимъ же перерожденіемъ и въ $\alpha\alpha$, какое наблюдаемъ въ гур. *ташви* *тогда* сравнительно съ литературнымъ *ташп*. Въ ново-грузинскомъ и нарицательное имя арабское $\alpha\alpha$, собственно персидская форма араб. $\alpha\alpha$ *увеличеніе*, *измѣненіе* используется въ тождественной формѣ *zviad* какъ основа для образованія глагола *ga-zviad-eb-a* *преувеличивать*, *утверждать*.

⁵ Или Brosset, который еще сильнѣе ударяетъ на это новѣрною вычитываемое мѣстоименіе (и. с., стр. 168): «c'est lui qui a posé cette grande pierre».

Фактъ тотъ, что შბ есть сокращеніе შბობ, и вся фраза должна быть прочтена и переведена такъ: ესე ბაღავანი მშობ დიდეს «этотъ balavaq тогда былъ положенъ»¹; то, что предшествуетъ въ надписи, изложеніе обстоятельство основанія церкви, служить лишь хронологическимъ опредѣленіемъ момента — «съ Божьею помощью епископъ Іоаннъ положилъ основаніе этой церкви рукою грѣшнаго Скѡпра при царѣ Леонѣ, да возведи-читъ его Богъ; въ хрониконъ 174 [+ 780 = 954 по Р. Х.] въ мѣсяць майскій въ день субботній 1-й луны въ эриставство Звіада. Этотъ balavaq тогда былъ положенъ. Христе, помози рабу Твоему. Аминь».

Balavaq, очевидно, не особая порода камня (Ч₂: «бутовая плита») и не просто «большой камень» (Вр.: «cette grande pierre»), а весьма существенная часть зданія, если его закладка упоминается наравнѣ съ закладкой фундамента. Это если не завершеніе дѣла, то завершеніе какого либо важнаго момента въ процессѣ строительства церкви, имѣющее значеніе для всего зданія. Такимъ моментомъ можетъ считаться, какъ мнѣ любезно подсказываетъ К. К. Романовъ, «заканчиваніе двери» церковной. По мѣсту нахождения надписи на плитѣ, архитравно утвержденной надъ двернымъ пролетомъ, въ словахъ «этотъ balavaq» мы имѣемъ безспорно указаніе именно на надверную часть. И все-таки вопросъ, что реально значить вообще и въ частности въ данной надписи самъ терминъ balavaq. Такъ какъ это слово безспорно народнаго обихода, мы должны исходить при его толкованія прежде всего изъ народныхъ матеріаловъ занимающей насъ месхійской области или сродной этнографической среды. Въ нашемъ распоряженіи прежде всего гурійское четверостишіе о построеніи Зарэмской церкви —

სამმა ძემა ბაღავანს
 ზარემის დიდეს ბაღავანი:
 ვინც თარმეტი ჩამოიღებს,
 იგი არის ფაღავანი.

Е. С. Такайшвили ფაღავანი falavand-ი снабдилъ вопросительнымъ знакомъ. Это, дѣйствительно, не литературная форма². Прежде всего огласовка, какъ и въ рпюмующемъ съ нимъ ~~ბაღავანი~~ balavaq-и, проявляетъ вліяніе имеро-гурійской діалектической перегласовки, притомъ въ данныхъ

¹ Ср. въ гомаретской надписи (Е. Такайшвили, Археол. экск., разыск. и зам. Вып. IV, стр. 88, ср. выше, стр. 292) — მშობ ესე ბაღავანი «этотъ тогда былъ заложенъ этотъ тимпанъ».

² Слово въ литературѣ у грузинъ появляется лишь свѣтской, по ея возникновеніи, слѣдовательно, съ поздняго средневѣковья, и оно и въ письменности звучитъ безъ h: falavaq || falavan.

словахъ перегласовка можетъ быть основана на языковой психологiи одного изъ трехъ этническихъ слоевъ, отложившихся въ имерахъ, какъ и въ гурiйцахъ, поскольку они по языку огрузинившіеся народы шипящей группы — нынѣ лазы-чаны и мегрелы (по-свански — *zap-āg*, т. е. *заны*), которые въ свою очередь по языку являются претворенными или перерожденными въ народности шипящей группы племенами спирантной вѣтви, именно племенами прослѣживаемой нынѣ въ сванахъ группы спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ. Слѣдовательно, въ нашихъ словахъ мы имѣемъ или пережитокъ сванской огласовки «е» при грузинскомъ «а» и при мегрело-чанскомъ «о», какъ полагалось бы, если бы располагали и третьею соотвѣтственной разновидностью, или пережитокъ второй эпохи, именно мегрело-лазскую огласовку «е» при грузинскомъ «а», или, наконецъ, по третьему закону звуковыхъ корреспонденцій — соотвѣтствіе «е» свистящей группы гласному «а» шипящей группы, и въ такомъ случаѣ это будетъ возобладаніемъ народно-основныхъ фонетическихъ нормъ этнологически позднѣйшей въ краѣ грузинской рѣчи. Послѣ того, какъ у насъ выяснилась въ яфетическихъ языкахъ возможность фонетической діалектизаціи заимствованныхъ словъ, существа нашего подхода не касается то, что обсуждаемыя слова могутъ быть и заимствованными словами; они, къ тому же, заимствованы, а *falavend* безспорно заимствовано изъ опредѣленнаго источника: это — перс. *فهلوان* *fehlevān* въ грузинской народной передачѣ — *falavand*, съ утратой спиранта *h*, но съ усиленіемъ *n* въ *nd*¹, и мегрело-чанскимъ, и сванскимъ, какъ то наблюдаемъ въ нашей разновидности и по огласовкѣ — *falavend*. Въ сванскомъ такое же осложненіе звукомъ *d* наблюдаемъ и съ плавнымъ *g* именно въ интересующемъ насъ терминѣ — *balverd* при той же переогласовкѣ «а» въ «е» въ данномъ случаѣ, понятно, по сванской нормѣ². И огласовка «е» въ обобщъ примѣрахъ восходить, по всей видимости, къ сванской звуковой природѣ, слѣдовательно, при сванскомъ *balverd* и г. *balavar* (и сванизованномъ въ отношеніи огласовки діалектическомъ грузинскомъ, именно гурiйскомъ *balaver*) мы ожидали бы мегрело-лазскую разновидность *balawog*, что дѣйствительно имѣется

¹ Армянское фамильное названіе *Փահլավանի* (< *Փահլավ-անի*), образованное отъ одной основы съ *falhavān*, у грузинъ появляется съ тѣмъ діалектическимъ осложненіемъ *n* < *nd* въ видѣ *Փահլավանდი*, что налицо въ грузинскомъ уже древне-литературномъ текстѣ — житіи Серапіона, строителя все той же Зарзмы, причѣмъ въ древней письменности спирантъ *h*, естественно, сохраняется.

² Такая же утрата внутренняго «а» изъ *falavan* (< *falhavan*) должна была бы дать *falvan*, resp. *palvan* или *balvan*.

на лицо, по не у мегреловъ или лазовъ, а у древнихъ армянъ. Въ то же время у армянъ же, уже современныхъ, діалектически прослѣживается, судя по словарю Саѣака Аматауни въ айратскомъ нарѣчїи — *balavaḡ* || *balawaḡ* и въ мушскомъ — *balawoḡ* [*balawaḡ?*]¹. Къ сожалѣнію, толкованіе С. Аматауни «последній рядъ [кладки] верха стѣны, по-русски *карнизъ*» возбуждаетъ сомнѣніе исползованіемъ термина «карнизъ». Цитаты имъ приведены не изъ текстовъ на мушскомъ и айратскомъ нарѣчїяхъ, а изъ литературно изложенной собственной статьи². Что касается др.-литературнаго *balawoḡ*, наличнаго въ Исх. 12,7, 22, 23, то преждевременно снѣщить съ его этимологіею по обыкновенію лишь по созвучію, какъ это дѣлаетъ Нübсhmann³, когда не установлено реальное значеніе термина⁴. Литературные памятники, въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, не достаточно надежны въ области реалїи. Установленіе значенія по иноязычнымъ параллельнымъ чтеніямъ Библии чрезвычайно опасно, поскольку ея армянскій текстъ именно въ частяхъ съ терминами матеріальной культуры представляетъ мозаику, сложенную изъ элементовъ различнаго происхожденія, различной переводческой школы и по различнымъ иноязычнымъ подлинникамъ. Судя по Исх. 12,7, 22, 23, гдѣ наличныя грузинскія версіи (М, О) даютъ въ своихъ чтеніяхъ одинаково зг̄т̄иb̄l *poroḡ*, а не *balavaḡ*, и. *baḡawoḡ* есть передача Գրքան, т. е. означаетъ «перекладину двери», «верхній порогъ». У свановъ *balweḡd* означаетъ и «порогъ» и «притолоку». Вообще въ сванскомъ языкѣ «порогъ», «притолока», «косякъ» выражается еще другимъ однимъ и тѣмъ же словомъ, именно *lakōga* на халдскомъ и мулахскомъ говорахъ сванскаго языка «притолока», «порогъ», на лѣшскомъ — «косякъ». Слово, по всей видимости имѣетъ первоначальное реальное значеніе «завязки», «сведенія двухъ концовъ», «перекладины». Отсюда съ одной стороны, если вѣрно толкованіе С. Аматауни⁵ и усвоенное имъ въ армянскихъ діалектахъ ар. *balavaḡ*, мш. *balawoḡ* значеніе *карниза*, какъ

¹ Հայոց ըստ ու բան, 1912, s. v.

² Հայոց երկր Յղօթից պահեր եւ, Араратъ 1902, стр. [794,31] 795,4 и 16. Что слово налично въ живой араратской рѣчи, это независимо подтверждаетъ и вардан. Сїонъ Тэръ-Манвелянъ въ спискѣ араратскихъ словъ безъ перевода (Սրարատեան բարբառի ժողովրդական բաների ցանկ բանաբանից, Вагаршаватъ 1911, стр. 5.

³ AG, I, стр. 119,106.

⁴ Особенно слѣдовало бы быть осторожнымъ и индоевропеистамъ съ архитектурными терминами армянъ, хотя бы наличными и въ персидскомъ.

⁵ См. выше, стр. 297; по записи, сдѣланной мною въ 1916 г., къ сожалѣнію, безъ указанія, въ какой мѣстности и съ чїихъ словъ, բալավար *balavaḡ* въ живой армянской рѣчи означать «уголъ кладки, вообще ту часть постройки, гдѣ кладка одной стѣны сходится съ кладкой другой стѣны».

обрамляющей или выступающей отдѣлки, тѣмъ болѣе, что въ народной армянской рѣчи русское слово «капіз» используется для обозначенія всякаго рельефа, какъ то лично приходилось слышать въ армянской средѣ рабочихъ крестьянъ. Съ другой стороны, въ связи съ первоначальнымъ значеніемъ *завязки* въ грузинскомъ языкѣ могло возникнуть пониманіе *balavaḡ* и какъ *основанія*, *фундамента*, такъ какъ понятія «начало», «основаніе» въ семасіологін яфетическихъ языковъ, въ частности грузинскаго выражается корнемъ, означающимъ «завязывать»¹. Однако специально въ гурійскомъ говорѣ *balavaḡ* могло получить значеніе «фундамента» въ иномъ пути семасическаго развитія слова благодаря особымъ условіямъ реалій деревяннаго зодчества гурійцевъ. Фундаментомъ гурійскаго дома *oda*² служатъ бревна, толстые длинные брусья, пролагаемые по деревяннымъ столбикамъ или устоямъ, вбитымъ въ землю, т. е. это на дѣлѣ перекладины, возложенныя на столбы. *Balavaḡ* въ каменномъ зодствѣ, по всей видности, означаетъ и большія плиты, покрывающіе архитектурно пролеты дверей, тоже своего рода *перекладины* и *завязки*. Въ рѣчи о Зарзской церкви, построенной изъ камня, подразумевается такая пменно плита, камень-перекладина или архитектурная плита, и въ гурійскомъ народномъ четверостишіи, приведенномъ выше, соотвѣтственно о *balavaḡ* говорится, какъ о громадномъ предметѣ и въ то же время предметѣ, который можно взять *сверху* и поставить или положить *снизу* (*ḡa-mo-ḡeḡ-s*). Очевидно, здѣсь рѣчи не можетъ быть не только о фундаментѣ, но и о притолокѣ или косякѣ или порогѣ.

И всетаки вопросъ объ архитектурномъ терминѣ *balavaḡ* вообще не разъясненъ. Окончательное его рѣшеніе мыслимо лишь тогда, когда, прежде всего, исчерпывающе будетъ зарегистрованъ весь этнографическій матеріалъ по этому *balavaḡ* и сроднымъ не только по созвучію, но и по реальному значенію словамъ и явленіямъ. Не исчерпанъ въ этой части, по всей вѣроятности, и литературный матеріалъ. И въ то же время необходимо углубить разысканія по архитектурнымъ терминамъ народовъ Кавказа.

Н. Марръ.

¹ См. Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи, X (ИРАИ, 1918), стр. 329, 336.

² Въ гурійской рѣчи *oda* отличается отъ общаго понятія *saḡi dom* также какъ отъ спеціальнаго фаджа *цоба-плетенка*, кромѣ того, гур. *oda* реально не имѣетъ ничего общаго съ арм. тур. *oda*.

Селеніе Гуле-каръ расположено на лѣвомъ берегу Ріона, въ Сенакскомъ уѣздѣ Кутапсской губерніи, у самой границы Озургетскаго уѣзда, и входитъ въ Абашское приставство. Церковь этого селенія — въ честь св. Георгія, повидимому, не особенно старая, но построена изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ древней церкви, съ обширнымъ дворомъ и вѣковыми липовыми и чинаровыми деревьями. Она безъ купола, покрыта дранью, въ планѣ четырехугольна, съ полукруглымъ алтарнымъ выступомъ съ востока. Длина церкви 22 аршина 2 вершка, ширина 16 аршинъ 2 вершка. Двери имѣются со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной. Окна восемь, по три съ востока и запада, по одному съ сѣвера и юга. Окна узкія, небольшія. Общій видъ церкви воспроизводится нами на табл. II.

1. Серебряный образъ-складень св. Георгія, въ $19,5 \times 15$ сантиметра, весьма грубой работы. Украшенъ драгоценными камнями. На створкахъ съ наружной стороны въ медальонахъ представлены попарно святые: Маркъ и Θεодоръ съ надписями заглавнымъ церковнымъ письмомъ: **ⲚⲔ ⲚⲞⲨⲚⲚ** — «святой Маркъ», **ⲚⲔ ⲒⲞ** — «святой Θεодоръ» (табл. III). На среднемъ таблѣ внутри представленъ святой Георгій, стоя, съ копьемъ въ рукѣ, крайне уродливаго рисунка; техническое исполненіе плохое (табл. IV).

Надпись имени некрасивыми буквами заглавнаго церковнаго письма: **ⲚⲔ ⲒⲞ** — «св. Георгій». Ниже: **ⲒⲞⲨⲚⲚⲚ** (вѣроятно **ⲒⲞⲨⲚⲚⲚⲚ** = **ⲒⲞⲨⲚⲚⲚⲚⲚ**). На оборотѣ образа на серебряномъ листѣ надпись заглавными буквами церковнаго письма, но очень некрасивыми и еле разбираемыми. Буква **Ⲓ** всегда писана наоборотъ, нѣкоторыя строки еле замѣтны (табл. V). Нечего и говорить, что чтеніе нѣкоторыхъ словъ этой надписи гадательное, что и отмѣчено вопросительнымъ знакомъ. Надпись я читаю такъ:

- 4 ՅԻ ԿԻՕ ԿԻԾԺՕ Բ
 ԲԾՕ ՂԿՂԿ: ՂԿԿ: Ղ
 3 ՕՆԻԻՆՆՕ ԿԴՕԷ Ծ ԿՓԻԻԻ
 ԴԳԿԴԲ: ԿՕԲԸՆԸ ՅԲՆ
 ԿՆԿԺԹ ՕԷՕԸԴԲՆ՝ Ի
 6 ՅԻԺՆՆԻԺՆ: ԾՆ ԹԲ ԿԴԸ
 ԷԾԺՆ: ԿԻՆԸ ԾՆԾԿՆԻՆ ՇՆՕ՝ՆՆ
 ԿՆԺԻԷՆ ԾՆ ԿԴԹՆ ԿԻՆԹՆ ԻՆԺ(Ն)
 9 ԷԷՆԺՆ: ԻՕԿԿՆ ՂԿՂՆ Օ
 ԿԺՕԿՏԴԾԴԻՆՆ...

«Մյն մենյու¹ մեյլաճո Վմինճաճ շուրճու, շուրճու շուլլլլլլլլլլլ. ՄյուՆ ճա մոյաճուլլլլլլ լլլլլլ մոնճաճ Մյնճ մնճնդոտ ղնյլլլլլ(Ն) ճ(ճ)մորնճաճաճն (?) ճա տանճ մյլլլլլլլլլլ մոնճ ճաճոննճ ճնյլլլ մաճյլլլ ճա լլլլա: մոնճա. ճոնն(Ն), ՆԿճոնն(?), ճոմմլ, շուրճու, լլլլլլլլլլլլլլլլ... Далѣе одно слово совсѣмъ стерто.

«О ты, мужественный святой Георгій — Георгій Гумевлискій, будь учительемъ и защитникомъ рабу твоему мсахурт-ухуцесу Лаширсалару (?) и супругѣ его, дочери Дадіана, Марехѣ, и сыновьямъ его: Липару, Хаттару (?), Ломму, Георгію (и) золотыхъ дѣлъ мастеру»... (здѣсь одно слово совсѣмъ стерто).

Лица, упомянутыя въ этой надписи, изъ другихъ источниковъ неизвѣстны.

2. Храмовая икона св. Георгія описываемой церкви, считающаяся чудотворною (табл. VI), чеканная, серебряная позолоченная, имѣетъ въ вышпну 95, въ ширину 68 сантиметровъ. Ее недавно возобновили и тѣмъ изрядно испортили; кайма совершенно новая; на задней части лошади видна грубая нашивка, то же самое въ передней части; нетронутыми остаются голова и корпусъ св. Георгія, голова и средняя часть коня; драконъ подъ ногами лошади подправленъ. Нимбъ св. Георгія украшенъ драгоценными камнями. Поле иконы украшено разводами. Надпись имени святого красивыми буквами церковнаго заглавнаго письма: ԲՅ ՂԿԻ — «св. Георгій».

Другая надпись, налѣво отъ корпуса святого, не такъ красива, немного попорчена и съ трудомъ поддается разбору² (табл. VII).

¹ Раньше я читалъ ՄյուՆ, но даю предпочтеніе ՄյուՆ.

² [И въ этой, и въ слѣдующей надписи начертаніе креста, въ данномъ случаѣ и не похожаго на букву, воспринимается какъ Վ լ, т. е. начальная буква имени Христа (Վրահիստիս խրիստիս)]. Едва ли это правильно. Во всякомъ случаѣ мы хотѣли бы обратить вниманіе на необходимость безспорнаго установленія этой палеографической детали. Red:].

4: ԲԻՆԻՍԻ
 ԴՆՈՒԴՆ: ԴՈ
 ՆԿԻՆԻՆԵՈ: ՅԴ
 8 ՆԻՄԻԿ ԿՕԿԿԵ
 ԹԷ: ԸՈՏԻՆԹ
 ՕՓԺՕՆ ԸՈՏ
 6 ԻՆԻՆ: ԴՆ: ԴԿԺԷ
 ՆԻՅԿ: ՓԿԺԿԿ: ԿԿ
 Ե: ԾԿԿԿԵՆ: Օ
 9 ԿԺՕ ԿՏԾԻՆ
 ԿԿԿԿ ԷԿԿԿ: ՅԿ
 ԿԷՈՒԿԿ: ԿԷ
 12 ԴԿԿ ԴԷԿԿԿԿ
 ԾԷ ԹՕՓԷԿԿԷ
 ՆԿԿԿԿ.

Կ. Մինճա
 Գուրգու Գյ-
 Լեզլուսա, Մյ-
 ԻՄյալը Կոպլը-
 տա Ըոճըլտ
 Կոթոս Ըոճ-
 ցուլու Գոգըր-
 սույ 1 Կըրուկ, Մոյ-
 ցուս Ըլընոն. Կյ-
 Ըոմքըլը(ն)
 Կյցնըն ձմեսն, Մյ-
 Իսըրն Ն-
 Գմ Գձմընո
 Ըձ տոթընո
 Նըքըլ.

«Святой Георгій Гулевлисскій, помплуї изъ всёхъ грѣшниковъ на-
грѣшнѣйшаго Гигерасима² Перидзе, мовскаго деканоза. Золотыхъ дѣлъ
мастерами (и) украсителями сего были: Нагець Гамхарія и Топанія Зебеде»³.

Групу օյցն ձմնո я читаю какъ օյցնըն ձմեսն. Въ словѣ Մյմ-ըրնн пятая
буква съ конца не ясна въ надписи. Если даже правильно я читаю Մյմ-ըրնн,

¹ Въ своей статьѣ на грузинскомъ языкѣ я ошибочно напечаталъ такъ: Կոթոսալը.

² [Намъ бы казалось лучше держаться дѣленія имени въ самомъ подлинникѣ (по фо-
тографіи): Գ. Գլընոյ «Георгіа Герасимѣа». *Ред.*]

³ [Имя Зебедея (Zebede) въ мегрельской бытовой средѣ намъ представляется сомни-
тельнымъ по существу, не говоря о томъ, что въ соответственномъ словѣ мы вычитываемъ
лишь Կոթըլ. Чтеніе Е. С. Такайшвили не считается, какъ будто съ тѣмъ, что въ этой ини-
циальной надписи, какъ видно по фотографіи, буква Օ (а, русск. о) пишется Օ, что обыкно-
венно есть начертаніе для звука «у» (յ). Слѣдовательно, Մյմ-ըրնн можно прочесть какъ два
слова Մյմ Ըմն; правда, при такомъ чтеніи (даже понявъ Ըմն два или двое какъ предикать
къ мастерамъ: «золотыхъ дѣлъ мастерами (букв. золотокователями) были двое» (Ըմն), какъ на
самомъ дѣлѣ и есть, остается странное слово Մյմ, но въдѣ и Մյմ-ըրնн, какъ читаетъ Такай-
швили, не менѣе странное слово; еще болѣе затрудняемся принять чтеніе его въ видѣ Մյմ-
ըրնըլ, терминъ самъ по себѣ сомнительный въ нашемъ текстѣ, ибо онъ значитъ собственно
«бальзамирующіе». Между тѣмъ, по фотографіи первая часть какъ будто читается ՄԷ, что
можетъ быть сокращеніемъ ՄԷԿԿԿ՝ *дворовый слуга*; послѣдняя фраза съ такимъ чтеніемъ гла-
сила бы: «златокователями были сего (образа св. Георгія) *дворовые люди двое* — Нагець Гам-
харія и Топанія Ахвледн». Такія народно редактированныя мѣстныя надписи иноязычной
области, какъ настоящая, представляющія рядомъ съ культурно-историческимъ большое
этноческо-культурное значеніе, лучше въ сомнительныхъ частяхъ оставлять безъ перевода,
пока болъшая этвографическая освѣдомленность по краю не дастъ ключа къ разрѣшенію на-
шихъ недоумѣній, такъ еще въ отношеніи, вапр., имени Nagei. *Ред.*]

оно должно равняться ჭკმუჭკუბნი — украсители. Группа ჯამკობა может означать и ჯამკობა.

Въ старинныхъ своихъ частяхъ образъ лучшей поры грузинскаго искусства, не позднѣе XIV вѣка.

Мы не знаемъ, когда жилъ моквскій деканозъ Гигерасимъ Перидзе, намъ неизвѣстный изъ другихъ источниковъ. Имена и фамилии золотыхъ дѣлъ мастеровъ — мпнгрельскія.

3. Образъ-складень св. Георгія и Дмитрія серебряный, позолоченный, въ 30,5 × 26 сант., грубой работы, украшенъ драгоценными камнями. На створкахъ лицевой стороны (табл. VIII) св. Георгій и св. Дмитрій стоя, одинъ съ мечомъ, другой съ копьемъ. Внутри на среднемъ тяблѣ (табл. IX) представленъ св. Георгій верхомъ на конѣ, подъ ногами котораго поверженъ *человѣкъ* въ воинскихъ доспѣхахъ. На новой работы обрамленіи разводы и четыре святыхъ воина. На створкахъ съ внутренней стороны опять св. Георгій и св. Дмитрій. Весь образъ крайне грубой работы неумѣло обновленъ, что особенно замѣтно на среднемъ тяблѣ внутри складня. Образъ, повидному, начала XIX вѣка.

4. Въ Гулекарской церкви хранится сабля, порядкомъ покрытая ржавчиною, безъ ноженъ, но съ красивою рукояткою. Она извѣстна подъ названіемъ сабли Мурвана Глухого. Рассказываютъ, что когда этотъ арабскій полководецъ завоевалъ Грузію, онъ прибылъ и въ Гулекаръ и вошелъ въ церковь, чтобы посмотрѣть на чудотворный образъ святого Георгія. Не вѣря въ чудо, онъ сталъ пасмѣхаться надъ образомъ; тогда настала тьма, двери церкви закрылись, и никакими усиліями предводитель арабовъ не могъ выбраться изъ нея. Испуганный этимъ обстоятельствомъ, Мурванъ смирился, призналъ икону чудотворною и обѣщалъ оставить въ церкви свою саблю, которою дорожилъ больше всего на свѣтѣ, если святой Георгій его выпуститъ изъ церкви. Мракъ смѣнился свѣтомъ, двери растворились, и Мурванъ былъ освобожденъ. Сабля осталась у святого Георгія, получившаго названіе Гулевел-и (გულეველი), т. е. გულევი გილვანი-1, что значитъ «храбрый», «съ несокрушимымъ сердцемъ».

Сабля имѣетъ въ длину 115 сантим.; рукоятка ея изъ слоновой кости съ двумя желѣзными полосками, украшенными золотой насѣчкой. Желѣзные выступы у основанія рукоятки кончаются змѣевидными головками. На одной желѣзной полоскѣ — изображеніе солища золотомъ.

Указанная сабля не можетъ быть отнесена къ эпохѣ арабскаго завоеванія Грузіи; она скорѣе всего персидская или сельджукская.

Христосъ-плотникъ

Когда Христосъ, по завершениі служенія своего въ Галилеѣ, припелъ въ свой родной городъ Назаретъ и выступилъ тамъ въ синагогѣ съ проповѣдью, многіе изъ присутствовавшихъ иудеевъ въ изумленіи задавали вопросы: откуда эта премудрость? какъ можетъ онъ творить такіе чудеса? «Не плотникъ ли онъ, сынъ Маріи, братъ Іакова, Іосіа, Іуды и Симона? Не здѣсь ли, между нами, его сестры? И соблазнялся о немъ». Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τέκτων, ὁ υἱὸς τῆς Μαρίας καὶ ἀδελφὸς Ἰακώβου καὶ Ἰωσήτου καὶ Ἰούδα καὶ Σίμωνος; καὶ οὐκ εἰσὶν αἱ ἀδελφαὶ αὐτοῦ ὡδε πρὸς ἡμᾶς; καὶ ἐσκανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ. — Мк. 6, 3.

Въ соотвѣтствующемъ разсказѣ у Мѳ. 13, 54-57 не говорится, что самъ Христосъ былъ плотникомъ, но только, что отецъ его, Іосифъ, былъ плотникомъ¹. «Не плотниковъ ли онъ сынъ? Не его ли мать называется Марія, и братья его Іаковъ и Іосифъ и Симонъ и Іуда? И сестры его не всѣ ли между нами? Откуда же у него все это? И соблазнялся о немъ». Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱός; οὐχ ἡ μήτηρ αὐτοῦ λέγεται Μαριάμ καὶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ Ἰάκωβος καὶ Ἰωσήφ καὶ Σίμων καὶ Ἰούδας, καὶ αἱ ἀδελφαὶ αὐτοῦ οὐχὶ πᾶσαι πρὸς ἡμᾶς εἰσιν; πόθεν οὖν τούτω ταῦτα πάντα; καὶ ἐσκανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ².

¹ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ начало приведенной цитаты изъ Мк. читается такъ: οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱὸς καὶ τέκτων и пр. Это чтеніе, отнесенное Westcott-Hort'омъ къ числу тѣхъ, которые они назвали «западными» (Western), отвергается при установленіи текста второго евангелія.

² Кто кого «перерабатываетъ»? Маттеей Марка, или Маркъ Маттея? По Holtzmann'у, Hand-Commentar zum Neuen Testament, Tübingen u. Lpzg. 1901, I 1, 136, Маттеей — Марка, по Usener'у, Geburt und Kindheit Christi. Vorträge u. Aufsätze, Lpzg. u. Berl. 1907, 171, Маркъ—Маттея. Если во что бы то ни стало стремиться искать «переработку», то хронологическій приоритетъ Марка говорилъ бы противъ Узенера. Но вопросъ о взаимоотношеніяхъ синоптиковъ на основаніи однихъ формальныхъ соображеній и доводовъ врядъ ли можетъ и долженъ быть рѣшаемъ и, во всякомъ случаѣ, не долженъ быть рѣшаемъ для всѣхъ случаевъ совпаденія и различія въ передачѣ преданія, которымъ пользовались синоптики, одинаково. По отношенію къ занимающимъ насъ мѣстамъ второго и перваго евангелій можно представить и такое объясненіе: Маркъ не называетъ Христа сыномъ плотника Іосифа (а, можетъ быть, и называетъ, если слѣдовать «западному» чтенію) потому, что у него вообще объ отцѣ Христа нѣтъ рѣчи (Swete, Marcus, Lpzg. 1898, — цитирую по Holtz-

Въ евангеліи отъ Луки (4, 22) іудеи ограничиваются вопросомъ: «Не Иосифовъ ли это сыпь?» Οὐχὶ υἱὸς ἐστὶν Ἰωσήφ οὗτος; О занятіяхъ плотничес-ствомъ ни самого Христа, ни отца его рѣчи нѣтъ¹.

Въ евангеліи отъ Іоанна (I, 45) сомнѣніе въ томъ, что Христосъ — обѣщанный Мессія, вложено въ уста Наѳанаила изъ Виясаиды; братъ его, Филиппъ, говоритъ ему: «Мы нашли того, о комъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Иисуса, сына Иосифова, изъ Назарета». «Ὁν ἔγραψεν Μωϋσῆς ἐν τῷ νόμῳ καὶ οἱ προφῆται εὐρήξαμεν, Ἰησοῦν υἱὸν τοῦ Ἰωσήφ τὸν ἀπὸ Ναζαρέτ. У Іоанна центръ тяжести лежитъ въ томъ, что Христосъ происходитъ изъ Назарета, ибо Наѳанаилъ отвѣчаетъ Филиппу словами: Изъ Назарета можетъ ли что добро быти.

Да и вообще, если принять въ соображеніе специфическія особенности четвертаго евангелія, умолчаніе о социальномъ положеніи Христа могло бы, если бы это понадобилось, найти себѣ надлежащее объясненіе. Но чѣмъ объяснить то, что третій изъ синоптиковъ, любящій обо всемъ повѣствовать подробно и обстоятельно, не говоритъ о плотническихъ занятіяхъ ни Христа, ни его отца? На этотъ вопросъ попытаемся дать отвѣтъ ниже, а теперь займемся скучною, но необходимою филологическою работою: въ какомъ значеніи у Марка и Матѳея надо понимать слово τέκτων? Должно ли переводить его обязательно словомъ «плотникъ», какъ оно переводилось и переводится на всѣ европейскіе живые языки? ².

Тέκτων — исконное греческое слово³. Основное его значеніе соотвѣтствуетъ нашему «мастеръ», безотносительно къ тому матеріалу, въ кото-

тапп'у — мудрствуетъ лукаво, думая, что у Марка называется одна только мать Иисуса потому, что Иисусъ сталъ плотникомъ вмѣсто умершаго уже Иосифа), Матѳеи же называетъ Христа сыномъ плотника Иосифа именно потому, что у него, какъ извѣстно, въ начальныхъ главахъ повѣствуется объ обстоятельствахъ рожденія и дѣтства Христа. Источникъ недоразумѣній въ вопросахъ іудеевъ, какъ для Марка, такъ и для Матѳея, былъ, вѣроятно, одинъ и тотъ же: приводимое, съ незначительными отклоненіями, изреченіе Христа: οὐκ ἐστὶν προφήτης ἔτιμος и пр.

¹ Источникомъ и для Луки послужило, конечно, передаваемое имъ ниже (4, 24) изреченіе Иисуса: οὐδὲν προφήτης δεκτός ἐστιν ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ. Комментаторы (см. Holtzmann) усматриваютъ въ вопросѣ іудеевъ «не Иосифовъ ли это сынъ» пренебрежительное обозначеніе низкаго сословія вообще и ссылаются на I Царствъ 10, 11 («что это стало съ сыномъ Кисовымъ? Неужели и Саулъ во пророкахъ?»). 20, 30 («развѣ я [Саулъ] не знаю, что ты [Іоананъ] подружился съ сыномъ Иессеевымъ на срамъ себѣ и на срамъ матери твоей?»). И тутъ лукавое мудрствованіе комментаторовъ! И откуда можно заключать, что естественный въ устахъ іудеевъ вопросъ долженъ содержать въ себѣ непремѣнно отбѣнокъ презрѣнія?

² Латинскій переводъ Библии передаетъ τέκτων чрезъ faber, славянскій переводъ оставляетъ τέκτων безъ перевода («не сей ли есть тектонъ? не сей ли есть тектоновъ сынъ?»).

³ Prellwitz, Etym. Wörterbuch d. griech. Sprache², Göttingen 1905, 464, возводитъ τέκτων къ корню tekso, fertigen, künstlich wirken, zimmern.

ромъ онъ работаетъ, но при этомъ не всякій мастеръ, а мастеръ искусный, «мастеръ своего дѣла» — сказали бы мы. Такъ понимая τέκτων уже древнiе лексикографы (ср. Hesych. τέκτων πᾶς τεχνίτης. Suid. κοινός τεχνίτης, ὁ λαοξόος καὶ ὁ τῶν ξύλων εἰδήμων). Въ частности τέκτων можетъ обозначать и плотника, и кораблестроителя, и строителя вообще, и рѣзчика, и ковача и т. д. Въ переносномъ значенiи даже поэты называются τέκτονες σοφοὶ ἐπέων, τέκτονες ὕμνων, даже Асклепiй называется у Пиндара τέκτων νοδυνηῖν ἄμερος. Въ одномъ мѣстѣ Одиссея (ρ 384) наряду съ τέκτων δούρων сопоставляются μάντις, ἰητῆρ κακῶν, θέσπις ἀοιδός — и всѣ они причисляются къ разряду такъ называемыхъ δημιουργοί. Спрашивается: въ виду такого широкаго значенiя слова τέκτων въ приложенiи ко всякаго рода мастерству, есть ли основанiе передавать его въ указанныхъ евангельскихъ текстахъ непремѣнно словомъ «плотникъ»?

Въ новозавѣтныхъ книгахъ τέκτων встрѣчается всего только дважды, въ приведенныхъ выше мѣстахъ евангелiи отъ Марка и Матѳея. Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, въ переводѣ Семидесяти, словомъ τέκτων пользуются неоднократно, и притомъ или самостоятельно, или съ присоединенiемъ родительнаго опредѣлительнаго. Разсмотримъ сначала послѣднiе случаи употребленiя τέκτων:

I Царствъ 13,19: καὶ τέκτων σιδήρου οὐχ εὕρισκετο ἐν πάσῃ γῆ Ἰσραήλ; τέκτων σιδήρου здѣсь значить кузнецъ.

II Царствъ 5,11: καὶ ἀπέστειλεν Χειράμ βασιλεὺς Τύρου... τέκτονας ξύλων καὶ τέκτονας λίθων — плотниковъ и каменщиковъ.

III Царствъ 7,12 (14): ὁ πατὴρ αὐτοῦ ἀνὴρ Τύριος, τέκτων χαλκοῦ — мѣдникъ.

IV Царствъ 12,11 (12): καὶ ἐξέδοσαν τοῖς τέκτοσιν τῶν ξύλων — плотникамъ.

I Паралип. 14,1: καὶ ἀπέστειλεν Χειράμ... οἰκοδόμους καὶ τέκτονας ξύλων — плотниковъ.

I Паралип. 22,15: τεχνίται καὶ οἰκοδόμοι λίθων καὶ τέκτονες ξύλων — мастера, каменотесы, плотники¹.

Переходимъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ τέκτων употреблено безъ опредѣленiя.

IV Царствъ 22, 6: первосвященникъ Хелкiя, по приказанiю царя Iосiа, отдаетъ серебро, пожертвованное въ храмъ, производителямъ работъ въ храмѣ (τοῖς ποιοῦσιν τὰ ἔργα ἐν οἴκῳ Κυρίου), τοῖς τέκτοσιν καὶ τοῖς οἰκοδόμοις καὶ τοῖς τεχνισταῖς, на покупку дерева и тесамаго камня. Въ русскомъ переводѣ Библии

¹ Ср. Исх. 31, 5: τὰ ἔργα τὰ τεκτονικὰ τῶν ξύλων. Иносказательно въ Притч. 14, 23: οὐκ ἐπίστανται ἔλεον καὶ πίστιν τέκτονες κακῶν, ἐλεημόσυνα δὲ καὶ πίστει παρὰ τέκτοσιν ἀγαθῶν.

греческіе термны переданы такъ: «плотникамъ и каменщикамъ и дѣлателямъ стѣнъ». Сомнѣваюсь въ правильности этого перевода: прежде всего врядь ли οἰκοδόμοι въ данномъ мѣстѣ значить «каменщики»; скорѣе здѣсь имѣются въ виду «строители» въ общемъ смыслѣ¹. Въ такомъ случаѣ и подѣ τέκτονες нѣтъ нужды понимать «плотниковъ», а лучше перевести это слово чрезъ «мастера», «работіе». Переводъ навѣянъ, очевидно, послѣдующими словами: τοῦ κτήσασθαι ξύλα καὶ λίθους λατομητοῦς τοῦ κραταιῶσαι τὸ βέδεκ τοῦ οἴκου. На самомъ дѣлѣ, если прочесть внимательно всю фразу (καὶ ἔδωκεν αὐτὸ τοῖς ποιῶσιν τὰ ἔργα τοῖς ἐν οἴκῳ Κυρίου, τοῦ κατισχυῶσαι τὸ βέδεκ τοῦ οἴκου, τοῖς τέκτοσιν καὶ τοῖς οἰκοδόμοις καὶ τοῖς τεχνισταῖς, καὶ τοῦ κτήσασθαι ξύλα и пр.), то ясно станетъ, что Хелкія отдалъ деньги 1) производителѣмъ работъ, а именно: мастерамъ (работчимъ), строителямъ (наблюдателямъ за производствомъ работъ, по нашему: десятиникамъ) въ храмѣ и «дѣлателямъ стѣнъ» и 2) на покупку лѣса и камня.

IV Царствъ 24, 14: Навуходоносоръ ἀπόκισεν τὴν Ἱερουσαλήμ. καὶ πάντας τοὺς ἄρχοντας καὶ τοὺς δυνατοὺς ἰσχύ... καὶ πᾶν τέκτονα καὶ τὸν συν-κλείοντα. Русскій переводъ «всѣхъ плотниковъ» невѣренъ; очевидно, имѣется въ виду, судя по контексту, «всѣхъ мастеровъ». То же IV Царствъ 24, 16, гдѣ русскій переводъ τὸν τέκτονα передаетъ уже словомъ «художниковъ».

I Паралип. 4, 14: Καὶ Σαραιά ἐγέννησεν τὸν Ἰωβᾶβ πατέρα Ἀγααδδαίρ, ὅτι τέκτονες ἦσαν. Чтобы уяснить значеніе τέκτονες въ данномъ мѣстѣ, инте-

¹ Значеніе слова οἰκοδόμος въ ветхозавѣтныхъ книгахъ не всегда возможно установить съ точностью. Оно встрѣчается: 1) въ приведенномъ выше мѣстѣ IV Царствъ 12, 11 (12)-13 (14) въ такомъ сочетаніи: καὶ ἐξέδωσαν τοῖς τέκτοσιν τῶν ξύλων καὶ τοῖς οἰκοδόμοις τοῖς ποιῶσιν ἐν οἴκῳ Κυρίου καὶ τοῖς τεχνισταῖς καὶ τοῖς λατόμοις τῶν λίθων, τοῦ κτήσασθαι ξύλα καὶ λίθους λατομητοῦς τοῦ κατασκευῆν τὸ βέδεκ οἴκου Κυρίου; здѣсь въ русскомъ переводѣ сказано правильно: издерживали (серебро) на плотниковъ и строителей, работавшихъ въ домѣ Господнемъ, и на дѣлателей стѣнъ и на каменотесовъ, также на покупку деревъ и тесаныхъ камней, для починки поврежденій въ домѣ Господнемъ. 2) II Паралип. 34, 11, см. ниже. 3) I Паралип. 29, 6: принесли пожертвованія на храмъ ἄρχοντες, πατριῶν καὶ οἱ ἄρχοντες; τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ καὶ οἱ χιλιάρχοι καὶ οἱ ἐκατόνταρχοι καὶ οἱ προστάται τῶν ἔργων καὶ οἱ οἰκοδόμοι τοῦ βασιλείως; такъ какъ чтеніе даннаго мѣста не установлено прочно (рукопись А вмѣсто οἰκοδόμοι дасть οἰκονόμοι; этого чтенія придерживается и русскій переводъ: «начальники надъ имѣніями царя»), то его можно было бы и не касаться; во всякомъ случаѣ, въ данномъ мѣстѣ, какъ видно изъ контекста, подѣ οἰκοδόμοι слѣдовало бы разумѣть не простыхъ мастеровъ или рабочихъ, а нѣчто въ родѣ нашихъ архитекторовъ. 4) I Ездры 5, 58: καὶ οἰκοδόμησαν οἱ οἰκοδόμοι τὸν ναὸν τοῦ Κυρίου; очевидно, здѣсь οἰκοδόμοι—строители. 5) То же значеніе 6, 4: καὶ τίνες εἰσὶν οἱ οἰκοδόμοι οἱ ταῦτα τελούντες. 6) Исаи 58, 12: καὶ κληθήσῃ οἰκοδόμος φραγμῶν — строитель. 7) Иезек. 40, 8: καὶ ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἦν σπαρτίον, σπαρτίον οἰκοδόμων — строителей. Въ Новомъ Завѣтѣ οἰκοδόμος встрѣчается лишь однажды въ Дѣяніяхъ Апост. 4, 11: ὁ λίθος ὁ ἐξουθενηθεὶς ὑφ' ὑμῶν τῶν οἰκοδόμων — перифразъ Псал. 117, 22, гдѣ стоитъ, однако, причастная форма: οἱ οἰκοδομοῦντες. И въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣются въ виду «строители».

ресна справка, наведенная Н. Я. Марромъ въ еврейскомъ оригиналѣ, мнѣ недоступномъ (русскій переводъ: родоначальника долины-плотниковъ, потому, что они были плотники)¹.

II Паралип. 24, 12: производители работъ ἐμισθοῦντο λατόμους καὶ τέκτονας ἐπισκευάσαι τὸν οἶκον Κυρίου, καὶ χαλκεῖς σιδήρου καὶ χαλκοῦ ἐπισκευάσαι τὸν οἶκον Κυρίου; исходя изъ контекста возможно, хотя и не обязательно, понимать здѣсь подъ τέκτονας «плотниковъ», какъ дано и въ русскомъ переводѣ; не исключена, однако, возможность усматривать въ данномъ случаѣ въ τέκτονας вообще «мастеровъ», особенно если слѣдовать, при установлении текста, codex Alexandrinus, въ которомъ слова καὶ χαλκεῖς . . . οἶκον Κυρίου опущены².

II Паралип. 34, 11: производители работъ ἔδωκαν (деньги) τοῖς τέκτοσι καὶ τοῖς οἰκοδόμοις, καὶ ἀγοράσαι λίθους τετραπέδους καὶ ξύλα εἰς δοκοὺς στεγᾶσαι τοὺς οἴκους; что разумѣть здѣсь подъ τέκτονας, специально ли «плотниковъ», или вообще «мастеровъ»³?

I Ездры 5, 53 (54). Рѣчь идетъ о подготовительныхъ работахъ по возстановленію храма, когда даны были деньги τοῖς λατόμοις καὶ τέκτοσι καὶ ποτὰ καὶ βρωτὰ καὶ χάρα τοῖς Σειδωνίοις καὶ Τυρίοις εἰς τὸ παράγειν αὐ-

¹ «Плотники» представляють уточненіе, не вполне соответствующее чтенію подлинника, гдѣ стоитъ терминъ ܩܘܨܬܝܢܐ «faber», «мастеръ», вообще «работникъ» обыкновенно съ прибавленіемъ названія матеріала — дерева, камня или металла, предмета специальности работника, когда имѣется въ виду точно опредѣлить видъ мастерства. Въ наличномъ текстѣ сирийскаго перевода, какъ и въ вულгатной армянской версіи стоятъ слова ԿԼԻ , հուս , которыя обычно дѣйствительно понимаются въ значеніи «плотникъ», но въ древнѣйшей армянской версіи, восходящей къ сирийскому тексту, чтеніе — «какъ они были *ex viduini*». Объясняется это странное чтеніе тѣмъ, что первоначально въ сирийскомъ переводѣ былъ удержанъ упомянутый еврейскій терминъ, по составу коренныхъ тождественный съ сирийскимъ ܩܘܨܬܝܢܐ «искусство маговъ», понятное не только, какъ «магія», но и какъ «кудесничество», «прорицаніе», «видѣніе». Н. Марр.

² Въ еврейскомъ оригиналѣ названный выше терминъ; тотъ же терминъ во второй половинѣ стиха въ соответствіе греческому χαλκεῖς, гдѣ древнѣйшій армянскій переводъ передаетъ его словомъ tartagaret «мастеръ», «художникъ», «τεχνίτης», «artifex» (въ позднѣйшемъ употребленіи обыкновенно «архитекторъ»), и въ томъ же мѣстѣ сирийская версія переводитъ словомъ «дѣлатель», «производитель», «творецъ»; въ первой же половинѣ наличный текстъ сирийской версіи, какъ и вулгатная армянская версія, воспроизводя греческій подлинникъ въ позднѣйшемъ пониманіи, τέκτων передаетъ упомянутыми выше словами, обычно означающими «плотникъ», и такой переводъ внесенъ и въ наличный текстъ древнѣйшей армянской версіи изъ армянской вулгаты, гдѣ, кстати, какъ и въ codex Alexandrinus, нѣтъ вовсе второй части стиха, проникшей однако въ еврейскій текстъ LXX. Н. М.

³ Въ еврейскомъ оригиналѣ все тотъ же терминъ, но въ наличныхъ текстахъ сирийской и обѣихъ армянскихъ версій въ соответствіе ему имѣются слова со значеніемъ обычно «плотникъ», присущія позднѣйшимъ вариантамъ, когда имѣются параллельныя чтенія для одного и того же мѣста и насколько прослѣживается пониманіе интересующаго насъ термина по сирийскимъ и армянскимъ его переводамъ въ различныхъ мѣстахъ. Н. М.

τοὺς ἐκ τοῦ Λιβάνου ξύλα κέδρινα, διαφέρειν σχεδίας εἰς τὸν Ἰόππης λιμένα; и здѣсь окончателѣно высказаться въ сторону того или иного пониманія τέκτονες не рискую, хотя контекстъ говоритъ, пожалуй, скорѣе въ пользу пониманія подъ ними «плотниковъ». Ср. то же II Ездры 3, 7.

Осін 8, в: καὶ αὐτὸ (идола) τέκτων ἐποίησεν, καὶ οὐ θεὸς ἐστίν; русскіи переводъ правильно: «художникъ сдѣлалъ его, и потому онъ — не богъ». Ср. то же Осін 13, 2.

Захар. 1, 20: καὶ ἔδειξέν μοι Κύριος τέσσαρας τέκτονας. Καὶ εἶπα τί οὗτοι ἔρχονται ποιῆσαι; καὶ εἶπεν. . . ἐξήλθουσιν οὗτοι τοῦ ὀξύναι αὐτὰ (τὰ κέρατα) εἰς χεῖρας αὐτῶν τὰ τέσσαρα κέρατα, τὰ ἔθνη τὰ ἐπαιρόμενα κέρας ἐπὶ τὴν γῆν Κυρίου τοῦ διασκορπίσαι αὐτήν; русскіи переводъ «показалъ миѣ Господь четырехъ рабочихъ» едва ли правиленъ; скорѣе здѣсь τέκτονες употреблено метафорически, и, во всякомъ случаѣ, не въ смыслѣ «плотниковъ».

Исаіи 40, 19-20: μὴ εἰκόνα ἐποίησεν τέκτων. . . ξύλον γὰρ ἄσχητον ἐκλέγεται τέκτων; здѣсь, конечно, τέκτων — художникъ.

Исаіи 41, 5-7: εἶδον ἔθνη καὶ ἐφοβήθησαν, τὰ ἄκρα τῆς γῆς ἠγγισαν καὶ ἦλθον ἅμα, κρίνων ἕκαστος τῷ πλησίον βοηθῆσαι καὶ τῷ ἀδελφῷ, καὶ ἐρεῖ Ἰσχυσεν ἀνὴρ τέκτων, καὶ χαλκεὺς τύπτων σφύρη, ἅμα ἐλαύνων. Русскіи переводъ словъ ἀνὴρ τέκτων не передаетъ; славянскіи переводъ — «древодѣлатель»; скорѣе понимать нужно въ общемъ значеніи «мастеръ».

Исаіи 44, 12-13: ὦξυνεν τέκτων σίδηρον. . . ἐκλεξάμενος τέκτων ξύλον ἔστησεν αὐτὸ ἐν μέτρῳ καὶ ἐν κόλλῃ ἐρύθμισεν αὐτό, καὶ ἐποίησεν αὐτό ὡς μορφὴν ἀνδρὸς καὶ ὡς ὠραιότητα ἀνθρώπου, στήσαι αὐτὸ ἐν οἴκῳ. . . ἔκοψεν ξύλον ἐκ τοῦ δρυμοῦ. . . ἵνα ἦ ἀνθρώποις εἰς καῦσιν. Въ первомъ случаѣ здѣсь τέκτων, несомнѣнно, значить «кузнецъ»; во второмъ случаѣ подъ τέκτων можно разумѣть и плотника и мастера вообще и даже художника.

Иерем. 10, 3: τὰ νόμιμα τῶν ἐθνῶν μάταια: ξύλον ἐστίν ἐκ τοῦ δρυμοῦ ἐκκεκομμένον ἔργον τέκτονος καὶ χώνευμα; здѣсь контекстъ показываетъ, что τέκτων значить «плотникъ».

Посланіе Иерем. 7: γλῶσσα γὰρ αὐτῶν ἐστίν κατεξυσμένη ὑπὸ τέκτονος; русскіи переводъ правильно: «языкъ ихъ выстроганъ художникомъ». 45: идола у халдеевъ ὑπὸ τεκτόνων καὶ χρυσοχόων κατεσκευασμένα εἰσίν: οὐδὲν ἄλλο μὴ γένηται ἢ ὃ βούλονται οἱ τεχνῖται αὐτὰ γενέσθαι; подъ τέκτονες здѣсь разумѣются, надо полагать, скульпторы, работающіе въ камнѣ (имъ противопоставляются χρυσοχοί — литейщики); τεχνῖται художники вообще¹.

¹ Прем. Солом. 13, 11-13 ὑλοτόμος τέκτων въ русскомъ переводѣ хорошо передано «древодѣлъ», т. е. всякій мастеръ, искусно работающій въ деревѣ. Прем. Сирах. 38, 27 (28) τὰς τέκτων значить, конечно, не плотникъ, а рѣзчикъ.

Сооставленіе тѣхъ мѣстъ Ветхаго Завіта, гдѣ встрѣчается τέκτων, убѣждаетъ насъ въ томъ, что, 1) когда хотѣли передать этимъ словомъ опредѣленно понятіе «плотникъ», къ нему прибавляли τῶν ζύλων, 2) τέκτων безъ опредѣленія и въ переводѣ LXX имѣло такое же широкое значеніе въ отношеніи обозначенія всякаго мастера, какое ему свойственно было въ греческомъ языкѣ вообще. Все это вмѣстѣ взятое не даетъ намъ основанія понимать подъ τέκτων евангельскихъ текстовъ непремѣнно и исключительно «плотника».

И, тѣмъ не менѣе, освященная вѣками традиція представляла и представляетъ самого Христа (и, во всякомъ случаѣ, его отца Іосифа) плотникомъ. Откуда эта традиція ведетъ свое происхожденіе, объ этомъ рѣчь будетъ ниже; пока же достаточно отмѣтить, что, насколько оказывается возможнымъ прослѣдить, первое упоминаніе о томъ, что Христосъ занимался плотническимъ ремесломъ, восходитъ къ срединѣ II вѣка¹.

Іустинъ мученикъ въ своемъ «Диалогѣ съ Трифономъ іудеемъ» (Migne, P. G. VI, 685) пишетъ: Духъ Святой сошелъ на Іисуса, «когда опъ пришелъ къ Іордану, онъ, который считался сыномъ Іосифа плотника, являлъ себя, какъ провозглашало Писаніе, невзрачнымъ, считался плотникомъ (ибо, пребывая среди людей, онъ исполнялъ плотническія работы, плуги и ярма, показывая тѣмъ самымъ примѣры справедливости и дѣятельной жизни). Καὶ ἐλθόντος τοῦ Ἰησοῦ ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην καὶ νομιζομένου Ἰωσήφ τοῦ τέκτονος υἱοῦ ὑπάρχειν καὶ ἀειδοῦς, ὡς αἱ Γραφαὶ ἐκήρυσσον, φαινομένου καὶ τέκτονος νομιζομένου (ταῦτα γὰρ τὰ τεκτονικὰ ἔργα εἰργάζετο ἐν ἀνθρώποις ὢν, ἄροτρα καὶ ζυγά· διὰ τούτων καὶ τὰ τῆς δικαιοσύνης σύμβολα διδάσκων καὶ ἀεργῆ βίον).

Изъ приведеннаго отрывка видно, что Іустинъ подъ τέκτων понимаетъ плотника — въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Исходя изъ того, что онъ какъ Іосифа, такъ и Христа называетъ плотниками, можно было бы заключить, что въ распоряженіи Іустина были евангельскіе тексты перваго и втораго евангелій. Но если присмотрѣться ближе къ тексту Іустина, выходитъ, что, называя Іосифа и Христа «плотниками», онъ основывался не на евангельскихъ текстахъ, а на ходившемъ преданіи. Въ самомъ дѣлѣ, лишь при упоминаніи о томъ, что Христосъ былъ невзраченъ, Іустинъ добавляетъ: ὡς αἱ Γραφαὶ ἐκήρυσσον², при упоминаніи же о томъ, что Христосъ

¹ Въ самомъ раннемъ источникѣ нашихъ свѣдѣній о Христѣ нѣтъ и намека на его социальное положеніе: имѣю въ виду посланія ап. Павла, хотя послѣдній, по преданію, самъ и былъ ремесленникомъ (σκηνοποιός), Дѣян. ап. 18, 3.

² Какіе Γραφαὶ Іустинъ имѣетъ въ виду? Конечно, ветхозавѣтныя. Ср., напр., Исаян 53, 3: καὶ εἶδομεν αὐτὸν (Κύριον), καὶ οὐκ εἶχεν εἶδος οὐδὲ κάλλος, ἀλλὰ τὸ εἶδος αὐτοῦ ἄτιμον καὶ ἐχλιπτόν παρὰ τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Ср. Посл. къ Филипп. 2, 7: Χριστὸς ἐξυπὸν ἐκένωσεν μορφὴν θεοῦ ὡς λαβίων.

считался сыномъ плотника Иосифа и самъ былъ плотникомъ, Иустинъ пользуется глаголомъ *ομιλεσθαι*. Этотъ Иустинъ какъ бы хочетъ сказать, что таково было преданіе, таково былъ общераспространенный взглядъ. Впрочемъ, быть можетъ, скажутъ, что мы слишкомъ педантично толкуемъ текстъ Иустина, хотя, съ филологической точки зрѣнія, его иначе понимать невозможно. Важно, во всякомъ случаѣ, установить, что въ срединѣ II вѣка создалась уже традиція о занятіяхъ плотничествомъ Христа и отца его Иосифа. Была ли это традиція устная, или же она была зафиксирована въ письменномъ видѣ, вопросъ открытый¹.

Скорѣе, однако, приходится предполагать первое. Отъ средины III вѣка до насъ дошло замѣчательное свидѣтельство Оригена, этого величайшаго христіанскаго ученаго первыхъ столѣтій нашей эры. Въ сочиненіи «Противъ Кельса», написанномъ между 246 и 248 годами, Оригенъ, опровергая возраженія Кельса противъ христіанства, опредѣленно заявляетъ, что «нигдѣ въ евангеліяхъ, бывшихъ въ обращеніи въ церквахъ, самъ Иисусъ не называется *τέκτων*», причемъ подъ *τέκτων*, какъ видно изъ контекста, разумѣется «плотникъ»². Оригенъ былъ, какъ извѣстно, прекрасно освѣдомленъ о различныхъ христіанскихъ церквахъ, и освѣдомленность эта основывалась на личномъ знакомствѣ съ ними: изъ его біографіи мы знаемъ, что онъ, помимо Александріи, главнаго мѣста своей дѣятельности, былъ и въ Римѣ, и въ Палестинѣ, и въ Греціи, и въ Малой Азіи, и въ Сиріи и даже въ Аравіи. Оригенъ — добросовѣстный писатель; хотя то сочиненіе, откуда приведена выписанная нами цитата, полемическаго характера, но у насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрить, что категорическое утвержденіе Оригена заключаетъ въ себѣ что-либо преувеличенное; мы должны ему вѣрить, что въ тѣхъ евангеліяхъ, которые въ его время христіанскою церковью признаны были для церковнаго обихода «каноническими», нигдѣ не содержалось указанія на то, что Христосъ былъ *τέκτων*, «плотникъ».

А если такъ, то возникаетъ вопросъ: въ такомъ ли видѣ читался во время Оригена Мк. 6, 3, въ какомъ онъ читается теперь³. Если установле-

¹ Къ сожалѣнію, мнѣ была недоступна книга G. Archambault (Justin. Dialogue avec Tryphon. Texte grec, traduction française, introduction, notes et index, 2 тт., Paris 1909), гдѣ, быть можетъ, этотъ вопросъ разбирается.

² Origen. c. Cels. VI, 36 (II, p. 105 Koetschau): Кельсъ εἶτα παίζων τὰ περὶ τοῦ ξύλου ἀπὸ δύο τόπων αὐτὸν χλευάζει λέγων διὰ τοῦτο αὐτὸ παραλαμβάνεσθαι, ἥτοι ἐπεὶ σταυρῶ ἐνηλώθη ὁ διδάσκαλος ἡμῶν ἢ ἐπεὶ τέκτων ἦν τὴν τέχνην, οὐχ ὁρῶν ὅτι τὸ ξύλον τῆς ζωῆς ἐν τοῖς Μωυσέως ἀναγέγραπται γράμμασιν, ἀλλὰ καὶ οὐ βλέπων, ὅτι οὐδαμοῦ τῶν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις φερομένων εὐαγγελίων «τέκτων» αὐτὸς ὁ Ἰησοῦς ἀναγέγραπται.

³ Что касается Мк. 13, 56—57, гдѣ говорится о «плотничествѣ» Иосифа, то Узенеръ, въ указанной выше статьѣ, доказалъ, что повѣствованіе о рожденіи и дѣтствѣ Христа—а съ

ніе, въ окончательномъ видѣ, новозавѣтнаго канона произошло, въ восточной половинѣ имперіи, лишь въ IV—V вѣкахъ, то и установленіе текста нашихъ каноническихъ евангелій, особенно синоптическихъ, врядь ли совершилось заразъ, въ одинъ пріемъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ — вопросъ слишкомъ важный и сложный, да къ тому же къ обсужденію его я не чувствую себя ни подготовленнымъ, ни призваннымъ.

И все-таки преданіе о томъ, что и Христось, по примѣру своего отца Іосифа, въ своей частной жизни, былъ *τέκτων*, плотникъ, несомнѣнно циркулировало въ христіанскихъ кругахъ уже въ довольно раннюю пору. Объ этомъ говорятъ и свидѣтельства Іустина мученика и Оригена, восходящія ко II вѣку¹. Объ этомъ же, особенно что касается Іосифа, еще краснорѣчивѣе свидѣлствуютъ евангелія апокрифическія, въ частности та группа ихъ, которая обнимаетъ «Дѣтство Христа»². Фактъ этотъ — настолько общезвѣстенъ, что останавливаться на немъ излишне³.

Зато врядь ли лишена интереса попытка разгадать, откуда и на какомъ основаніи могло попасть въ евангельскіе тексты указаніе о томъ, что Христось былъ *τέκτων*, безотносительно, пока, къ тому, что подъ этимъ терминомъ мы будемъ разумѣть.

Наши евангелія (особенно синоптическіе) заключаютъ въ себѣ сопоставленіе «словъ» и «дѣлъ» Христа. Это положеніе можно считать теперь фактомъ, научно обоснованнымъ⁴. Первые апостолы и вообще распростра-

этимъ повѣствованіемъ связано и все, относящееся къ личности Іосифа — представляетъ легенду, возникшую значительно позже того, какъ ученіе и исторія страданій Христа были зафиксированы въ письменной формѣ. См. мой очеркъ «Евангелія каноническія и апокрифическія», Птгр. 1919, 110 сл.

¹ Сочиненіе Кельса, съ которымъ полемизируетъ Оригенъ, появилось, какъ известно, въ 70-хъ годахъ II вѣка.

² Ср. напр. *Protoev. Jacobi* 9, 1. 13, 1. Ps. *Matth.* 10, 37. *Evang. Thomae latinum* 11. Арабская «Исторія Іосифа плотника», армянская книга «Дѣтства» (см. P. Peeters, *Evangelicae apocryphae*, Paris 1914) и т. д.

³ Преданіе о томъ, что Христось, по примѣру отца своего Іосифа, былъ плотникомъ входило и входитъ, какъ нѣчто не подлежащее сомнѣнію и въ жизнеописанія Христа, появившіяся въ новое время. См. хотя бы A. Réville, *Jésus de Nazareth*, Paris 1897, I, 418 сл., гдѣ рисуется такая поэтическая картина-фантазія: «Le charpentier menuisier Joseph devait donc équarrir des poutrelles, fabriquer des meubles très simples, tables, lits, espèces de bahuts tenant lieu d'armoires, bois de charruage, bancs, échelles, etc. La famille était nombreuse. Jésus avait des frères et des soeurs dont il était l'aîné. Le travail du père devait subvenir aux besoins de cet humble ménage, et il y a tout lieu de croire que Jésus exerça pendant plusieurs années le métier paternel» и пр. и въ примѣчаніи «Cf. Mc. VI, 3. Il faut remarquer la légère modification introduite dans le texte parallèle de Mt. XIII, 53, comme si l'on eût repugné à admettre que le Christ eût jamais consenti à exercer lui-même une profession manuelle. Il est donc très vraisemblable que le fils aîné dut travailler pour les nourrir tous jusqu'à ce que ses frères fussent en état de suffire à leurs besoins».

⁴ См. указанный нашъ очеркъ, 15 сл., 109 сл.

нители христіанскаго ученія передавали, конечно, устно своимъ слушателямъ рассказы о «словахъ» и «дѣлахъ» Христа, при чемъ болѣе, чѣмъ вѣроятно, приписывавшіеся Христу «слова» служили поводами, а иногда канвою, для приуроченія къ «словамъ» и соответствующихъ «дѣлъ». На томъ частномъ вопросѣ, которому посвящена настоящая замѣтка, это положеніе, думается мнѣ, можетъ быть доказано съ несомнѣнною очевидностью.

Когда Христа привели на судъ къ первосвященнику, стали искать свидѣтелей, показанія которыхъ должны были повлечь за собою смертній приговоръ. «И нѣкоторые, поднявшись со своихъ мѣстъ, стали лжесвидѣтельствовать на него, говоря: мы слышали, какъ онъ говорилъ: Разрушу храмъ этотъ рукотворный и въ теченіе трехъ дней построю другой нерукотворный» (ἐγὼ καταλύσω τὸν ναὸν τοῦτον τὸν χειροποίητον καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν ἄλλον ἀχειροποίητον οἰκοδομήσω). Такъ Мк. 14, 57-58. Ср. 15, 29: καὶ οἱ παραπορευόμενοι ἐβλασφήμουν αὐτὸν κινεῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ λέγοντες· οὐὰ ὁ καταλύων τὸν ναὸν καὶ οἰκοδομῶν [ἐν] τρισὶν ἡμέραις. У МѠ. 26, 60-61 читается: ὕστερον δὲ προσελθόντες δύο (ψευδομάρτυρες) εἶπαν· οὗτος ἔφη δύναμαι καταλύσαι τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν οἰκοδομήσαι. Ср. 27, 39-40: οἱ δὲ παραπορευόμενοι ἐβλασφήμουν αὐτὸν κινεῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ λέγοντες· ὁ καταλύων τὸν ναὸν καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις οἰκοδομῶν. Въ русскомъ переводѣ передача глагола οἰκοδομέω не выдержана (Мк. 14, 58 «воздвигнуть»; 15, 29, МѠ. 27, 40 «созидать»; МѠ. 26, 61 «создать»), хотя въ греческомъ текстѣ вездѣ употребленъ не допускающій иносказательнаго толкованія терминъ οἰκοδομεῖν, «строить»¹. Такъ понимали его, конечно, и лжесвидѣтели, выступавшіе на судѣ, и толпа, надругавшаяся надъ Христомъ, когда онъ висѣлъ на крестѣ.

Въ евангеліи отъ Луки, при описаніи суда надъ Христомъ въ синедрионѣ, лжесвидѣтели, выступающіе въ первомъ и второмъ евангеліяхъ, отсутствуютъ совершенно; не ставится въ вину Христу и похвальба его касательно разрушенія и постройки храма. У Луки старѣйшины, первосвященники и книжники прямо начинаютъ свой допросъ словами: Ты ли Христосъ? Скажи намъ. На что Христосъ отвѣчаетъ: Если я скажу, вы не по-

¹ Ср. МѠ. 7, 24. 26. Лк. 6, 48. 49. Дѣян. 47, 49 (строить домъ). МѠ. 21, 33. Мк. 12, 1. Лк. 14, 28 (строить башню). МѠ. 23, 29. Лк. 11, 47, 48 (строить гробницы). МѠ. 12, 18 (строить житницу). Лишь однажды въ евангеліяхъ οἰκοδομεῖν употреблено метафорически: МѠ. 16, 18: ταύτη τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν. Въ посланіяхъ ап. Павла οἰκοδομεῖν употребляется исключительно метафорически. Въ прямомъ смыслѣ οἰκοδομεῖν широко примѣняется и въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, причемъ неоднократно также по отношенію къ храму Иерусалимскому.

вѣрите, а если я спрошу, вы мнѣ не отвѣтите. Отнынѣ сыиъ человѣческой возсядетъ одесную силы Божіей (22, 67-69).

Точно также и въ четвертомъ евангеліи, при описаніи сцены суда надъ Христомъ у первосвященника, лжесвидѣтели не выступаютъ, обвиненіе, касающееся храма, противъ Христа не выдвигается (Іо. 18, 19-24). Правда, слова Христа «Разрушьте храмъ сей, и я въ три дня воздвигну его» приводятся въ четвертомъ евангеліи, но при иной ситуациі: когда Христоръ предъ Пасхою пришелъ въ Іерусалимскій храмъ и изгналъ оттуда торговцевъ и мѣняль, іудеи задаютъ ему вопросъ: чѣмъ докажешь ты, что можешь такъ поступать. На что Христоръ отвѣчаетъ: «Разрушьте храмъ этотъ, и въ три дня я воздвигну его»—*λύσατε τὸν ναὸν τοῦτον, καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις ἐγερῶ αὐτὸν* (Іо. 2, 19). Нужно обратить вниманіе, что здѣсь употребленъ не глаголь *οἰκοδομεῖν*, а глаголь *ἐγείρειν*, что придаетъ и всему изреченію, какъ это счелъ нужнымъ пояснить и евангелистъ (Іо. 2, 21: онъ говорилъ о храмѣ гѣла своего), иносказательный смыслъ — въ приложеніи къ воскресенію Христа (ср. Іо. 2, 2: *ὅτε οὖν ἠγέρθη ἐκ νεκρῶν, ἐμνήσθησαν οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ὅτι τοῦτο ἔλεγε* и пр.)¹. Но іудеи поняли изреченіе Христа буквально: «Въ теченіе 46 лѣтъ сгройся (*οἰκοδομήθη*) храмъ этотъ, а ты въ три дня воздвигнешь (*ἐγείρεις*) его» (Іо. 2, 20).

Итакъ, и первое и второе и четвертое евангелія свидѣтельствуютъ о томъ, что Христу приписывалось «слово»: «Разрушьте храмъ этотъ, и я въ три дня построю его»². Авторъ четвертаго евангелія, что и естественно ожидать отъ него, придавъ этому слову иносказательный смыслъ и истолковалъ его въ приложеніи къ будущему Христа, т. е. къ его воскресенію. Авторы перваго и втораго евангелій (или ихъ источники, что для насъ безразлично) поняли «слово» Христа, что опять-таки вполне естественно для нихъ, въ прямомъ смыслѣ и сдѣлали изъ него соотвѣтствующій выводъ относительно прошлаго Христа, т. е. относительно того, кѣмъ онъ былъ въ своей частной жизни: коль скоро Христоръ можетъ построить храмъ, значить онъ *τέκτων*. Такъ по Марку. Матѳею, какъ мы видѣли, говорятъ

¹ *Ἐγείρειν* имѣетъ въ четвертомъ евангеліи значеніе «подниматься», «вставать» (5, 8, 11, 29, 13, 4, 14, 31), «пробуждать мертвыхъ» (5, 21, 12, 1, 9, 17, 21, 14), т. е. воскресить. Въ смыслѣ «возставать», «являться» *ἐγείρειν* употреблено у Іо. 7, 52 въ выраженіи: *ἐκ τῆς Γαλιλαίας προφήτης οὐκ ἐγείρεται*.

² Само изреченіе Христа у Мѳ., Мк. и Іо. передается, какъ мы видѣли, не въ тоже-стивенныхъ выраженіяхъ. Каково оно было, доискиваться безплодно. Врядъ ли комментаторы правы (см. Holtzmann, Handcommentar къ Мк. 14, 58), когда они думаютъ, что первоначальную форму изреченія нужно усматривать у Мѳ. 26, 61. Скорѣе, она сохранена намъ у Мк. 14, 58, если отбросить слова *χειροποίητον* и *ἄλλον ἀχειροποίητον*, навѣянная, быть можетъ, при дальнейшей обработкѣ втораго евангелія, Іо. 4, 21, 23.

только о томъ, что отецъ Христа, Иосифъ, былъ τέχτων, а былъ ли такимъ же τέχτων самъ Христосъ, умалчиваетъ. Быть можетъ, это благочестивое, такъ сказать, умолчаніе, находящее себѣ объясненіе въ той опредѣленной цѣли, которая руководила авторомъ перваго евангелія при его составленіи: доказать, что Христосъ — обѣщанный Мессія (второе евангеліе, какъ доказано, свободно отъ какой-либо тенденціозности)¹. Но самое характерное — повѣствованіе третьяго евангелія: въ немъ, какъ упомянуто, не приводятся «словъ» Христа касательно разрушенія и постройки храма, поэтому нѣтъ и указанія на то, что Христосъ, или хотя бы его отецъ, были τέχτορες. Такъ объясняю я себѣ возникновеніе легенды о томъ, что Христосъ былъ плотникомъ: изъ «слова», приписываемаго Христу, возникло и «дѣло», касающееся его жизни и дѣятельности.

Въ заключеніе позволю себѣ вернуться къ тому, съ чего началъ: къ пониманію въ евангельскихъ текстахъ слова τέχτων. Христосъ обѣщаетъ построить храмъ въ три дня. Чтобы построить храмъ, мало еще знать плотничье ремесло; къ тому же и храмъ, вѣдь, нужно было строить не изъ дерева, да и сама постройка храма — дѣло очень сложное, требующее и познаній техническихъ и опытности практической. И странно было бы предполагать, что іудеи, возмущенные похвалой Христа, подумали и сказали: въ три дня берется построить храмъ — видишь, какой плотникъ нашелся. Врядъ ли они подумали и сказали при этой похвалѣ Христа: смотрите, какой архитекторъ! Іудеи, конечно, знали, что архитекторъ составляетъ планъ, руководитъ работами, но самъ, своими руками, ничего не строитъ. Если не считать вообще празднымъ занятіемъ догадываться о томъ, что подумали и что сказали іудеи, когда услышали слова Христа: «Разрушите храмъ этотъ, и я въ три дня построю его», то невольно хочется вложить въ ихъ головы и уста такое ироническое замѣчаніе: смотрите, какой мастеръ (въ смыслѣ «искусный мастеръ») нашелся! А такому пониманію и будетъ соответствовать примѣненный въ евангельскихъ текстахъ терминъ τέχτων. Былъ ли, однако, дѣйствительно таковымъ Христосъ въ своей частной жизни и дѣятельности, этого мы не знаемъ, да врядъ ли когда-либо и узнаемъ.

С. Жебелевъ.

¹ См. нашъ очеркъ объ евангеліяхъ, 28, 33. Возможно, Матсей, упоминая о томъ, что отецъ Христа былъ τέχτων, предоставлялъ самому читателю заключать о томъ, что и сынъ занимался тѣмъ же ремесломъ, какимъ занимался отецъ, такъ какъ въ древности было обычнымъ явленіемъ переходъ занятій тѣмъ или инымъ мастерствомъ отъ отца къ сыну.

Фрагментъ грузинской версіи „Дѣтства Христа“.

О существованіи въ древнегрузинской письменности извѣстнаго въ различныхъ литературахъ апокрифа о Дѣтствѣ или Отрочествѣ Христа впервые, собственно говоря, стало извѣстно съ 1892 года со словъ Н. Я. Марра, который, въ одной изъ своихъ первыхъ работъ по армяно-грузинской филологіи, касаясь пріобрѣтеннаго имъ Каталога Грузинскихъ Книгъ, составленнаго въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX столѣтія, указывалъ, что въ этомъ Каталогѣ «въ числѣ другихъ произведеній, переведенныхъ съ армянскаго на грузинскій языкъ, поименовано (№ 177) Дѣтство Господа (სიბუძე უფლისა)»¹.

Въ данномъ случаѣ Н. Я. Марръ, очевидно, имѣлъ въ виду тотъ переводъ интересующаго насъ апокрифа, который приписывается извѣстному грузинскому дѣятелю XVIII вѣка Доспоею (Черкезпшвили), епископу Некресскому². Но помимо этой, примыкающей къ армянскому прототипу, версіи апокрифа о Дѣтствѣ Господа, вскорѣ была обнаружена также другая переводная версія того же апокрифа, восходящая, судя по всѣмъ даннымъ, къ греческому оригиналу³. Въ «Разсужденіи св. Евѳимія Святгорца съ Θεодоромъ, іереемъ Сабайминдскимъ», изданномъ М. Сабининымъ, подъ заглавіемъ: თქმულები მამის ჩუპნის უბოძის მთაწმინდელის *Сказанное отцомъ нашимъ Евѳиміемъ Святгорцемъ*, интересующій насъ апокрифъ «Дѣтство Гос-

¹ Н. Марръ, Изъ лѣтней поѣздки въ Арменію. Забѣтки и извлеченія изъ армянскихъ рукописей, X. ЗВО, т. VI (1891), стр. 135—136.

² А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, в. III, Москва 1901, стр. 409, прим. 1.

³ Эту версію неоднократно упоминалъ А. С. Хахановъ; см. его: Памятники грузинской отроченной литературы (изъ ЖМНП. 1894 г., № 11), стр. 36; Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, Москва 1897, стр. 319—321, ქართული სიტყვების ისტორია, изд. 2-ე Тფლ. 1914, стр. 100—101, 106 и прим. тамъ-же.

пода» (სიყმბე უკულისაჲ) упоминается въ числѣ апокрифовъ и вообще отреченныхъ книгъ, которыя переведены съ греческаго на грузинскій языкъ св. Евѳиміемъ Святогорцемъ¹.

Версія эта сохранилась въ рукописи Тифлискаго Церковнаго Музея № 95, относящейся къ X вѣку² и представляющей собою сборникъ цѣлаго ряда (до 146) разнородныхъ произведеній³.

Рукопись писана въ два столбца строчнымъ церковнымъ письмомъ конца X столѣтія, причемъ интересующій насъ апокрифъ помѣщается въ ней на столбцахъ 568b — 572b. Къ сожалѣнію, на 572-мъ листѣ апокрифическій текстъ обрывается, и далѣе идетъ «Житіе и Мученичество св. Эрены, дочери царя Лпкивія». Нужно полагать, что соотвѣтствующіе листы, на которыхъ было изложено продолженіе апокрифа, вырваны вполнѣдствіи. Тѣмъ не менѣе, и въ подобномъ своемъ, фрагментарномъ, видѣ древнѣйшая грузинская версія апокрифа не лишена интереса.

Грузинская версія Дѣтства или Отрочества Христа, подлежащая въ рукописи Тифлискаго Церковнаго Музея № 95 и представляющая собою нѣкотораго рода unicum, озаглавлена такъ: სიყმბე ოკულისა ჩუენისა იესოჲს ქრისტესისა. ღვინობისა იკითხნ სეს სკოთხვო⁴ *Отрочество Господа нашего Иисуса Христа. Чтеніе это подобаетъ читать на Срътеніе*⁵.

Эта версія издается ниже въ точной копіи съ оригинала, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей послѣдняго какъ въ отношеніи стіля, такъ и орфографіи. Русскій переводъ текста, хотя и сокращенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неточный, былъ уже данъ А. С. Хахановымъ⁶.

Встрѣчающіеся въ текстѣ грецизмы отмѣчены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ (въ выноскахъ); таковы: ღლჳჳ — ἄλφα, ბეცა — βήτα, მო — μί⁷.

¹ М. Сабининъ, საქართველოს სპობაჲ, стр. 432—433.

² По А. С. Хаханову (Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, стр. 319). — XII вѣка.

³ Подробное содержаніе рукописи см. у О. Д. Жорданія, Описаніе рукописей Тифлискаго Церковнаго Музея etc., кн. I, Тфл. 1903, стр. 96—114 (о Дѣтствѣ Христа см. стр. 105).

⁴ Ср. также прот. Корн. Кекелидзе, Иерусалимскій канонарь VII вѣка, Тфл. 1912, стр. 181—182 (кстати, съ неточной выпиской — *თიბიშუილი* вмѣсто *თიჩიშუილი*).

⁵ ღვინობაჲ, гевр. ღვინობაჲ — праздникъ Срътенія Господня (см. прот. Корн. Кекелидзе, ц. с., стр. 331).

⁶ А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, стр. 319—321. — Ср. славянскую версію апокрифа. М. Н. Сперанскій, Славянскія апокрифическія евангеліи, въ «Трудахъ VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. II», 1890, стр. 38—72.

⁷ Ср. ниже, стр. 345. *Ред.*

სიერმძლ ოჯუღის ჩუენის იესოჯ ქრისტესი.

568^b

ღაჰრობას იკითხონ ესე სავითხავი.

1. ერმაღა იყო, ხუთ წლად მოდგებოდა იესოჯ, მისრულ იყო და იმღერდა იგი წარსავალსათანა წყალთა და ნაკადულთას. მოზღუდვიდა და შეეკებდა და იქმოდა ტბოვრებსა.

2. და მოვიდის მეჩმე გარდაუტევის და დასწმედნ წყალს მას ქვასა. ზედა და ტბორად¹ განწმედილს მას დაჭკრებდა.

3. მეჩმე აღმოიღებნ თიკასა მას ჩხვლს განწმედილის მისგან და შექმნა იგი სირებად თორმეტად.

4. და იყო დღლ იგი შაბათი და სხვანიცა მრავალნი ერბანი იმღერდეს მისთანა.

5. და რაჟამს იხილა ერთმან ჭურიათავანმან, რამეთუ იგი იქმნათათანა ამას 569^a იქმოდა, მიიმაართა იოსებისა მამისა მისისა და მიიყვანა და უჩუენა მას იგი და ეტყუადა: «კეთილმე არსა დღესა შაბათსა ესე ვითარი საქმლ განოსახვად შევინ- ვუღლთა ამით თიკისგან?»

6. და მოვიდა იოსებ, ჭრისხვიდა მას და ჭქუა: «რამსათჳს იქმ შენ ამას დღეს შაბათსა?» ხოლო მას ვითარცა ესმა ესე იწყო კელთა ურთიერთს შეტყუელებად და აღაფრინვა სირები იგი წინაშე მათ ყოველთას და ჭქუა: «ფრინველეთ და ვ მომიკსენეთ მე ცხოველი». და რომელ იგი სირები აღფრინდა წარვიდეს წივილით.

7. იხილა რამ ესე ერთმან ფარისეველმან, შეწუჯდა და დავარდა და მეჩმე წარვიდა მწრაფლ თხრობად მეგობართა თჳსთა.

8. მაშინ ძენადასი მღელელთმოდჯრისა², რამეთუ იგიცა თჳთ მოსრულ იყო იოსებისთანა და მუნქუესვე მოიღო მან რტოა ძენისა და გარდაასა ტბორები იგი წყალთა, რომელ იგი შეეკრიბა იესოჯს და შესაკრებელი იგი წყალთა ვ განაკმო.

9. იხილა რამ იესოჯ, რამ იგი ყო, მან ჭქუა: «ჴ ძელო ჴ ძეო რტოართო განკმელო შემწუარო ბუნითურთ ძალითა მით სულისა იონადასითა». და ერმაღ იგი მეესეულად დავარდა განკმელი.

10. მეჩმე იესოჯ მივიდოდა იოსებისთანა, მოვიდოდა ერმაღ ერთი და ეკუეთა მკარსა მისსაი განრისხნა იესოჯ და ჭქუა: «ნუ მიხდე გზასა მაგას შენსა». და მეესეულად მუნქუესვე დავარდა და მოკუდა ერმაღ იგი.

11. ღაღადებამ აღიღეს რომელნი იგი მუნ დგეს და იტყუადეს: «ვინაამე

¹ ტბორად повторяется дважды.

² Въ данномъ случаѣ мѣлелетимоджარი — эквивалентъ арм. բաճանապատկ — «первосвященникъ».

«არს ჩუენდა ყრმაჲ ესე შობილი, რამეთუ ყოველნი სიტყუანი მაგისნი საქმს
 8 არიან?»

12. მოვიდეს და მოადგეს სახლეულნი მის მკვდრისანი იოსებს და ეტყუადეს:
 «უკეთეს ეგე ყრმაჲ შენთანა იოს, ვერ ეგებინ შეხი ჩუენ შორის ცხორებაჲ.
 8 570^a აწ ასწავე მას, რაჲთა აკურთხევდეს ყოველთა და არა სწყევდეს». მამინ წარ-
 მოდგა იოსებ, ასწავებდა მას და ეტყუადა: «რამასათჳს ბორბოტს იტყუადე,
 რამეთუ ამას კაცებსა ვსძულთ ჩუენ».

13. იწყო სიტყუად იესოჲ ყრმამან მან და ჭქუა: «ჯერად გონიერ არიან
 სიტყუანი იგი შენნი. მე ვიცი შვილთა მაგათთა კუალსა დგინებაჲ». და
 8 მეჩუე იწყო ესრე სიტყუად: «წყევამდა თუ არა შეიწყინარონ ტანჯვამ შეგ-
 იწყინარონ».

14. მასვე უამისა რომელნი იგი ჭბასრობდეს ერთბამად დაბრმეს. ხოლო
 იოსებ ვითარ იხილა, განრისხნა და უპყრა ყური მისი და ჭზიდა.

15. ხოლო მან მიჭხედა და ჭქუა იოსებს: «აჭა კმა არს შენდა ძიებაჲ ჩემი
 და ზოგნაჲ. შენ აწ მიხეზით მეცნიერებაჲ კელთა აღგიღებოეს».

16. ზაქეს ვისმე, ესმოდს სიტყუამ ესე, რასა იგი ეტყუადა იოსებს, და ჭქუა
 იოსებს ზაქე: «ეგე ვითარისა მაგის ყრმისა ფიცხლისა და ურიდისაჲ არა გნე-
 8 570^b ბავსა მოძღუარსა მიცემად, რაჲთა ისწაოს სიყუარული მოყვასთაჲ და თავისაჲ
 ყოფამ მოხუცებულთაჲ და ძიებაჲ აეროვნისა პირისაჲ მოხუცებულთაჲსა,
 რაჲთა თჳსთა მათცა შვილთა მოწყვალებაჲ აგოს შეწყინარებად და სწავლად
 6 მათა».

17. და თქუა იოსებ: «ვინმე შეუძლოს ესე ვითარისა ამის ყრმისა შეწყინა-
 რებაჲ და სწავლაჲ? ნუმცა მცირისა რამს ჯერისაჲ შეგირაცხიეს იგი».

18. მიუგო მას ყრმამან მან და ჭქუა: «მაგათ სიტყუათაგან მოძღუარ რომ-
 ელთა იგი აწ იტყუ შე უცხოდ შემირაცხიეს თავი ჩემი. რამეთუ გარეშს არს
 8 თქუენსა და შინაგან თქუენდა».

19. «რამეთუ არა ვითარ კორცთა აზნაურებაჲ რამე არს ჩემთანა, ხოლო შენ
 ეგერს შჯულოთა ზედა სდგა, რამეთუ შობასა მას ენასა მუხქუეს ვდებ და შენ ვინ
 8 უწყის ჭკონებდე ვითარმედ მამამ ვარ, რაჲთა ჭპოო მოძღვრებაჲ ძისაგან,
 რომელი იგი 'არა სდა ვინ' უწყუდა სხუა მათსავე, რომელიცა ასწავის სხუასა».

20. «და ჯუარსა 'მას, რომელს შენ სახელ სდეგ, აღგიღო ეგე შენ ვინი არს
 571^a შვილი ეგე, რამეთუ უმეტეს' || აღუმაღლდე, მითხარდა ნიში იგი ნათესავისა მის
 8 შენისაჲ, ვინ არს, ვითარ იგი უწყიან, მე მარტომან უწყი და თქუენ არა უწყითო,
 ვინამ ყოფილ ხართ ანუ რავდეს უამ ყოფად ხართ».

21. ხოლო იგინი დგეს ეგრეთ დაკრვებულნი და კმითა მადლითა ღაღადებდეს
 და იტყუადეს: «მრავალი ესე სმენამ და ახალი ხილვამ და ესე ვითარი ესე სიტ-
 8 ყუამ არა სდა მასმიეს არცა მოძღუართაგან და არცა ფარისეველთაგან და არცა
 სხუათა ნათესავთაგან. ვინამ ყოფილ არს ესე?».

22. «რამეთუ ხუთი წელი არღა აღსრულებულ არს ამისი და იხილეთღა ვითარ იგი კმობს ესე. ესე ვითარი არა მიხილავს ჩუენ ყრმაჲ». 3

23. მერმე იწყო სიტყვად და თქუა: «დაგიკვრდების ანუ უფრო ურწმუნო ხართ რომელსა გეტყვ თქუენ, რამეთუ გარქვ თქუენ ოდესმე, რაჲ შობილ ხართ, უფროჲს უწვი მე თქუენსა, ვიხილე მე და მესმა კმაჲ». 3

24. ხოლო მათ, ვითარცა ესმა კმაჲ ესე, პირი | დაიკრეს და სიტყუაჲ ვერ 571^b შეუძლეს თქვამად.

25. წარდგა იესოჲ მათ წინაშე და თქუა: «¹ოხბდი მე თქუენ, რამეთუ თქუენ მიდბსა აგინებთ, რამეთუ ხართვე უშჯულო გონებითა თქუენითა». ხოლო მან ვითარ ესრეთ უღბილესად იწყო სიტყუად მათა. 3

26. და ჰქუა ზაქე მოძღუარმან იოსებს: «მელა მომეც ყრმაჲ ეგე და მე ვასწაო მაგას, რაჲ წეს იყოს სწავლად მაგისა». და თავსა კელსა უსვმიდა და მიიყვანა იგი სსმწიგნობრედ და შევიდა და დადუმნა ყრმაჲ. 3

27. ხოლო მოძღუარი იგი ზაქე მრავალ ჯვის მასვე წერილსა ასწავებდა და იწყო ალფათგან¹ სწავლად მისა, მეორედ დააქცია მოგებად მისა და იგი დუმნა, მერმე განრისხნა მოძღუარი იგი და სცა კელითა თავსა მისსა. 3

28. მიუგო ყრმამან მან და ჰქუა: «ცანუზომელად გამიკვრდების სწავლად უსწავ-
ლელთა, მე უშემძლებელეს ვარ თქუმად ვიდრეგან, რომელსა იგი შენ || იტყვ. 572^b
ვითარცა რვალი ოხრეს და ვითარცა წინწილნი ვეჯნიან, რამეთუ არა მოაკესე- 3
ნებენ კმასა სიტყვს მოგონებისასა და არცა გონებასა მის გულისკმის ყოფად
ძალისა.

29. და იწყო იესოჲ სიტყუად წერილისა მის ყოვლისა ალფათგან შიო ჰამდე² დიდითა გამოძიებითა.

30. მერმე თქუა: «რომელთა ეგე ალფაჲ არა იცით, ბეტასა³ მას ვარ მე ასწავ-
ვებად? განღა მიმარტით პირველად ალფაჲ ესე, მასინღა მრწმენეს თქუენი ბე- 3
ტასა თვსცა, რასა იგი იტყოდით».

31. და იწყო იესოჲ კითხვად ხატი და სახელი პირველისაჲ მის წერილისაჲ, რამეთუ აქვნდა მას სახელებსა მკედლებ, წარმატებულებ, იქცევისებ, ზეუგუნ კენი- 3
ლებ, მიმოქცეულებ, კვკერის სცებ ფერად სავასს³ მართლიად შობით.

32. ხოლო ზაქე მოძღუარი იგი მისი | დგა დაკვრვებული ეგოდენსა მას სახე- 572^b
ლისდებასა, ხატ შეენიერებასა მას საკვრველებასა, კმითა მადლითა ღაღადება და
იტყოდა: «ვაჲ ჩემდა, რამეთუ თავით თვსით ესე ვითარი სქმს³ შევიმთხუე, გან- 3
მასორეთ ჩემგან, გკვდრები თქუენ».

33. «რამეთუ ჯერვე არა არს მაგისი ქუეენისა ზედასლფაჲ, ჭეშმარიტად
ღირს არს ესე დიდისა მის ჯვარისა. ამან ცეცხლისცა მას შეუძლოს შეწუ-

¹ Греч. ἀλφα.

² Греч. μτ.

³ Греч. βήτα.

8 ვად. შე ესრე მგონიეს, ვითარმედ ესე წყლითრღეუანისა მის წინა ნოფესა ყოფილ არს».

34. «რამე საშოა ყოფილ არს, რომელსა ეტვრთა ეგე, ანუ რამე ყოფილი არს იგი დიდეა, რომელსა ეპყრა ესე წმიდაა».

35. «შესჯლებულ ვარ, დაუთმო გონებასა, გარდასრულ ვარ. შევიტყუე თაფით-თვსით, სიტბილი შემედვა. შე ესრე ვჭგონებდ ვითარმედ მოწაფს შემო-
ვ ვიყვანე სახიდ ჩემდა |

Л. Меликсетъ-Бековъ.

Въ послѣднія два десятилѣтія грузинская эпиграфика значительно обогатилась и количественно и качественно, какъ тщательностью воспроизведенія, нерѣдко съ таблицами, такъ научностью толкованій, преимущественно впрочемъ историческихъ. Львиная доля въ этой работѣ, исполнялась ли она на грузинскомъ языкѣ или на русскомъ, принадлежитъ историкѣ Е. С. Такайшвили. Критики отдѣльныхъ книгъ по этой работѣ почти не было, не было даже простыхъ о нихъ отзывовъ научныхъ, между тѣмъ ихъ длинный рядъ у одного Е. С. Такайшвили, этихъ обнаруженныхъ группами, въ большинствѣ по мѣсту нахождения, памятниковъ грузинской эпиграфики. Они появлялись главнымъ образомъ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества и въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа. Такое молчаніе ни въ какомъ отношеніи не заслужено самими изданіями Е. С. Такайшвили, да и едва ли желательно съ точки зрѣнія и общихъ, и специальныхъ интересовъ всей нашей области знанія. Молчаніе можетъ быть учтено не только какъ признакъ согласія. На лицо точно глубокое равнодушіе къ вопросамъ, возбуждаемымъ памятниками грузинской эпиграфики, между тѣмъ вопросы эти представляютъ живѣйшій интересъ, притомъ многосторонній, не для однихъ историковъ и археологовъ. Вѣдь до сихъ поръ съ точки зрѣнія историковъ и археологовъ, главнымъ образомъ историковъ, грузинскія надписи и подвергаются освѣщенію со времени Броссе, Иосселиани, Бакрадзе, тогда какъ онѣ не менѣе интересны для лингвистовъ и для этнографовъ. Руководители кавказской серіи СМ, по всей видности, не чуяли, что въ ней именно, въ матеріалахъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, издававшихся Е. С. Такайшвили памятники находили вполне соответственно ихъ природѣ помѣщеніе. Посильно я намѣренъ подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями и вызванными ими мѣ-

слями, — наблюдёніями надъ грузинскими эпитафическими матеріалами, пущенными въ научный оборотъ Е. С. Такайшвили впервые или представляющими новость тщательностью воспроизведенныхъ подлинниковъ и описаніемъ ихъ самихъ пли мѣстъ ихъ находженія. Въ богатой матеріалами и научно исполненной работѣ Е. С. Такайшвили есть однако нѣкоторыя пятна, случаи недосмотровъ, иногда способные создать значительныя недоразумѣнія за предѣлами ближайшихъ интересовъ грузинской эпитафики, и на одинъ изъ нихъ я спѣшу указать сейчасъ. Въ I-мъ выпускѣ (1905) Археологическихъ экскурсій, разысканій и замѣтокъ (СМ, XXXV) въ числѣ надписей Зарзмскаго монастыря, «въ Ахалцихскомъ уѣздѣ», приводится одна X-го вѣка, «самая важная» по собственному опредѣленію Е. С. Такайшвили (ц. с., стр. 17). Въ русскомъ переводѣ этой надписи читаемъ (ц. с., стр. 19):

«Склароса мы вынудили бѣжать. Въ той странѣ, которая называется Харсанани (у Lebeau, Hist. du Bas-Empire, t. XIV, p. 157: Charsiane), въ мѣстности, которая называется Сарвенисни, стоялъ тамъ тронъ (Броссе и Бакрадзе читають: построилъ сей тронъ)»:

Опредѣливъ время надписи по дѣяніямъ Сквиря съ установленіемъ даты построения придѣла Зарзмской колокольни «нѣкіимъ Иванѣ, сыномъ Сулы» въ концѣ X-го вѣка, — тѣмъ именно Иванѣ, который выступаетъ въ первомъ лицѣ въ самой надписи, помѣщенной надъ дверью придѣла колокольни въ Зарзмѣ и есть строитель этого придѣла, Е. С. Такайшвили въ подтвержденіе своего чтенія и перевода пишетъ (ц. с., стр. 22): «Въ этомъ придѣлѣ, повидимому, хранился тронъ, привезенный Иване (sic) для куропалата Давида какъ воспоминаніе о побѣдѣ иверійскаго войска». Между тѣмъ въ грузинскомъ подлинникѣ про предметъ, «хранившійся въ этомъ придѣлѣ», сказано не «стоялъ», какъ переводитъ Е. С. Такайшвили, а «покоился» — ჯუჯბ, какъ читаетъ вполне правильно и Е. С. Такайшвили въ своей военной транскрипціи надписи (ц. с., стр. 19; Броссе и Бакрадзе давали — Voyage archéol., II part., стр. 134, Кавк. въ др. пам. христ., стр. 70, первый — фантастическое чтеніе ჯუჯბ и переводъ «j'ai construit», «я построилъ», второй — «Давидъ построилъ»).

Но ჯუჯბ *покоился* никогда не говорится про неодушевленный предметъ, при немъ ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить подлежащимъ «тронъ», но ჯუჯბ *покоился* обычно сказуемое, когда рѣчь о покойникѣ, объ иконѣ. О помѣщеніи и перемѣщеніи иконы, какъ и мертвеца, иначе по-грузински и нельзя выразиться какъ съ помощью глагола «покоиться», все равно рѣчь ли о *стоянн*и и *постановкѣ* иконы, о *перенесеніи*

ея и т. п., глаголь лишь снабжается требуемымъ предлогомъ — ღა-სჟებ-ბაჲ, ცა-სჟებბაჲ или მა-, resp. მა-სჟებბაჲ, или обходятся безъ него — სჟებბაჲ, какъ въ нашемъ текстѣ, гдѣ рѣчь съ точки зрѣнія русской языковой психологiи дѣйствительно о стояніи, хотя дѣло идетъ объ иконѣ, что въ грузинскомъ, да и вообще въ яфетическомъ этническомъ воспріятіи, дающемъ себя знать и въ христіанской культурной рѣчи, есть существо одного порядка съ покойникомъ, въ глубинѣ племенныхъ народныхъ представленій болѣе того — само живое божество, по отнюдь не неодушевленный предметъ. И въ грузинскомъ подлинникѣ надписи такъ и читаются Ⴑმდა Ⴑათ-1 *святая икона* стоящія подѣ титлами слова Ⴑს ბტო Ⴑა Ⴑტი, прочитанныя Е. С. Такайшвили какъ Ⴑსბტო taႱti *тронъ* (такъ же читали Grosset и Бакрадзе). Копія оригинала, воспроизведенная на стр. 18, не имѣетъ качествъ хорошаго эстампажа (Е. С. Такайшвили называетъ ее снимкомъ, но во всякомъ случаѣ это не фотографическій снимокъ), и не могу отказать отъ мысли, что и стоящія подѣ титломъ буквы воспроизведены не вполне вѣрно, именно Ⴑს ბტო Ⴑა Ⴑტი вм. Ⴑა ბტო Ⴑუ Ⴑტი=*imday Ⴑati*, что для подлиннаго текста X-го вѣка было бы болѣе правильно. Какъ будто меня поддерживаетъ несовсѣмъ удачный или не вполне удачно воспроизведенный фотографическій снимокъ той же надписи въ Материалахъ по археологiи Кавказа (вып. IV, 1894, табл. XXVIII), въ текстѣ впрочемъ вскользь упоминающихъ объ этой надписи или дающихъ совершенно невѣжественныя разъясненія московскаго грузиновѣда, нынѣ покойнаго А. С. Хаканова, по другимъ эпиграфическимъ памятникамъ Зарзмы, въ частности по отвѣтственному тексту съ упоминаніемъ имени «Шота» (ц. с., стр. 52). Въ этомъ же воспроизведеніи фотографическаго снимка занимающей насъ надписи какъ будто и титло надѣ словомъ Ⴑა Ⴑუ, принятое Е. С. Такайшвили за перекладину буквы Ⴑ. Главный источникъ недоразумѣнія въ чтеніи — это принятіе начертанія R Ⴑ за букву R t въ словѣ Ⴑს Ⴑა, и — увѣренность историка-эпиграфиста въ томъ, что на лицо scriptio plena, когда на самомъ дѣлѣ это сокращенія подѣ титлами, стершимися окончательно или чрезвычайно слабо сохранившимися для зрѣнія даже такого искушеннаго эпиграфиста, какъ Е. С. Такайшвили.

Слѣдовательно, все цитованное мѣсто съ разъясненной нами частью въ точномъ русскомъ переводѣ гласитъ: «Склароса вы вынудили бѣжать въ ту страну, которая называется Сарвенис-п, тамъ стояла св. икона . . .». Однако, почему предполагается, что рѣчь о придѣлѣ? Благополучно ли съ чтеніемъ остальной надписи и ея пониманіемъ? А если нѣтъ, то какъ можно историку строить съ такимъ матеріаломъ что либо въ малѣйшей степени

прочное? Объ этомъ то слѣдовало бы спросить тѣхъ историковъ, которые уже не въ Тифлисѣ, а въ Москвѣ и Петроградѣ въ основу организаціи университетскаго преподаванія гуманитарныхъ наукъ кладутъ разлученіе историческихъ предметовъ съ филологическими, въ искреннемъ убѣжденіи, что это есть полезное для историческихъ, вообще общественныхъ наукъ новшество.

Н. Марръ.

Некрологи.

Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ.

1856 — 1918.

21-го мая — 3-го іюня 1918 г. скончался Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ, (Oscar von Lemm).

На протяженіи одного года наша наука потеряла двухъ ученыхъ, съ именами которыхъ связано начало у насъ ученой традиціи въ представлявшіхся имъ областяхъ научнаго знанія. Въ лицѣ М. В. Никольскаго сошелъ въ могилу первый русскій ассириологъ; съ О. Э. Леммомъ впервые въ аудиторію русскаго университета вошла египтологія; наука лишилась въ немъ авторитетнѣйшаго представителя христіанской отрасли египтологіи — коптовѣдѣнія.

Небогата внѣшними фактами угасшая преждевременно жизнь покойнаго. Онъ родился 5 сентября 1856 г. въ Петроградѣ, воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ, съ которымъ сохранилъ живую связь до кончины. Одинъ изъ его лицейскихъ товарищей, проводивъ его до обителей вѣчности, говорилъ собравшимся у его могилы, какъ самъ почившій, нашелъ себѣ призваніе и удовлетвореніе и какъ въ этомъ отношеніи онъ выдѣляется изъ ряда многихъ своихъ сверстниковъ. Дѣйствительно, еще на ученической скамьѣ онъ проникся интересомъ къ Древнему Египту и, по окончаніи въ 1877 г. курса, отправился въ Германію для занятія египтологіей и семитовѣдѣніемъ. Здѣсь въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ подъ руководствомъ Эберса, Лепсіуса, Шрадера, Дильмана и др. зрѣло новое поколѣніе изслѣдователей классическаго Востока, которому нѣмецкая наука обязана своимъ успѣхами, доставившимъ ей исключительное положеніе. Достаточно сказать, что сверстниками и коллегами О. Э. были Эрманъ, Видеманъ, В. Максъ Мюллеръ, Штернъ, Бецольдъ и многіе другіе, имена которыхъ тѣсно связаны съ тѣмъ періодомъ въ исторіи науки, когда область изученія культуры Египта и Передней Азіи становится на прочныя филологическія основанія, когда строго проводится историческій методъ, когда акрбія классика сдѣлалась идеаломъ, не достижимымъ и для египтолога. И О. Э. былъ въ своей области яркимъ представителемъ этого направленія, усвоеннаго имъ въ аудиторіяхъ Лейпцигскаго и Берлинскаго Университетовъ. Въ 1882 году онъ былъ уже докторомъ перваго изъ нихъ. Его докторской диссертацией было небольшое изслѣдованіе. «Das Ritualbuch des Amondienstes». Ein Beitrag zur Geschichte der Kultusformen im al-

ten Aegypten. Съ 1883 г. О. Э. былъ ученымъ хранителемъ Азіатскаго Музея Академіи Наукъ и занималъ этотъ постъ до самой своей кончины. За все это время онъ отлучался изъ Петрограда только въ 1883 г. на международный конгрессъ ориенталистовъ въ Лейденѣ и въ 1896 г. въ свою въ высшей степени плодотворную для науки заграничную командировку, когда ему удалось посѣтить библіотеки и музеи Европы, содержащія сокровища коптской письменности. Съ 1887 г. по 1891 г. онъ въ качествѣ приватъ-доцента преподавалъ въ Петроградскомъ Университетѣ (на факультетѣ восточныхъ языковъ) египтологию, коптскій языкъ и даже ассиріологию. Съ 1901 г. онъ состоялъ почетнымъ членомъ Каирскаго Institut Égyptien, а въ 1906 г. избранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ.

Ученая дѣятельность О. Э. распадается на три періода. Сначала онъ работаетъ въ области Древняго Египта; по возвращеніи въ Россію переходитъ постепенно къ Египту христіанскому, разрабатывая коптскія рукописи здѣшнихъ библіотекъ; наконецъ, собранный во время заграничной командировки огромный матеріалъ далъ ему возможность далеко выйти за предѣлы петроградскихъ собраній, расширить и углубить свои изслѣдованія и сдѣлаться едва ли не первымъ авторитетомъ въ области коптовѣдѣнія, заставляя прислушиваться къ своему голосу спеціалистовъ всего ученаго міра.

Докторская диссертация О. Э. впервые обратила вниманіе на важный памятникъ древне-египетской храмовой литературы—храпившуюся въ Берлинскомъ музеѣ богослужебную книгу Амонова храма въ Фивахъ, папрусъ № 55. Онъ далъ критическое изданіе съ переводомъ и комментариемъ только однихъ надписаній «главъ» этой книги, т. е. наименованіе церемоній и священныхъ дѣйствій ежедневнаго культа, совершенно основательно считая полное изданіе текста памятника еще преждевременнымъ и требующимъ сложныхъ и подготовительныхъ работъ. Дѣйствительно, только въ 1892 году появилось большое изслѣдованіе Moret, *Le Rituel du culte divin journalier en Égypte*, основанное отчасти на напечатанномъ только въ 1896 г. Берлинскимъ музеемъ официальномъ изданіи ритуальныхъ книгъ культа Амона и Мутъ, но привлечшее къ изученію и другой обширный параллельный матеріалъ. Въ 1887 г. О. Э. еще разъ возвратился къ старой темѣ, напечаталъ въ *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* небольшую замѣтку: «*Einige Bemerkungen zur Ceremonie des Lichtanzündens*» (XXV, 113—116). Здѣсь онъ даетъ текстъ и переводъ всей первой «главы» ритуала въ виду того, что на страницахъ названнаго журнала появились работы Эрмана и Дюмахена, посвященныя церемоніи возженія огня. Какъ въ диссертации, такъ и въ этой статьѣ разбѣяны цѣнныя замѣтки лексическаго, палеографическаго и реального характера, иногда развивающіяся въ цѣлые экскурсы, напр. на стр. 36—42 объ аллитераціяхъ, столь излюбленныхъ въ египетскихъ текстахъ, или на стр. 11—20, гдѣ впервые произведено изслѣдованіе о «диактрической» чертѣ. Замѣтимъ, что только въ 1908 г. Зете пришелъ къ тѣмъ же выводамъ объ ея употребленіи, забывъ конечно о своемъ предшественникѣ.

Другой трудъ, посвященный О. Э. древнему Египту—его *Aegyptische Lesestücke*¹, задуманный въ видѣ обширнаго пособія для начинающихъ египто-

¹ Leipzig. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1883. I Theil. Schrifttafel und Lesestücke. Изданіе посвящено «*Seinem hochverehrten und lieben Lehrer Herrn Prof. Dr. Georg Ebers*».

логовъ, съ таблицей знаковъ, многочисленными текстами и словаремъ. Ему удалось исполнить только половину этой задачи, выпустивъ первую часть, содержащую таблицу знаковъ, тексты іероглифическіе и іероглифическія транскрипціи нѣкоторыхъ іератическихъ текстовъ. Изданіе было встрѣчено сочувственно; Эрманъ¹, Эберсъ², Пиль³ и др. посвятили ему отзывы, въ которыхъ указывали на его своевременность, на большую пригодность, сравнительно съ единственной въ то время хрестоматіей Рейниша. Дѣйствительно, до самаго появленія трудовъ этого рода, принадлежащихъ Эрману и Мэллеру, хрестоматія О. Э. была начальной книгой для чтенія всѣхъ египтологовъ слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія. Для потребностей своей петроградской аудиторіи О. Э. выпустилъ въ 1890 г. небольшое добавленіе къ своей хрестоматіи «*Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum*», содержащее первую главу книги Мертвыхъ по критическому изданію Навилля, булакскій гимнъ Амону и плачь Исиды и Нефтиды въ іероглифической транскрипціи.

Петроградскія египетскія собранія не могли серьезно заинтересовать О. Э. по его возвращеніи изъ-за границы тѣмъ болѣе, что эрмитажные папирусы изучались уже В. С. Голенищевымъ, равно какъ и древне-египетская часть его собственной, тогда еще бывшей въ начальномъ періодѣ своего образованія, коллекціи. Значительную часть интереса свѣжести и новизны потеряли петроградскія собранія и вслѣдствіе того, что самое важное изъ нихъ было, кромѣ папирусовъ, уже описано Либлейномъ. Кое-что О. Э. нашелъ въ частныхъ коллекціяхъ, но и изъ нихъ онъ не призналъ ничего заслуживающимъ изученія и изданія. За то въ Публичной Библіотекѣ его ожидали сокровища коптской письменности, поступившія въ 1853 г. изъ коптскихъ монастырей послѣ третьяго путешествія Тишendorфа. Это были пергаменные листы съ сахидскими и средне-египетскими отрывками изъ св. Писанія, апокрифическихъ дѣяній Апостоловъ, Апокалипсиса Арх. Михаила, житій св. мучениковъ, между прочимъ Виктора, исторія Александрійскихъ патріарховъ. Бохейскія рукописи богослужебныхъ книгъ, гораздо болѣе поздняго происхожденія, но все же цѣнныя, нашлись въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ и въ Институтѣ Восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Коптскій матеріалъ здѣшнихъ собраній затѣмъ значительно увеличился, благодаря приобрѣтеніямъ В. С. Голенищева и экспедиціямъ В. Ю. Бока, предпринятымъ по почину Эрмитажа. Все это ждало изслѣдователя, такъ какъ В. С. Голенищевъ не интересовался коптовѣдѣніемъ, а единственный тогда русскій ученый, который могъ бы этимъ заняться, В. В. Болотовъ, имѣя опредѣленные задачи церковно-историческаго характера, не располагалъ временемъ для работы надъ изданіемъ текстовъ.

Такимъ образомъ О. Э. выпала на долю почетная задача ввести въ научный оборотъ эти долго лежавшія втунѣ богатства и даже подвергавшіяся опасности погибнуть. Безцѣнной заслугой О. Э. было спасеніе ихъ отъ разрушенія. О коптскихъ рукописяхъ Публичной Библіотеки онъ пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Die Handschriften sind leider alle in einem schrecklichen Zustande; sie bestehen abgesehen von einer Anzahl grösserer Stücke aus unzähligen kleinen Stücken, die alle geordnet und an die richtige Stelle gebracht werden müssen. An

¹ Deutsche Literaturzeitung. 1883, 421.

² Literar. Centralblatt. 1884. № 5.

³ Nordisk Revy. Sept. 1884.

manchen Stellen sind die Blätter durchlöchert, an anderen ist die Schrift schon fast erloschen, dazu kommt noch, dass ein guter Theil der Blätter ganz zusammengeschrumpft ist und es oft nicht wenig Mühe kostet etwas aus den Falten herauszulesen. Die Handschriften haben durch langes Liegen und, wie es scheint, früher auch durch das Feuer stark gelitten¹.

Послѣ кропотливаго труда, О. Э. удалось спасти для науки рядъ цѣнныхъ памятниковъ, и уже въ 1883 г. онъ сдѣлалъ о нихъ докладъ на международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Лейденѣ.² Черезъ два года вышло въ Лейпцигѣ автографированное изданіе сахидскихъ тишендорфовскихъ библейскихъ отрывковъ Публичной Библиотеки съ описаніемъ и другихъ коптскихъ рукописей этого собранія³. Въ томъ же году за этимъ послѣдовало изданіе еще семи сахидскихъ библейскихъ фрагментовъ⁴ и девяти средне-египетскихъ текстовъ изъ того же источника⁵. Библейскіе отрывки петроградскихъ и иныхъ собраній бывали неоднократно предметомъ его занятій и въ послѣдующее время⁶.

Болѣе интересныя тексты требовали и болѣе сложныхъ занятій и разысканій, привлеченія параллельнаго матеріала, поисковъ за другими частями тѣхъ же памятниковъ, расчлененныхъ въ видѣ отдѣльныхъ листовъ по музеямъ и библиотекамъ всего міра — вѣдь вся древняя коптская литература дошла до насъ въ истерзанномъ видѣ. О. Э. стремится къ реконструкціи того, что имъ найдено и спасено и окончательно дѣлаетъ своей спеціальностью разработку коптскаго языка и письменности. Житіе Св. Виктора и Апокалипсисъ Арх. Михаила—двѣ темы, къ которымъ онъ непрерывно шелъ и для которыхъ онъ накопилъ огромный матеріалъ. Первую изъ нихъ ему удалось довести до конца, но еще не удалось увидѣть полностью въ печати.

Раньше всѣхъ увидѣли свѣтъ отрывки «Исторіи Патріарховъ»⁷, для которыхъ нашелся восполняющій матеріалъ въ изданныхъ Zoega и Rossi частяхъ того же памятника въ борджанской и туринской рукописяхъ. О. Э. доказалъ, что этотъ памятникъ не исторія патріарховъ, а похвальное слово св. Аонасію Великому; фрагменты извѣстной исторіи патріарховъ Севира Апмунейскаго онъ видитъ въ другой борджанской рукописи (№ 160), которой въ той же работѣ и посвятилъ небольшое изслѣдованіе. Имъ были опредѣлены и мельчайшіе «сиротствующіе» («verwaiste») кусочки изданнаго Росси текста; они составили рядъ новыхъ фрагментовъ похвальнаго слова св. Аонасію⁸.

¹ Bruchstücke der Sahidischen Bibelübersetzung, XVIII.

² Actes du 6 Congrès des orientalistes. Comptes-rendus I, 143 (краткое упоминаніе).

³ Bruchstücke der Sahidischen Bibelübersetzung nach Handschriften der Kaiserl. Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. Lpz. 1885. XXIII + 32.

⁴ Sieben sahidische Bibelfragmente. Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde XXIII (1885), 19 — 22.

⁵ Mittelägyptische Bibelfragmente. Études dédiées à C. Leemans (Leide 1886), 95—102.

⁶ Sahidische Bibelfragmente. I и II Изв. Акад. Наукъ XXIII (1889), 257 — 268. 373 — 381. (Изъ Собр. В. С. Голенищева и Музея Общ. Любит. Древ. Письм.) III Ibid. XXV, (1907); 083 — 0137. (Изъ Собр. Голенищева. Cod. orient. Berol. fol. 1605, Paris. 130⁵, Brit. Mus. Or. 3479 A. Berol. fol. 1348, 1349, 1605, in 8°, № 409.

⁷ Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens. Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, t. XXXVI, № 11.

⁸ Nachtrag z. d. Kopt. Fragm. z. Patriarchengeschichte. Изв. Акад. Наукъ IV, (1896), 237 — 43.

Въ 1890 — 92 гг. были изданы и изслѣдованы О. Э. ниже-сахидскіе отрывки апокрифическихъ дѣяній Апостоловъ Варооломея, Филиппа, Андрея, Маттея, а также Петра и Павла; послѣднія по приобретеннымъ В. С. Голенищевымъ папирусамъ начала V в.¹ Сравненіе съ нѣкоторыми параллельными текстами, напр. эіопскими, дало иногда характерныя для Египта варианты, напр. откликъ культа кобчика въ дѣяніяхъ ап. Филиппа. Такіе пережитки древне-египетской старины всегда интересовали О. Э., который указывалъ на то, что копты въ своихъ агіологическихъ писаніяхъ иногда заимствовали отдѣльныя черты и изъ легендъ объ апостолахъ, и изъ древнихъ мученическихъ актовъ, и изъ преданій языческаго времени². Подобный же пережитокъ онъ хотѣлъ видѣть и въ скитскомъ повѣствованіи о дочеряхъ императора Зинона, сопоставляя его съ извѣстной легендой о чудѣ бога Хонсу въ странѣ «Бехтенъ», рассказанной на «стѣлѣ Бентрейтъ»³. Къ этому же періоду его дѣятельности относится и его докладъ въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ «Коптская легенда о нахожденіи гроба Господня», представляющей, главнымъ образомъ, переводъ изданной Росси туринской легенды. Докладъ пмъ напечатанъ въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Общества»⁴.

Богатый матеріалъ, собранный О. Э. во время заграничной командировки, особенно въ бібліотекахъ Рима, Турина, Неаполя, Пармѣ, постепенно имъ разрабатывался и издавался въ видѣ длиннаго ряда непрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ трудовъ. Этотъ необычайный по интенсивности періодъ научной дѣятельности начался съ изданія двухъ сахидскихъ текстовъ парижской Bibliothèque Nationale, относящихся къ раннему христіанству: отрывковъ изъ житія св. Кипріяна Антиохійскаго (исповѣдь и страданіе)⁵ и апокрифическаго сказанія св. Діонисія Ареопагита⁶ о распятіи Христовѣ, во время котораго онъ наблюдалъ въ Баальбекѣ содроганіе природы, и о проповѣди Ап. Павла въ Афинахъ. Если первый изъ этихъ текстовъ не вноситъ чего либо новаго, такъ какъ повторяетъ то, что извѣстно изъ греческаго, эіопскаго и другихъ житій св. Кипріяна (издатель и напечаталъ подѣ строкой соотвѣтствующія мѣста греческаго текста), то второй является новостью апокрифической литературы.—За этими трудами послѣдовало исчерпывающее изслѣдованіе о немногочисленныхъ и болѣе чѣмъ скромныхъ остаткахъ коптской Александріи⁷, разсѣянныхъ въ видѣ девяти листовъ по бібліотекамъ Пармѣ, Лондона и Берлина. Всѣ прежнія попытки перевода и обработки фрагментовъ, не только Bouriant и Maspero, но даже Cum теперь должны быть признаны совершенно устарѣвшими; О. Э. отнесъ происхожденіе памятника къ VI в., рукопись—къ XI,

¹ Koptische Apokryphe Apostelacten, I, II. Изв. Акад. Наукъ, XXXIII (1890), 509 — 581, XXXV (1892), 233 — 326; 2 фототип. табл.

² Kleine Kopt. Studien, II, 7.

³ Die Geschichte von der Prinzessin Bentreis und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern. Изв. Акад. Наукъ XXXII (1888), 473 — 6.

⁴ т. IV (1889), 1 — 19.

⁵ Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien. Зап. Имп. Акад. Наукъ, VIII, Ист.-фил., IV, № 6, стр. XII — 90. 1899.

⁶ Eine dem Dionysios Areopagita zugeschriebene Schrift Koptischer Sprache. Изв. Акад. Наукъ 1900, 267 — 306. Рукопись XV в. Ред. К. Piehl, Sphinx IV, 44 — 5.

⁷ Der Alexanderroman bei den Kopten. Ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Orient. St. Petersburg. 1903. Стр. XVIII — 161 — 2 табл. Рецензія E. Anderson, Sphinx, IX, 133 — 136.

текстъ восходитъ къ греческому оригиналу, но отличному отъ псевдокаллисто-новскаго; кромѣ того коптскій переводчикъ позволялъ себѣ большую свободу и находился подъ вліяніемъ Библии. Языкъ не чистый сахидскій, а съ примѣсю среднеегипетскаго и со своеобразной орфографіей, что заставило посвятить ему особый этюдъ грамматическаго характера. Одновременно съ Александріей О. Э. обработалъ другой важный памятникъ копто-сахидской письменности, и притомъ одинъ изъ самыхъ позднихъ—XIII или XIV в., а именно странное религиозно-дидактическое произведеніе въ четверостишіяхъ, называемое по своей формѣ (каждые три стиха подъ одну риму, послѣдніе вездѣ на «он») «Триадонъ»¹. Этотъ текстъ, написанный искусственнымъ языкомъ времени упадка, изобилующій насиліями падъ грамматикой и словаремъ въ угоду римѣ, состоялъ изъ 732 четверостишія и дошелъ до насъ въ $\frac{3}{5}$ своего настоящаго состава въ рукописи неаполитанской Национальной бібліотеки. Когда то Zoega издалъ часть его, но безъ арабскаго перевода, который необходимъ для пониманія труднаго и запутаннаго текста. О. Э. далъ полное критическое изданіе сохранившейся части памятника съ арабскимъ переводомъ; послѣднее было исполнено при участіи покойнаго бар. В. Р. Розена. Къ сожалѣнію, обѣщаніе выпустить вторую часть съ нѣмецкимъ переводомъ и комментариемъ покойный не успѣлъ выполнить. Это изданіе особенно важно въ виду того, что «Триадонъ» представляетъ оригинальный памятникъ коптской письменности и, притомъ, относится уже со времени ея заката, обнаруживая вліяніе арабскаго языка.—Послѣднимъ большимъ изданіемъ О. Э. была работа о коптскихъ отрывкахъ актовъ мучениковъ: Феодора Восточнаго, Леонтія аравитявина, Ираклида и Исидора по рукописямъ борджіанскимъ, голенищевскимъ и др. И здѣсь покойному удалось опубликовать только часть собраннаго матеріала². Всѣ эти изданія исполнены съ необычайной тщательностью, можно сказать, съ любовью, проявляющейся даже и въ ихъ внѣшнемъ видѣ. Всѣ они снабжены превосходными указателями и, по большей части, прекрасными фототипическими воспроизведеніями отдѣльныхъ страницъ рукописей.

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ изданій, О. Э. непрерывно обогащалъ науку множествомъ статей, изслѣдованій, замѣтокъ и т. п., которыми онъ или помѣщалъ въ разныхъ юбилейныхъ³ или иныхъ сборникахъ⁴, или постепенно печаталъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ подъ общими заглавіями «Kleine Koptische Studien» и «Koptische Miscellen»⁵, соединяя затѣмъ въ большіе тома-сборники.

¹ Das Triadon. Ein sahidisches Gedicht mit arab. Übersetzung. I. Text. St. P. 1908. XVII + 251 + 3 табл. Рецензія E. Anderson, Sphinx, IX, 131 — 133.

² Bruchstücke Koptischer Märtyrerakten. I—V. Зап. Имп. Акад. Наукъ. XII, № 1. 1903. XII + 84 + 1 табл.

³ Miscellanea Coptica. Aegyptiaca. Festschrift für G. Ebers. 37 — 41. Zwei Koptische Fragmente aus den Festbriefen des heiligen Athanasius. Recueil de travaux redigés en mémoire du jubilé scientifique de M. D. Schwolson (Berl. 1899), 169 — 197. — Два фрагмента борджіанской рукописи изъ 1-го и 25-го пасхальнаго посланія св. Афанасія В.

⁴ Die Thalassios-Legende bei den Kopten. Corpus Hamleticum. Cf. Byzant. Zeitschr. IX (1900), 382 — 387.

⁵ Изв. 1907, 141 — 151, 495 — 510; 1908, 56 — 72, 191 — 208, 589 — 605, 1067 — 1089, 1323 — 1354; 1909, 341 — 364, 393 — 404; 1910, 61 — 86, 169 — 185, 347 — 370, 1097 — 1128, 1461 — 1468; 1911, 327 — 348, 453 — 468, 927 — 940, 1135 — 1158, 1237 — 1266; 1912, 163 — 180, 517 — 529; 1913, 533 — 554, 627 — 638; 1914, 485 — 513, 525 — 540, 915 — 934; 1915, 205, 226.

Съ 1899 года онъ напечаталъ 58 статей, какъ «Kleine Koptische Studien»¹ составившихъ большой томъ и два выпуска и 150 «Miscellen» въ двухъ томахъ. Это былъ какъ бы единоличный органъ по коптовѣдѣнію, въ которомъ О. Э., не откладывая до большого исчерпывающаго изданія, сообщалъ свои наблюденія надъ коптскими текстами, свои лексическія и грамматическія изысканія, конъектуры, восстановленія текстовъ, замѣчанія по поводу изданій, выходявшихъ за это время. Ни одна работа по коптовѣдѣнію не проходила мимо его критики, которая, при всей корректности тона, нерѣдко была беспощадна... «Im Laufe der letzten zwanzig Jahre sind nicht wenige Koptische Texte herausgegeben und übersetzt worden, doch können lange nicht alle den Anspruch erheben, grossen Nutzen gebracht zu haben. Ebenso wie auf dem Gebiete des hieroglyphischen ist auch auf dem Gebiete des Koptischen nicht wenig gesündigt worden. Es ist aber die höchste Zeit, dass auch hier mit dem alten Sauertheige aufgeräumt² werde» — такъ вы справедливыя слова строгой филологической школы, представителя того поколѣнія египтологовъ, которое дало Эрмана, Штейндорфа и ихъ учениковъ, усиленно ведущихъ свою науку къ акрибіи классической филологіи. О. Э. неуклонно проводилъ эту программу въ своихъ работахъ, исправляя плохія изданія, очищая тексты, осторожно, остроумно и убѣдительно восстанавливая ихъ изъ жалкихъ остатковъ строкъ и словъ и возвращая наукѣ. И здѣсь ему помогало, между прочимъ, хорошее знаніе Библии и необычайное терпѣніе въ поискахъ. Онъ неоднократно указывалъ на то, что безъ этихъ качествъ нечего приниматься за работу надъ коптскими текстами. Къ этому, конечно, необходимо прибавить, что слѣдуетъ обладать дѣйствительнымъ знаніемъ коптскаго языка и что такое знаніе его, какимъ отличался покойный, принадлежитъ къ числу исключительныхъ явленій — онъ понималъ и чувствовалъ всѣ тонкости этого языка, его грамматики и лексики.

Кромѣ мелкихъ замѣтокъ грамматическаго и лексическаго характера, кромѣ замѣчаній къ текстамъ и разборовъ изданій ихъ, въ сборникахъ мы находимъ и крупныя работы, лишь по недоразумѣнію причисленныя къ «Kleine Studien». Такъ вы, напр., этюды: XVIII. «Bemerkungen zum koptischen Kambyses-Roman», XLIII «Zu einer Rede des Athanasius», XLV «Bemerkungen zu einigen Werken des Schenute». LVI «Zu einem Encomium auf den hl. Claudius». LVII. «Zu einem Encomium auf den hl. Athanasius». Первый, кромѣ многочисленныхъ текстуальныхъ замѣчаній къ памятнику, открытому и изданному Шеферомъ, кромѣ исправленій переводовъ, касается характера и источниковъ «романа о Камбизѣ». Онъ высказываетъ мнѣніе, что авторомъ былъ пламенный египетскій патриотъ, начитанный въ Библии, особенно хорошо знавшій пророка Іеремію, знакомый съ классиками, напр. Геродотомъ и Ксенофонтomъ. Самое произведеніе не столько романъ о покореніи Египта, сколько похвальное слово египетскому народу. Онъ даетъ послѣ Пунтона и Эрмана новое доказательство въ пользу знакомства коптовъ съ греческой классической литературой. Другія большія работы, комбинируя собранный О. Э. матеріалъ съ изданнымъ, восстанавливаютъ большія части важныхъ памятниковъ святоотеческой и житійной литературы; въ послѣднемъ онъ снова возвращается къ старой темѣ о похвальномъ словѣ св. Афанасію

¹ Изв. Акад. Наукъ X (1899), 403—434. XIII (1900), 1—163. XIV (1901), 289—313. XXI (1904), 041—0289. XXV (1906), 01151—0193. Записки Имп. Акад. Наукъ. VIII, № 12 (1908), стр. 68. XI № 4 (1912), стр. 146 + 3 табл.

² Alexanderroman, XVI.

Христіанскій Востокъ.

В., для воссозданія котораго матеріалъ успѣлъ въ значительной степени увеличиться. Не будемъ останавливаться на многихъ другихъ, болѣе мелкихъ статьяхъ того же характера, столь же важныхъ не только для коптовѣда, но и для изслѣдователя древнехристианской письменности вообще, упомянемъ только объ этюдѣ IX «Zur Geschichte der Bekehrung der Iberer zum Christenthume», развитіемъ котораго было изслѣдованіе «Iberica»¹. Здѣсь авторъ указываетъ на хорошую взаимную освѣдомленность коптовъ и грузинъ, обусловленную іерусалимскими сношеніями, собираетъ соответствующій матеріалъ съ возможной полнотою и доказываетъ, что настоящимъ именемъ св. Нины было Θεογνοστα, Нина же является нарицательнымъ поименіемъ—*ἰβερική*. Этюдъ IV собираетъ въ коптской письменности свѣдѣнія объ Индіи и т. п.

Труды О. Э. доставили ему почетное имя во всемъ ученомъ мірѣ и вызвали рядъ въ высшей степени благопріятныхъ отзывовъ въ ученыхъ изданіяхъ. Еще въ 1903 г. Seymour de Ricci посвятилъ его ученой дѣятельности специальную статью². Масперо въ рецензій на *Kleine Koptische Studien* говоритъ, напр., слѣдующее: «M. de Lemm est sans contredit le mieux armé et le plus doué de sens critique de tous les savants qui depuis vingt ans se sont occupés de la dernière forme de la langue égyptienne. Non seulement il connaît ses textes à merveille, quand même ils sont encore cachés dans les bibliothèques les plus lointaines de l'Europe, mais il les manie avec une habileté et une sûreté de méthode qui n'est qu'à lui. C'est plaisir de lui voir prendre un passage incomplet, ou mal publié, ou qui contient des mots absents du dictionnaire, puis, le restituer, le redresser, réunir des exemples en quantité et en tirer le sens qui avait échappé à ses prédécesseurs. Si l'on voulait lui adresser un reproche, ce serait peut-être de ne pas savoir s'arrêter à temps et de continuer son explication quand elle est déjà plus que suffisante à prouver sa thèse, mais dans un domaine aussi inexploité encore qui oserait dire qu'une démonstration est vraiment trop longue?»³... Покойный шведскій египтологъ Karl Piehl въ своей рецензій на одинъ изъ его трудовъ пишетъ, что онъ «mérit de servir de modèle à quiconque est désireux d'apprendre comment on doit s'y prendre, lorsqu'il s'agit de composer un ouvrage de philologie copte»⁴.

Будучи большой ученой силой международнаго значенія, О. Э. и для русской науки оказалъ существенныя услуги, хотя только двѣ изъ своихъ статей написалъ на русскомъ языкѣ⁵. Онъ былъ первымъ у насъ университетскимъ египтологомъ и, несмотря на свою кратковременную преподавательскую дѣятельность, успѣлъ укоренить въ петроградскомъ, а чрезъ него и въ другихъ русскихъ университетахъ традиціи нашей науки, и притомъ въ то время, когда интересъ къ той области научнаго знанія былъ еще у насъ ничтожный, когда

¹ Зап. Акад. Наукъ, VII (1906), № 6. Рецензія Anderson, Sphinx, X, 35 — 38.

² Les études Coptes en Russie et les travaux de M. von Lemm. Revue Archéologique 1903, II, 302 — 318.

³ Revue Critique 1905, 323 — 4. Ср. *ibid.* 1907, 124. 1913, 403 — 4.

⁴ Sphinx, 4, 45.

⁵ Кромѣ указаннаго реферата «Коптская легенда о нахожденіи Гроба Господня» онъ помѣстилъ еще текстъ къ цвѣтной таблицѣ изъ коптской рукописи съ миниатюрами, изданной Московскимъ Музеемъ Изыщныхъ Искусствъ (б. колл. Голенищева), подъ заглавіемъ: Отрывокъ изъ посланія ап. Іакова на коптскомъ языкѣ. Изъ собр. В. С. Голенищева № 4786. Памятники Музея Изыщныхъ Искусствъ. I, 59, табл. X. См. еще его замѣчанія по поводу нашего доклада въ Русск. Археол. Общ. о препод. Кирѣ. Зап. Восточн. Отд. XV, XVIII.

занятія египтологіей считались чуть ли не чудачествомъ, если не чѣмъ либо худшимъ и когда даже въ ежедневной печати могли появляться подписанныя людьми, причастными наукѣ, статьи, въ которыхъ съ пренебреженіемъ говорилось, что въ университетѣ могутъ находиться и охотники заниматься египетскими іероглифами... Но не на одной университетской кафедрѣ О. Э. былъ представителемъ своей науки въ Россіи—все мы были свидѣтелями его неутомимой, болѣе чѣмъ тридцатилѣтней дѣятельности въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, учрежденіи, столь дорогомъ и близкомъ сердцу каждаго русскаго ориенталиста, порядокъ, богатство, гостепрѣимство и уютность котораго въ значительной мѣрѣ были обусловлены личностью и дѣятельностью покойнаго. Для благоустройства музея онъ не тяготился никакой работой, хотя бы она и не всегда, казалось, соотвѣтствовала ученому, и притомъ съ такимъ именемъ, какое было у него. Благодаря его стараніямъ, отдѣлы классическаго и христіанскаго Востока стоятъ въ Музеѣ на должной высотѣ. Наконецъ, сколько ученыхъ и не ученыхъ обращалось въ стѣнахъ Музея за совѣтомъ и справками къ О. Э. и сколько научныхъ свѣдѣній такимъ путемъ ему пришлось распространить. Отмѣтимъ еще одну черту научной дѣятельности покойнаго. Въ своихъ многочисленныхъ работахъ онъ привлекалъ и русскій и вообще славянскій матеріалъ и указывалъ на русскую ученую литературу, косвенно давая понять необходимость знанія того и другой для занимающихся письменностью христіанскаго Востока.

Ученое наслѣдство покойнаго чрезвычайно богато. Послѣ него осталось множество копій коптскихъ и эоіопскихъ рукописей, сдѣланныхъ съ оригиналовъ въ библіотекахъ Берлина, Парижа, Лондона, Неаполя, Турина, собраній б. Голенищевскаго и Лихачевскаго, фотографіи различныхъ коптскихъ текстовъ, нѣсколько вполне законченныхъ работъ и огромное количество замѣтокъ. Такъ, имъ вполне приготовлены къ печати изслѣдованія о легендѣ объ обрѣтеніи гроба Господня, бывшей темой его доклада въ Археологическомъ Обществѣ, о коптскомъ переводѣ творенія Епифанія о 12 камняхъ, объ алхимическомъ заклинаніи, о страданіи Ап. Симона, замѣтки къ новому изданію коптскихъ текстовъ Budge, изданіе двухъ похвальныхъ словъ Іоанну Крестителю, серія новыхъ Koptische Miscellen и т. д. Весь этотъ матеріалъ, обогатившій Азіатскій Музей, требуетъ многихъ лѣтъ для изданія и разработки.

Б. Тураевъ.

В., для возсозданія котораго матеріалъ успѣлъ въ значительной степени увеличиться. Не будемъ останавливаться на многихъ другихъ, болѣе мелкихъ статьяхъ того же характера, столь же важныхъ не только для коптовѣда, но и для изслѣдователя древнехристіанской письменности вообще, упомянемъ только объ этюдѣ IX «Zur Geschichte der Bekehrung der Iberer zum Christenthume», развитіемъ котораго было изслѣдованіе «Iberica»¹. Здѣсь авторъ указываетъ на хорошую взаимную освѣдомленность коптовъ и грузинъ, обусловленную іерусалимскими сношеніями, собираетъ соотвѣтствующій матеріалъ съ возможной полнотою и доказываетъ, что настоящимъ именемъ св. Нины было Θεογνοστα, Нина же является нарицательнымъ ποππα=ἰβήρα. Этюдъ IV собираетъ въ коптской письменности свѣдѣнія объ Индіи и т. п.

Труды О. Э. доставили ему почетное имя во всемъ ученомъ мірѣ и вызвали рядъ въ высшей степени благопріятныхъ отзывовъ въ ученыхъ изданіяхъ. Еще въ 1903 г. Seymour de Ricci посвятилъ его ученой дѣятельности специальную статью². Масперо въ рецензій на *Kleine Koptische Studien* говоритъ, напр., слѣдующее: «M. de Lemm est sans contredit le mieux armé et le plus doué de sens critique de tous les savants qui depuis vingt ans se sont occupés de la dernière forme de la langue égyptienne. Non seulement il connaît ses textes à merveille, quand même ils sont encore cachés dans les bibliothèques les plus lointaines de l'Europe, mais il les manie avec une habileté et une sûreté de méthode qui n'est qu'à lui. C'est plaisir de lui voir prendre un passage incomplet, ou mal publié, ou qui contient des mots absents du dictionnaire, puis, le restituer, le redresser, réunir des exemples en quantité et en tirer le sens qui avait échappé à ses prédécesseurs. Si l'on voulait lui adresser un reproche, ce serait peut-être de ne pas savoir s'arrêter à temps et de continuer son explication quand elle est déjà plus que suffisante à prouver sa thèse, mais dans un domaine aussi inexploré encore qui oserait dire qu'une démonstration est vraiment trop longue?»³... Покойный шведскій египтологъ Karl Piehl въ своей рецензій на одинъ изъ его трудовъ пишетъ, что онъ «mérit de servir de modèle à quiconque est désireux d'apprendre comment on doit s'y prendre, lorsqu'il s'agit de composer un ouvrage de philologie copte»⁴.

Будучи большой ученой силой международнаго значенія, О. Э. и для русской науки оказалъ существенныя услуги, хотя только двѣ изъ своихъ статей написалъ на русскомъ языкѣ⁵. Онъ былъ первымъ у насъ университетскимъ египтологомъ и, несмотря на свою кратковременную преподавательскую дѣятельность, успѣлъ укоренить въ петроградскомъ, а чрезъ него и въ другихъ русскихъ университетахъ традиціи нашей науки, и притомъ въ то время, когда интересъ къ той области научнаго знанія былъ еще у насъ ничтожный, когда

¹ Зап. Акад. Наукъ, VII (1906), № 6. Рецензія Anderson, Sphinx, X, 35 — 38.

² Les études Coptes en Russie et les travaux de M. von Lemm. Revue Archéologique 1903, II, 302 — 318.

³ Revue Critique 1905, 323 — 4. Ср. ibid. 1907, 124. 1913, 403 — 4.

⁴ Sphinx, 4, 45.

⁵ Кромѣ указаннаго реферата «Коптская легенда о нахожденіи Гроба Господня» онъ помѣстилъ еще текстъ къ цвѣтной таблицѣ изъ коптской рукописи съ миниатюрами, изданной Московскимъ Музеемъ Изящныхъ Искусствъ (б. колл. Голенищева), подъ заглавіемъ: Отрывокъ изъ посланія ап. Іакова на коптскомъ языкѣ. Изъ собр. В. С. Голенищева № 4786. Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ. I, 59, табл. X. См. еще его замѣчанія по поводу нашего доклада въ Русск. Археол. Общ. о препод. Кирѣ. Зап. Восточн. Отд. XV, XVIII.

занятія египтологіей считались чуть ли не чудачествомъ, если не чѣмъ либо худшимъ и когда даже въ ежедневной печати могли появляться подписанныя людьми, причастными наукѣ, статьи, въ которыхъ съ пренебреженіемъ говорилось, что въ университетѣ могутъ находиться и охотники заниматься египетскими іероглифами... Но не на одной университетской кафедрѣ О. Э. былъ представителемъ своей науки въ Россіи—всѣ мы были свидѣтелями его неутомимой, болѣе чѣмъ тридцатилѣтней дѣятельности въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, учрежденіи, столь дорогомъ и близкомъ сердцу каждаго русскаго ориенталиста, порядокъ, богатство, гостепріимство и уютность котораго въ значительной мѣрѣ были обусловлены личностью и дѣятельностью покойнаго. Для благоустройства музея онъ не тяготился никакой работой, хотя бы она и не всегда, казалось, соответствовала ученому, и притомъ съ такимъ именемъ, какое было у него. Благодаря его стараніямъ, отдѣлы классическаго и христіанскаго Востока стоятъ въ Музеѣ на должной высотѣ. Наконецъ, сколько ученыхъ и не ученыхъ обращалось въ стѣнахъ Музея за совѣтомъ и справкамъ къ О. Э. и сколько научныхъ свѣдѣній такимъ путемъ ему пришлось распространить. Отмѣтимъ еще одну черту научной дѣятельности покойнаго. Въ своихъ многочисленныхъ работахъ онъ привлекалъ и русскій и вообще славянскій матеріалъ и указывалъ на русскую ученую литературу, косвенно давая понять необходимость знанія того и другой для занимающихся письменностью христіанскаго Востока.

Ученое наслѣдство покойнаго чрезвычайно богато. Послѣ него осталось множество копій коптскихъ и эіопскихъ рукописей, сдѣланныхъ съ оригиналовъ въ бібліотекахъ Берлина, Парижа, Лондона, Неаполя, Турина, собраній б. Голенищевскаго и Лихачевскаго, фотографій различныхъ коптскихъ текстовъ, нѣсколько вполне законченныхъ работъ и огромное количество замѣтокъ. Такъ, имъ вполне приготовлены къ печати изслѣдованія о легендѣ объ обрѣтеніи гроба Господня, бывшей темой его доклада въ Археологическомъ Обществѣ, о коптскомъ переводѣ творенія Епифанія о 12 камняхъ, объ ахмимскомъ заклинаніи, о страданіи Ап. Симона, замѣтки къ новому изданію коптскихъ текстовъ Budge, изданіе двухъ похвальныхъ словъ Іоанну Крестителю, серія новыхъ Кортиске Miscellen и т. д. Весь этотъ матеріалъ, обогатившій Азіатскій Музей, требуетъ многихъ лѣтъ для изданія и разработки.

Б. Тураевъ.

Случай, часто бывающій изумительнымъ, сдѣлалъ то, что я занимался армянскимъ терминомъ, названіемъ созвѣздія «трехъ маговъ», когда мнѣ вручили письмо отъ 24-го іюня 1919 г. изъ Тифлиса о смерти трехъ моихъ учениковъ, въ томъ числѣ и I. A. Кипшидзе. Кавказовѣднѣй небосклонъ не великъ, еще менѣе обширенъ онъ въ перспективѣ нашей школы, и я нисколько не смущаюсь на такомъ маломъ небосклонѣ, далеко не насчитывающемъ полноты созвѣздій, далеко вообще не звѣздномъ, и мелкія свѣтлыя точки приравнять къ свѣтлѣамъ. Для насъ, ищущихъ утѣшенія больше въ предпріятіяхъ будущихъ, чемъ стяжаніяхъ прошлаго, три покойныхъ работника были тремя звѣздами изъ пояса Оріона.

Случайно, конечно, совпаденіе ихъ смерти.

Смерть двухъ молодыхъ грузиновѣдовъ не имѣетъ какъ будто особаго отношенія къ смерти старшаго изъ почившихъ — I. A. Кипшидзе, развѣ она нарушаетъ и то, что казалось достаточно жизненно оправдываемымъ въ стихѣ Шоты изъ Рустава — «Встрѣчу устроить въ концѣ Земля юношамъ со старцами»: тутъ всѣ молодые, и старшій между ними I. A. Кипшидзе далеко былъ отъ грани старости; ему не было и сорока лѣтъ.

Однако I. A. Кипшидзе, несомнѣнно, былъ причиной или поводомъ къ тому, что къ кавказовѣдѣнію приобщился его младшій братъ, Д. A. Кипшидзе, тутъ по связи крови, по семейной связанности, да и С. Ломія, тутъ уже по кровной связи адепта съ предметомъ спеціальнаго изученія I. A. Кипшидзе — мегрельскимъ языкомъ; С. Ломія былъ мегрель.

С. Ломія былъ самымъ молодымъ изъ трехъ лишь въ качествѣ питомца Петербургскаго Университета. До вступленія его въ учащуюся среду Ломія учительствовалъ въ сельской школѣ. Онъ не былъ первымъ въ этомъ отношеніи: такова была жизненная школа и Вукола Беридзе, и изъ этой школы, со слабымъ еще тогда здоровьемъ, и тогда еще носившій въ себѣ болѣзнь, унесшую его въ могилу, скромный, спокойный, тихогласный Ломія настойчиво работалъ, методически принадавая въ Петроградскомъ Университетѣ ко всему тому,

¹ Эти нѣсколько словъ памяти почившихъ моихъ учениковъ были прочитаны въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества, членомъ котораго состоялъ I. A. Кипшидзе.

что удавалось нашему бывшему факультету восточныхъ языковъ, да и не одному нашему факультету, давать по части кавказовѣдѣнія или соприкасающихся съ нимъ наукъ. По окончаніи курса, владѣя въ достаточной для начинающаго работника мѣрѣ знаніемъ и грузинскаго, и армянскаго языковъ, онъ по своей инициативѣ занялся діалектическими изысканіями въ той живой средѣ мѣшаннаго населенія ахалцихскаго уѣзда, гдѣ исконная грузинская и исконная армянская рѣчь, да вполсѣдствіи впесенная турецкая и еще позднѣе вторично армянская рѣчь, не способствуютъ уясненію національныхъ межъ, а скорѣе заметаютъ слѣды дѣйствительныхъ межплеменныхъ демаркаціонныхъ линій. С. Ломія въ эту среду былъ направленъ не научной командировкой и не академической работой, а политической пропагандой, какъ партійный дѣятель: онъ былъ грузинскимъ социалистомъ-федералистомъ, и тѣмъ болѣе ему чести, что въ захватывавшей его политической борьбѣ онъ не упускалъ изъ виду научныхъ интересовъ, усвоенныхъ имъ въ пониманіи петроградской школы. Какъ живой стоить онъ передо мною, когда въ іюлѣ 1917-го года въ одной изъ комнатъ гостиницы «Сѣверные номера», въ Тифлисѣ, явившись подѣлиться своими наблюденіями по посѣщенному имъ Ахалцихскому, да и Ахалкалакскому околотку, тихо, но съ увлеченіемъ энтузіаста дешифровалъ сокращенно занесенные имъ въ дневникъ лингвистическіе и археологическіе факты. Сообщенія его послужили лишнимъ стимуломъ, чтобы маршрутъ мой изъ Тифлиса въ Ани, вопреки привычкѣ пользоваться обычнымъ короткимъ желѣзнодорожнымъ путемъ по Карсской дорогѣ, направить на лошадяхъ черезъ Вержомъ, Ахалцихъ, Ахалкалакъ и т. д. Для меня его устный докладъ сдѣлалъ вполне яснымъ, что въ Ломіа мы имѣемъ работника, способнаго не только подмѣчать въ натурѣ любопытные факты, но и производить научно важные наблюденія, да и самостоятельно намѣчать построенія, къ которымъ они клоняты. Потому естественно, что, не располагая лично достаточнымъ временемъ для предполагавшихся мною работъ по грузинскимъ говорамъ въ указанномъ районѣ, гдѣ господствовала нѣкогда месхійская грузинская рѣчь — *par excellence* литературная, и древняя, средневѣковая (достаточно сказать, что это рѣчь поэта Шоты изъ Рустава), я спокойно передовѣрилъ ему исполненіе намѣчавшейся мной въ общихъ чертахъ для себя программы, предоставивъ ему свободу въ конкретизаціи отдѣльныхъ заданій. Съ этой лингвистической программой онъ былъ первымъ, получившимъ научную командировку отъ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института. Отчетная работа его по командировкѣ хранится въ названномъ Институтѣ, какъ то сообщаетъ Г. Н. Чубиновъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что еще въ первыхъ попутныхъ своихъ наблюденіяхъ Ломіею было обращено вниманіе на Мурджахетскую стелу близъ Ахалкалака, въ описаніи Ростомова и въ опредѣленіи Е. С. Такайшвили (какъ чаллъ) вызывавшую сомнѣніе покойнаго Я. И. Смирнова и подозрѣніе, не имѣемъ ли въ ней вишапа. Совершенно ясно описанные и сопровождаемые рисункомъ ея детали въ первомъ, еще устномъ, докладѣ о личной его, Ломіи, поѣздкѣ меня убѣдили, что въ памятникѣ мы дѣйствительно должны имѣть дѣло съ вишапомъ. Въ дальнѣйшемъ это подтвердилось при личномъ осмотрѣ (стела оказалась пара), и, такимъ образомъ, благодаря покойному Ломіи днемъ раньше установилось, что районъ распространенія вишаповидныхъ стелъ не ограничивался Гехамскимъ горамъ въ Эриванской губерніи, доходя на сѣверо-западъ до верхняго теченія Куры, до Ахалкалака.

Я. И. Смирновъ въ моей памяти тѣсно связанъ и со спеціальнымъ направлениемъ, которое приняли работы Д. А. Кипшидзе—археологическія. Еще въ 1914-мъ году Д. А. Кипшидзе былъ однимъ изъ трехъ, которымъ было мною довѣрено производство раскопокъ въ селѣ Мурѣ (Mur-i), у вратъ Сваніи, въ поискахъ мѣста погребенія Максима Исповѣдника: это были Н. Н. Тихоновъ, (убитый у Карпатъ въ великой войнѣ, 14-го мая 1915-го года), прошедшій техническую школу по производству раскопокъ въ Ани и въ то же время искусный исполнитель фотографическихъ снимковъ археологическаго матеріала, Е. Д. Мпкеладзе, грузиновѣдъ, принявшій годомъ раньше, именно въ 1913-мъ году, участіе въ анійскихъ раскопкахъ, и Д. А. Кипшидзе, которому было поручено осмотромъ близлежащихъ памятниковъ и опросомъ окрестнаго населенія найти для освѣщенія древностей въ Мурѣ опоры плп пережиточные ихъ самихъ отклики въ мѣстныхъ памятникахъ матеріальной культуры и мѣстныхъ народныхъ преданійхъ. Порученіе было выполнено съ добросовѣстностью, со скрупулезностью стараго опытнаго филолога (Е. Д. Мпкеладзе тогда было списано житіе Максима Исповѣдника по цѣнному тексту Мартвильской рукописи въ Мегрелии X-го вѣка). Д. А. Кипшидзе мнѣ казался болѣе по расположенію своему и подготовкѣ призваннымъ работать въ области письменныхъ плп устныхъ литературно-филологическихъ изысканій. Но на государственномъ экзаменѣ у Я. И. Смирнова на меня произвели впечатлѣніе продуманные и совершенно зрѣло научно формулированные отвѣты Д. А. Кипшидзе на задававшіеся ему вопросы по Уплис-цыхскимъ пещерамъ, въ рисункахъ Dubois. Въ 1915-мъ году Д. А. Кипшидзе былъ приглашенъ мною въ Ани для описанія пещерныхъ построекъ средневѣковаго армянскаго городища. Д. А. Кипшидзе и въ этотъ разъ съ избыткомъ оправдалъ оказанное ему довѣріе. О результатахъ его анійскихъ работъ я имѣлъ честь обстоятельно докладывать въ Восточномъ Отдѣленіи въ одномъ изъ отчетовъ объ анійскихъ кампаніяхъ. Плодъ кропотливыхъ настойчивыхъ его работъ, въ видѣ весьма толстой рукописи, снабженной фотографическими снимками, лежитъ у насъ здѣсь въ Петроградѣ, въ архивѣ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института. Мы всѣ, бывшіе въ Ани, были свидѣтели, какъ не щадя силъ, не жалѣя себя, Д. А. Кипшидзе, страдавшій туберкулезомъ, съ точностью хронометра выполнялъ дневныя заданія своей обширной работы. Когда у меня возникла мысль, восполнить изслѣдованіе использованныхъ въ средніе вѣка для современнаго христіанско-культурнаго строительства пещерныхъ помѣщеній описаніемъ Вардзійскихъ пещеръ въ Грузіи, близъ Ахалкалака, и это предпріятіе сдѣлать однимъ изъ первыхъ въ работахъ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института, мнѣ казалось, что лучшаго исполнителя я не могу найти, какъ описатель пещерныхъ помѣщеній Ани, и Д. А. Кипшидзе былъ командированъ Кавказскимъ Историко-Археологическимъ Институтомъ вмѣстѣ со спеціальнымъ фотографомъ. Онъ былъ командированъ одновременно съ Ломіа, вмѣстѣ съ Ломіа, и вмѣстѣ съ отчетной работой Ломіа хранится и отчетная работа Д. А. Кипшидзе въ Тифлисѣ въ Кавказскомъ Историко-Археологическомъ Институтѣ, какъ пишетъ Г. Н. Чубиновъ.

Д. А. Кипшидзе былъ захваченъ Вардзійскими пещерами. Его письма, получавшіеся мною въ Ани, были большимъ удовлетвореніемъ, внушавшимъ не только увѣренность въ успѣшности данной задачи по Вардзії, но и въ получении работника спеціалиста вообще по средневѣковымъ пещернымъ постройкамъ

Кавказа. Однако, Д. А. Кипшидзе отнюдь не терялъ интереса къ литературно-филологическимъ изысканіямъ. Заявившій себя еще на студенческой скамьѣ серьезнымъ отношеніемъ къ грузино-палестинскимъ разысканіямъ, когда изданный мною синодикъ Крестнаго монастыря былъ сдѣланъ предметомъ ряда докладовъ слушавшихъ одновременно лекціи по грузинскому языку и грузинской литературѣ Блейка, Ломія, Д. А. Кипшидзе, я передалъ Д. А. Кипшидзе мой списокъ житій грузинскихъ дѣятелей въ Палестинѣ для подготовки текста къ изданію и русскаго перевода. И здѣсь я имѣлъ лишній случай убѣдиться въ большой скрупулезности молодого работника, волновавшагося, что или въ переводѣ или въ подлинномъ текстѣ что либо имъ недосмотрѣно, что либо ускользнуло отъ его вниманія, и бравшаго не разъ готовую работу для пересмотра. Сейчасъ работа эта цѣликомъ набрана, давно набрана (всего 17 гранокъ Христіанскаго Востока), и давно была бы сверстана, напечатана и издана, если бы не переживаемые нами типографскія условія. Д. А. Кипшидзе, не чуждый родныхъ національныхъ интересовъ, по складу своего характера былъ типичнымъ ученымъ работникомъ, находившимъ полноту жизненнаго своего удовлетворенія въ научныхъ занятіяхъ.

Того же склада по существу былъ и І. А. Кипшидзе, со смертью котораго престарѣлый отецъ, священникъ, лишился единственной поддержки и остались вдова его самого съ малолѣтними дѣтьми. Если бы не семейныя обстоятельства и совершенно справедливыя опасенія одинаковыхъ трудностей для семьи пережить наступившія условія вмѣстѣ съ нимъ въ Петроградѣ или въ разлукѣ съ нимъ въ Тифлисъ, І. А. Кипшидзе остался бы въ нашихъ рядахъ на своемъ посту ученаго работника, призваннаго углублять свою спеціальность отстаивать ея далеко не всѣми въ научномъ мірѣ признанные права все той же научной работой, онъ несъ бы вмѣстѣ съ нами всѣ тяготы петроградскаго сидѣнія ученыхъ.

Лишь по общественной средѣ, въ которой І. А. Кипшидзе росъ, онъ увлекаемъ былъ политическими интересами. Жизнь Кавказа была такова, что уроженецъ его безъ политическаго интереса, притомъ политическаго интереса съ національнымъ уклономъ, такъ же былъ бы не реалистъ, какъ въ настоящихъ нашихъ условіяхъ жизнь безъ спекулянтовъ.

І. А. Кипшидзе былъ воспитанникъ той православной семинаріи въ Кутаисѣ, которую впоследствии властямъ пришлось закрыть, такъ какъ каждое серьезное просвѣтительное учрежденіе въ переживавшихся на Кавказѣ условіяхъ являлось источникомъ пониманія ихъ несносности и необходимости ихъ упразднить. Большинство грузинскихъ дѣятелей социаль-демократической партіи происходило изъ грузинъ-имерцевъ и грузинъ-гурійцевъ, и добрая часть ихъ, особенно работавшихъ въ сельскомъ населеніи, въ самыхъ глухихъ углахъ Грузіи, была изъ питомцевъ Кутаисской семинаріи. І. А. Кипшидзе, также изъ грузинъ-имерцевъ, также воспитанникъ духовной семинаріи въ Кутаисѣ, не могъ избѣгнуть той же жизненной школы. Одно время, спасаясь отъ полицейскаго надзора, вынужденъ былъ провести зимніе мѣсяцы, полные лишеній, въ Сваніи, нестерпимой по условіямъ жизни именно зимой, гдѣ въ реальной средѣ І. А. Кипшидзе очень еще молодымъ, по всей видимости, пришлось по своему передумать объ усвоенныхъ имъ пропагандой идеяхъ.

Интересъ къ нимъ однако І. А. Кипшидзе сохранялъ и въ Петербургѣ въ первые годы студенчества, когда за присутствіемъ изъ любопытства на неле-

гальномъ собраніи въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ, І. А. Кипшидзе былъ высланъ на Кавказъ безъ права вернуться въ столицу; будучи студентомъ физико-математическаго факультета по естественному отдѣленію, І. А. Кипшидзе усердно посѣщалъ наши лекціи и успѣшно занимался и по грузинскому, и по армянскому языкамъ; это знаніе личное І. А. Кипшидзе по лекціямъ мнѣ дало возможность вступить за него, и ректору удалось добиться разрѣшенія для І. А. Кипшидзе вернуться на короткій срокъ въ Петербургъ, чтобы онъ могъ сдать экзамены и зачетныя работы по физико-математическому факультету, и затѣмъ простииться съ нашимъ Университетомъ. Была еще надежда дальше хлопотать ему право на прожительство въ Петербургъ, какъ студенту, занимавшемуся на факультетѣ восточныхъ языковъ. Не знаю, сдалъ ли онъ свои экзамены или зачетныя работы по возвращеніи въ Петербургъ, но по приѣздѣ въ Петербургъ І. А. Кипшидзе съ физико-математическаго факультета перешелъ на факультетъ восточныхъ языковъ, и про него забыла бдительная полиція.

І. А. Кипшидзе кавказовѣдныя занятія свои по переходѣ на факультетъ восточныхъ языковъ повелъ совершенно сознательно и продуманно въ смыслѣ плана, какъ лингвистъ, и вскорѣ, еще студентомъ, онъ могъ быть призванъ къ сотрудничеству въ началѣ тогда предпріятіи по изслѣдованію яфетическихъ языковъ шпипацей группы, въ то время именованной «тубал-каинской». Въ 1909-мъ году въ вакаціонное время онъ былъ командированъ факультетомъ восточныхъ языковъ въ Мегрелію уже «для продолженія изученія на мѣстѣ мингрельскаго языка». Тогда еще І. А. Кипшидзе имѣлъ попутное порученіе «собрать дополнительные матеріалы по чанскому языку въ Русскомъ Лазистанѣ», и тогда еще послѣ совершенныхъ имъ уже лингвистическихъ экскурсій по Мегреліи располагалъ результатами въ видѣ «грамматикъ мингрельскаго языка, мингрело-русскаго словаря и хрестоматіи», въ процессѣ подготовки для изданія, какъ писалъ онъ въ предисловіи работы о чхальскомъ говорѣ, озаглавленной «Дополнительныя свѣдѣнія о чанскомъ языкѣ (пѣз лингвистической экскурсії въ Русскій Лазистанъ, Пет. 1911). Это являлось необходимымъ, не терпѣвшимъ отлагательства дополненіемъ къ моей грамматикѣ чанскаго языка.

По части обработки грамматики живой рѣчи І. А. Кипшидзе былъ большой мастеръ, какъ то можно видѣть по литографированной грамматикѣ грузинскаго языка въ серіи курсовъ кавказскихъ туземныхъ языковъ для кандидатовъ на судебныя должности Министрства Юстиціи (Пб. 1911). Мнѣ пришлось нѣсколько разъ быть на его лекціяхъ для посѣтителей названныхъ курсовъ, и вполне понимаю, почему слушавшіе его студенты и въ Университетѣ высоко цѣнили его преподавательскій талантъ.

І. А. Кипшидзе, отойдя совершенно отъ политическихъ интересовъ къ научнымъ, сохранилъ свое социаль-демократическое, тогда и на Кавказѣ отнюдь не окрашенное націонализмомъ настроеніе. Этому помогалъ и характеръ спеціальныхъ лингвистическихъ его занятій, и вообще факультетская или университетская, пропитанная научными интересами атмосфера Петербурга. Уже то, что І. А. Кипшидзе, грузинъ, взялся за изслѣдованіе и составленіе грамматики мегрельскаго языка съ точки зрѣнія мѣстной національной оцѣнки было преступленіе. І. А. Кипшидзе имѣлъ смѣлость въ самомъ Кутаисѣ, передъ грузинской аудиторіею, цѣлую лекцію посвятить значенію мегрельскаго языка и необходимости его изученія, и былъ повидимому, смущенъ холоднымъ прие-

момъ, но не поколебленъ въ правильности своего отношенія къ вопросу о мегрельскомъ языкѣ.

На грамматикѣ мегрельскаго языка, магистерской диссертациі покойнаго, я не буду останавливаться. Когда я давалъ о ней отзывъ, нѣкоторымъ показавшійся черезчуръ восторженнымъ, я не зналъ, что работа эта получитъ особую цѣнность для рѣшенія ряда важнѣйшихъ вопросовъ, въ томъ числѣ скипскаго. Но тогда уже было ясно, и постепенно это еще болѣе выяснилось, что въ І. А. Кипшидзе имѣетъ работника, на котораго спокойно можно возложить дальнѣйшее обнаруженіе всего фактическаго богатства живой рѣчи шипящей группы яфетическихъ языковъ. Болѣе того, я увѣренно и спокойно ждалъ, какъ къ нему перейдетъ естественно и работа надъ сванскимъ языкомъ, съ которымъ его связывали и воспоминанія совсѣмъ молодыхъ годовъ. По чанскому языку онъ сдѣлалъ еще дальнѣйшіе усилія по углубленію пашихъ знаній, далеко опережающіе то, что имѣется въ моей работѣ.

Но І. А. Кипшидзе отнюдь не былъ лишь работникомъ по живымъ безписьменнымъ или письменнымъ яфетическимъ языкамъ. Его умѣніе мастерски справляться съ трудностями древне-грузинскихъ текстовъ было основано въ значительной мѣрѣ на большой работѣ, которую онъ велъ по грузинской лексикографіи: это порученное ему Академіей Наукъ изданіе неподобнаго по содержательности, несмотря на небольшой на видъ его размѣръ, грузинскаго словаря С. Орбелиана. Порученіе было исполнено блестяще и по быстротѣ и исчерпывающей полнотѣ использованія всѣхъ рукописныхъ списковъ (около 30), имъ же предварительно классифицированныхъ. Внимательный пересмотръ первыхъ шести графокъ меня лишній разъ убѣдилъ въ высокой цѣнности произведенной І. А. Кипшидзе работы. Будетъ понятно, почему я вполне довѣрялся его переводамъ съ грузинскаго, убѣдившись въ ихъ высокомъ качествѣ. И въ XV, и въ ВАС я избѣгалъ подписывать къ печати грузинскія части, безъ предварительнаго просмотра имъ. Сотрудники названныхъ изданій изъ грузиновѣдовъ, весьма пзвѣстные своими специальными знаніями, могли не замѣтить, отъ какихъ досадныхъ недосмотровъ и погрѣшностей освобождалъ ихъ изданія и переводы такой просмотръ, сдѣланный І. А. Кипшидзе.

Развернувшіяся съ февральской революціи событія увлекли всѣхъ трехъ въ водоворотъ злободневныхъ политическихъ происшествій, однако Д. А. Кипшидзе оставался въ сторонѣ отъ чисто политическихъ дѣлъ, въ поискахъ средствъ къ жизни для обезпеченія себѣ возможности научныхъ занятій въ Тифлисѣ. Съ теченіемъ времени имѣлось въ виду, по открытіи вакансіи, привлечь Д. А. Кипшидзе въ постоянные работники Кавказскаго Историко-Археологическаго Института, какъ и Ломія. Но Ломія оказался въ Ревтѣ, гдѣ онъ и умеръ.

І. А. Кипшидзе былъ въ составѣ преподавательскаго персонала Грузинскаго (Тифлисскаго) Университета, и лишь на одинъ моментъ выступаетъ онъ какъ свѣдующее лицо при переговорахъ въ Трапезундѣ съ турками объ уступкѣ Грузіи Лазистана по провозглашеніи кавказскимъ сеймомъ отдѣленія Кавказа отъ Россіи. І. А. Кипшидзе въ письмѣ, подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, давалъ мнѣ чувствовать трезвую оцѣнку совершившагося на его глазахъ особой редакціею сообщенія о происшедшемъ. Онъ писалъ: «Турки не только не сообразовали уступить намъ Лазистанъ, но, наоборотъ, потребовали себѣ Батумъ. Мы вернулись». І. А. Кипшидзе поддержку могъ находить для душевнаго равновѣсія

лишь въ научныхъ работахъ, въ которыя онъ вошелъ слишкомъ основательно, чтобы замѣнить ихъ иными интересами.

Но насъ сейчасъ не займутъ привходящія личныя его качества (необычайное спокойствіе и безграничная терпимость), а также достоинства важныя и для ученаго, методичность работы, большая работоспособность, аккуратность (безъ его содѣйствія мы до сего дня не имѣли бы и перваго выпуска грузинской бібліографіи). Намъ хотѣлось охарактеризовать разность выбора предметовъ изслѣдованія у трехъ работниковъ, нынѣ покойныхъ.

Небо наше кавказовѣдно не звѣздное, матеріалы кавказовѣдныя богатые, громадныя, когда мы съ письменными соединяемъ и живые — какъ словесныя, такъ вещественныя, и лежатъ они какъ въ безпорядочномъ архивѣ, случайно нагромоздившись точно послѣ столпотворенія, и когда мы лишаемся трехъ новыхъ путеводныхъ свѣтильниковъ, загоравшихся или уже разгоравшихся, съ какими подходили три работника, каждый къ объектамъ своей специальности, то становится темно не только на и безъ того бѣдномъ нашемъ небосклонѣ, но и на душѣ, а въ живомъ архивѣ кавказовѣдныхъ матеріаловъ еще темнѣе, еще мрачнѣе.

Н. Марръ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— *Сигель грузинскаго царя Ираклія II о князьяхъ Аргутинскихъ.* Печатаемый ниже сигель грузинскаго царя Ираклія II-го, отъ 28 августа 1783 года данный въ подтвержденіе княжескаго достоинства грузинскихъ тавадовъ (князей) «Аргут»-овыхъ (არგუთაბი), извлеченъ нами изъ архива Тифлискаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія (д. старой комиссіи № 53, ч. 2-я). Это — доселѣ еще не изданный въ подлинникѣ документъ, касающійся фамиліи исторіи князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ. Въ виду большого интереса, вызываемаго этимъ документомъ, мы его приводимъ съ параллельнымъ нашимъ русскимъ переводомъ. Этотъ-же сигель въ армянскомъ переводѣ изданъ прот. Гютомъ Аганянцемъ (*Յովիէի Կաթողիկոս Արղութեան*, ч. I, 1778—1800 [*Դրան Հայոց Պատմութեան*, кн. IX], Тфл. 1911, столб. 395—396).

Сигель писанъ на плотной бомбичинѣ, въ 31,5×46,8 см., въ 2 стр. красивымъ почеркомъ военнаго письма, причемъ самый текстъ состоитъ изъ 24 строкъ, включая сюда и датировку, изъ конхъ 20 на страницѣ лицевой, а остальные 4 на страницѣ оборотной.

Встрѣчаемый въ сигелѣ терминъ *მეკვდითავარი* мы приводимъ въ видѣ *მეკვდერ-მთავარი*, а географическое названіе *სამცხე სათავადო* — въ видѣ *სამცხე-საქათავადო*. Кстати, интересно отмѣтить также наличие въ сигелѣ формъ *საქათავადოს* вм. *საქათავადოსი*, *ბორჩალოს* вм. *ბორჩალოსი*, *შეხაბაზი* вм. *შაჰაბაზი*, *პავლიცემულ* вм. *პავლიცემული*. Наконецъ, обращаемъ вниманіе на использование мн. числа въ оборотѣ *საქინაზოსთა ღერბთა მათთა, რომელიცა შედგმულ არს ესრეთ* (21—22) вмѣсто *საქინაზოს ღერბს ზედა მათსა, რომელიცა შედგმულ არს ესრეთ*.

Наличный въ сигелѣ терминъ *მთავარი*, означающій вообще князя, *властельнаго князя*, въ данномъ случаѣ мы переводимъ какъ *обладатель*. Хотя *მხარგრძელი* въ дословномъ переводѣ означаетъ «Долгоплечій», по-арм. *Երկայնաթիկունք*, resp. *Երկարաթիկունք*, или *Երկարաուկ* (ср. Асл. Шахназарянъ, *Չարարեան (Երկայնաբազուկ) տոմիր ծագումը, քաղթը դէպի Չորագետե երկիրը*, — «Շողակախ», кн. I, Эчм. 1913, стр. 67, прим., однако въ данномъ случаѣ мы его оставляемъ въ традиціонной формѣ «Долгорукій», соответствующей арм. *Երկայնաբազուկ*. Географическое названіе *სომხეთი* на сей разъ употреблено не въ смыслѣ «Сомехія» (Сомх-ет-и), провинціи политической Грузіи, но — какъ «Арменія». Тамару, равно Русудану какъ царствовавшихъ женщинъ надѣляютъ титуломъ *მეფე მე-ფე*, въ грузинскомъ, за отсутствіемъ грамматическаго рода, общимъ для царствующихъ лицъ и мужскаго и женскаго пола (у грузинъ *დედაფალი* *dedofal-i* *исударыня*, *царица* обычно прилагается къ супругамъ царей и вообще господствующимъ князьямъ и династиямъ), но на рус-

скомъ языкѣ естественно и шѣе въ такихъ случаяхъ приходится передавать словомъ «царица», слѣдовательно выраженіе მეფეთა თამარისა და რუსუდანიისა надлежитъ перевести — «царица Тамары и Русуданы».

Остается еще указать, что въ подлинномъ текстѣ знаки препинанія разставилъ мы, отнюдь не придерживаясь пунктуаціи, существующей въ самой рукописи. Не сохранены нами также обычныя сокращенія подѣ титламп: ღისათა (1) — ღისა (13), რ მელ (7) — რ მელსაცა (14), ვა (8, 12, 19), უღ (13), ვღ (18).

ქ. წყალობითა ღთისათა ჩვენ ირაკლი
მეორე, მეფე ქართლისა და მეფე კახეთისა,
მეშველ რამთავარი სამცხე-საქათაზავოსა, მთა-
ვარი ყაზახისა, მთავარი ბორჩალოსა, მთავარი
5 შამშადლოსა, მთავარი კაკისა, მთავარი შაქისა,
მთავარი შირვანისა, მკურობელი და მზრძანე-
ბელი განჯისა, ერევნისა და სსვათა, ვინათგან
ყოველი ჩინებულეზა შთამომავლობითი და
იმტკიცების სიძველითა გვართათა და ჩინებუ-
10 ლეზითა წინაპართა, ამისთვის არა უმიზეზო
არს, რათა ჩვენმიერი წამება მისცემოდით
არღუთხანთ, რომელ არიან მკარგმელნი,
ვითარმედ არიან სომხისთა და ივერიასა შინა
გვარნი დიდნი და ჩინებულნი, ვითარცა სწა-
15 მეტენ ისტორიანი ჩვენნი და უფროსად ისტორი-
აია მეფეთა თამარისა და რუსუდანიისა, თავ-
ვადთა ზაქარია ამირ-სპასალარისა და იოანე
ათაზაგისათვის, რომელთაცა ერთგულეზა მე-
ფეთა ქართლისათა ბაგრატიონთა ზედა ცხად
20 არს ყოველთა შინა გუგართა და უფროსად
საკნიაზოსა ღერბსა ზედა მათსა, რომელიცა
უედგემულ არს ესრეთ: ფარი ვეცხლის ადგი-
ლით, ზედა მას დროშა ანუ მოფარაყა, ვითარცა
ნიშანი სპასპეტობისა, რომელსაცა ზედა გა-
25 მოსახულ არს საცი ყოვლად-წმიდისა ღმრთისა
ღედისა, რომელსაცა უპყრიეს მარცხნივ სიციფე
იგი საუკუნოსა მამისა, ძეა თვისი, ქვესე სა-
ციისა შორის არს განპყრობილ მკლავი კმლითა
მარჯვნივ, ვითარცა ცხად-მოფი გვარობი-
30 თისა სიმხნისა მათისა, და მარცხნივ ფარი
პირქვე მდებარე და მას ზემოს წორედ დაღ-
მული შუბი. და ყოველი ესე არის დაგვრგვ-
ნებულ ზემო სათავადოსა გვრგვნითა. ამათ
ყოველთა ჩინებულეზათა გჳარობითთა მათთა
35 ცხად ვჳყოფთ ყოველთა მიმართ, ვითარმედ
ესრეთ პაციფიცემულ ყოფილან, ვითარცა
ცხად გვიქმნიეს ამას შინა ყოვლითა სამართ-
ლითა და ნიშნითა შესაბაზითა. და ვითხოვთ
ყოვლად დიდებულსა ყოვლისა როსსიისა
40 საიმპერატორსა კარისაგან, რათა ღეროდ-

„Божією Милостію мы, Иракліи вто-
рой, царь Картіліи и царь Кахѣи, настѣд-
ный обладатель Самцхе-Саатабаго, обла-
датель Казаха, обладатель Борчалу, обла-
датель Шамшадиза, обладатель Каха,
обладатель Шаки, обладатель Шпрвана,
владѣтель и повелитель Ганджи, Эри-
вани и проч. Поелику всякая знатность
потомковъ подтверждается древностью
рода и достославностью предковъ, то по-
тому не было бы лишено основанія, если
отъ насъ дано было бы удостовѣреніе
Арѓутовымъ, которые суть Долгорукие,
о томъ, что они являются въ Арменіи и
Иверіи родомъ великимъ и знатымъ,
какъ то свидѣтельствууютъ исторіи наши
и, въ особенності, исторія царицы Тама-
ры и Русуданы о князьяхъ Захаріи ампр-
спасаларѣ и Іоаннѣ атабагѣ, которыхъ
преданность картілійскимъ царямъ Ба-
гратіонамъ очевидна повсѣмъ гуджа-
рамъ и, въ особенності, по ихъ княже-
скому гербу, который составленъ такъ:
щитъ изъ серебра [мѣстамп (по мѣстно-
сти?)], надъ нимъ знамя или позолота,
какъ символъ «спасенія», на которомъ
изображенъ образъ пресвятой Богома-
тери, держащей шуйцею Слово вѣчнаго
Отца, Сына Своего; подъ образомъ-же—
справа простертая рука съ саблею, какъ
показатель доблести ихъ рода, а слѣва
щитъ, ничкомъ лежащій, и на немъ пря-
мо установленное копые; и все это увѣн-
чано сверху княжескою короною. Обо
всѣхъ сихъ показателяхъ знатности ихъ
происхожденія мы объявляемъ всѣмъ,
что они (Арѓутовы) были въ такомъ по-
четѣ, какой выявленъ нами по всѣмъ за-
коннымъ основаніямъ (букв.: всѣмъ прав-
дамъ) и кдѣйму Шах-Аббаса (?). И про-

საცა შინა როსსიის კეთილშობილთას აღრიცხულ იქმნას მსარგრძელად.
[ხელის მოწერილობა] ერეკლე. [ბეჭედი]

მიეცა სამეფოსა ქალაქსა შინა ჩუტნსა
15 ცვილისსა (1783): წელსა | აგვისტოს: (28):
ოცდა მეთცხრამეტესა წელსა მეფობისა ჩუტნისასა.

симвъ Императорскій Дворъ превеликой всея Россіи, дабы и въ россійской герольдін благородныхъ <они> зачислены были Долгорукими.

[Подпись:] Ираклій. [Печать].

Данъ въ царственномъ градѣ нашемъ Тифлисѣ 1783 года 28 августа, въ лѣто царствованія нашего тридцать девятое“.

Л. Меликсетъ-Бекоевъ.

— *О фрагментъ грузинской версії «Дѣтства Христа»*¹ (Къ критикѣ грузинскаго текста). Версію эту издатель Л. Меликсетъ-Бекоевъ считаетъ восходящей, «судя по всѣмъ даннымъ, къ греческому оригиналу»². Въ числѣ этихъ данныхъ особенности текста должны бы быть учтены на первомъ мѣстѣ. Текстъ представляетъ самостоятельный интересъ и независимо отъ его мѣста въ средѣ различныхъ версій «Дѣтства Христа», какъ памятникъ древнегрузинскаго литературнаго языка, древнегрузинскаго повѣствовательнаго стиля. Для стиля характерно особенно часто всплывающее, пародное образование мн. числа — на -eb: Им. სირ-ებ-ი 6,3,4, Д. ცხოვრ-ებ-სა 1,3, Направ. სირ-ებ-ად 3,2. Естественно, въ текстѣ выступаетъ и синтаксисъ народной рѣчи, ед. число сказуемаго при народной формѣ мн. числа субъекта: სირ-ებ-ი აღფრინდა 6,4. Съ внесениемъ народной струи въ языкъ текста въ тѣспѣйшей связи находится налицо въ немъ народная фонетика, такъ, напр., народная разновидность слова შტოთხ: რტოა 8,2, რტოათ-ურთ 9,1. Той же народной струей внесено въ текстъ колебаніе между უ и ზ, такъ то თქუმაღ 28,2, მოძღუარმაზ 26,1 и др., то თქუმაღ 24,2, სკვანი 4,1, სიტყუად 23,1 и др., между ო и ოვ, такъ—то ცხოვრ-ი (ცხოვრებს 1,3), то ცხორ-ი (ცხორად 2,2). Полнымъ переходомъ къ народной рѣчи опредѣляется устраненіе ა въ Р. и Ḥ. надежахъ: ქრისტეს-ი въ заглавіи, ეგრეთ 21,1. Весьма вѣроятно потому, что ишець пропозносилъ Ḥ не по древнегрузинской нормѣ — რამეთუ, а რამეთუ 8,1, 11,2, et pass., какъ издано у М.-Б.-ва. Если не къ вулгаризмамъ, то къ діалектизмамъ относима форма მწრაფლ (< მჭქწრაფლ) 7,3 ვმ. მწრაფლ, какъ съ другой стороны, если не къ архаизмамъ, то къ діалектизмамъ месхійскимъ относится употребленіе მღერა въ значеніи *играть*: 1,1, იმღერეს 4,1. Мѣстами бросается въ глаза тотъ параллелизмъ выраженій, который Р. П. Блаэкъ въ своихъ штудіяхъ пады стилемъ древнегрузинскихъ переводныхъ памятниковъ опредѣлилъ какъ особенность мѣстной рѣчи *переводчиковъ*, какъ вкладъ особой школы времени еще до Евхимія Святогорца, такъ, напр., წარსავალს-თანა წყალთა და ნაკადულთასა (1,2: წყალთა || ნაკადულთა).

Какъ вкладъ особой народной среды могло бы быть оставлено чтеніе ღღეა 34,2 ვმ. ღღეა, оно и сохранено: вулгаризмъ ღღეა возможенъ, діалектически существуетъ эта разновидность слова (ср. и ნუნეა id.), и въ такомъ случаѣ въ ო ვმ. ე могла бы быть усмотрѣна не обычная описка въ заглавномъ церковномъ письмѣ, а отраженіе въ ней мегрельской разновидности—ღღა (по огла-

¹ См. выше (стр. 315—320) работу Л. Меликсетъ-Бекоева.

² Ц. с., стр. 315.

совкѣ ср. также г. ძიძ კორმლიცა, диалектически — ძიძე). Нѣтъ однако увѣренности въ сохраненномъ памп чтеніи ღრეჲა, пзъ-за обилія въ текстѣ описокъ.

Въ текстѣ, предлежащемъ въ спискѣ М.-Б-ва, былъ рядъ безспорныхъ ошибочныхъ чтеній, именно — диттографическихъ: შივიდოღა ვმ. შივიდოღა 10,1, ცბორად ცბორად ვმ. ცბორად 2,2¹. Возможно, что дальнѣйшее искаженіе такой диттографической описки ჳ ქეო || ჳ ქეო имѣемъ въ странномъ чтеніи ჳ ქეო ჳ ქეო 9,1, едва ли «о древо, о сынь». Чтенія эти, не имѣемъ основанія сомнѣваться, присущи самой рукописи согласно тому, что по словамъ М.-Б-ва копія его воспроизводитъ «всѣ особенности» оригинала «какъ въ отношеніи стиля, такъ и орфографіи»². Однако нѣтъ основанія воспроизводить ошибочныя чтенія, хотя бы и оригинала, достаточно бы дать ихъ перечень для характеристики рукописнаго списка. Но возникаетъ у меня сомнѣніе, насколько тутъ имѣемъ дѣло съ дѣйствительными чтеніями самой рукописи, а не ихъ воспроизведеніемъ въ копіи М.-Б-ва, когда вм. ჟ появляется ჳ въ слѣдующихъ случаяхъ³: «ვერ იტეხის» 12,2, «იგი იტეოდ» 16,1, «იგი ვითარისა» 16,2 или, наоборотъ, ე ვმ. ი: «მცირესა» 17,2, особенно же когда вმ. ჟი появляется ში: «ყოფით ხართ» 20,4, «ყოფით არს» 21,4, «შობით ხართ» 23,2, «უთბილესად» 25,3, «ყოფით» 33,3⁴.

И тогда начинаю предполагать, что «ვიყო» вმ. იწყო 6,2 плодъ такого же недоразумѣнія, какъ «გნეგავსა» вმ. გნეგავსა 16,2-3 и «აღკრულებულ» вმ. აღსრულე-ბულ 22,1, между тѣмъ въ копіи М.-Б-ва именно эти невозможныя чтенія — «ვიყო», «გნეგავს» и «აღკრულებულ» нами, понятно, замѣненные единственно возможными правильными. Въ связи съ этимъ возникаетъ сомнѣніе и въ правильности чтенія ჳქეუ 6,1,3, 9,1, 10,2 et pass. въ 3-мъ лицѣ съ отношеніемъ вმ. ჳქეუ, (безъ отношенія — თქუ 17,1, 23,1), и хотѣлось бы знать, восстанавливаетъ ли самъ М.-Б-овъ сокращеніе этого слова подъ титломъ или воспроизводитъ такое полное написаніе, какъ налпчное въ самой рукописи, когда онъ пишетъ ჳქეუ.

При такихъ явныхъ искаженіяхъ текста, отъ кого бы они ни исходили, трудно мириться съ фразой, напр. ზეტას მას ვარ მე ასწავებად 30,1-2, что весьма нескладно сложено и лишь съ нѣкоторымъ насиліемъ надъ свободнымъ строемъ грузинской рѣчи, отнюдь не чуждымъ тексту нашего памятника, можно бы перевести — «бетѣ я подлежу быть обученнымъ». На самомъ дѣлѣ фраза, повидимому, гласила: ზეტას მას ვარ მე (= ვითარ-მე) ასწავებთ (или архаично ასწავებლ) «бетѣ какимъ образомъ обучаете?» Обращеніе дѣлается къ тѣмъ, «кто не знаетъ и альфы» (30,1).

Послѣ этого трудно до полученія сличеннаго повторно съ рукописью списка строить на изданіи М.-Б-ва критику текста. Съ особеннымъ сомнѣніемъ

¹ Однако здѣсь, можетъ быть, повтореніе не по опискѣ, а для выраженія этимъ повтореніемъ мн. числа—въ значеніи «потоками». Такой стилистическій приѣмъ также могъ бы быть отнесенъ на счетъ вліянія живой рѣчи.

² См. ц. с., стр. 316.

³ Смѣшеніе ე и ი возможно подъ перомъ неопытнаго переписчика, когда онъ списываетъ текстъ церковнаго письма, но не строчного, какимъ писана оригинальная рукопись нашего памятника, а заглавнаго.

⁴ Неопытному переписчику легко смѣшать церковныя строчныя буквы ი съ ლ. Мы имѣемъ основаніе быть неуверенными въ чтеніяхъ самого М.-Б-ва не только въ этомъ памятникѣ, но и въ изданіи имъ сеголѣ (см. выше, стр. 341—343), гдѣ проявляется незначительность со случаями употребленія мн. числа вმ. ед. (ср. его разъясненіе мн. ч. ხეყანსო ღრეღთა შითთა), всплываетъ შთავსო კვკო и закрѣпляется переводомъ «обладатель (?) Каха» и т. п.

приходится признать, что нѣтъ увѣренности въ правильности чтеній ვაზბობ (28,3), მარტოს (25,2), კვარკობ (31,3), чтобы исходить отъ нихъ при ихъ толкованіи

Увѣренность въ правильности чтенія была бы необходима и для толкованія ряда терминовъ техники чтенія (31,2-3), а равно для рѣшенія вопроса о такой детали, какъ появленіе въ текстѣ (9,2) слова ჰუბი *вип-1 корень*, армянскаго, гесп. *хайкского* происхожденія: возникаетъ вопросъ, внесено ли оно народной струею рѣчи, что могло совершиться и позднѣе, напр., въ месхской народной лингвистической средѣ, или это вкладъ литературнаго армянскаго вліянія, быть можетъ—показатель армянской рѣчи оригинала, съ котораго могъ быть переведенъ и нашъ апокрифъ.

Съ другой стороны, если вѣрно чтеніе მი-oh-am-de (29,1-2), то въ немъ на лицо не греческое названіе буквы ρ, какъ предполагаетъ М.-Б-въ, а грузинское названіе греческой буквы ω: ω въ грузинскомъ транскрибировали специальнымъ для него начертаніемъ ზ, что и имѣлось, по всей видимости, въ занимающемъ насъ чтеніи მი-ჰ-ამ-დე-ი «до ω», гесп. «до *омег*». Позднѣйшимъ переписчикомъ, если, повторю, вѣрно чтеніе მი-ჰ-ამ-დე, это не понято, или онъ звуковое значеніе ზ передалъ описательно двумя буквами მი-ჰ oh (ср. передачу греческой омеги въ армянскомъ также описательно двумя буквами ու/ ou), приспособившись къ традиціонному грузинскому названію послѣдней въ грузинскомъ алфавитѣ буквы — ზ-ი hie (собственно мы ожидали бы: მი-ჰ-ამ-დე-ი mi-hie-m-de).

Переводъ А. С. Хаханова¹ нисколько не помогаетъ въ устраненіи сомнительныхъ чтеній. Оцѣнка М.-Б-вымъ работы² черезчуръ благоприятна сравнительно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Мало сказать, что переводъ «сокращенъ» и «неточенъ», когда приходится имѣть дѣло съ переводческой работой, характеризуемой слѣдующими примѣрами.

Грузинскій текстъ:	А. С. Хахановъ переводить:	На самомъ дѣлѣ текстъ означаетъ:
1) 10,1-2: ვაჟობა მკანს მისს	«схватилъ его за плечо» (320,9-10)	<i>ударился</i> объ его плечо
2) 10,2: ნუ მისვლე გზას მკანს უგნს	«не дойти тебѣ до дому» (320,10)	«да не дойдешь ты туда, куда ты держишь путь» (букв. по пути твоему этому).
3) 12,2: უკუეთუ ვამ ურმაჲ უგნ თანს იგონს	«если этотъ отрокъ твой сынъ» (320,14-15)	если этотъ отрокъ <i>будетъ съ тобой</i> .
4) 12,3: აკურთხევდეს უო-ვლთაჲ	«благословлялъ.... <i>дн-тей</i> » (320,15)	благословлялъ... <i>всѣхъ</i> ³

¹ Очерки по исторіи грузинской литературы. Выпускъ II. Древняя литература до конца XII в., Москва 1897, стр. 319—321.

² «Русскій переводъ текста, хотя и сокращенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неточный, былъ уже данъ А. С. Хахановымъ» (см. выше, стр. 316).

³ Можетъ быть, უკუეთუ *всѣхъ* есть неправильное по чьему либо недосмотру чтеніе слова подъ титломъ უთა, гесп. უთა=უბნთა *отроковъ* или უთა=უკლთა *днтей* или на лицо прямо описки, см. ниже, стр. 345, пр. 2 и 4).

5) 12,4: *რასათჳს ზო-
რატას იტყოდე*
6) 13,1: *ჟჳრად გობიერ
ახიბ*

«для чего ты *сдѣлалъ*
зло»? (320,18)
«не разумны» (320,18)

почему ты зло *сво-
ришь*?
достаточно¹ разумны.

Изложение А. С. Хаханова представляет не переводъ, хотя бы сокра-
щенный, а пересказъ съ особенностями, въ нашемъ текстѣ отсутствующими,
какъ можно видѣть и по одному примѣру, именно груз. тексту 13,2—14—15,2:

сокращенный переводъ А. С. Хаха-
нова

«И Онъ съумѣетъ поставить дѣтей
иудеевъ на *путь*, если же не примутъ
наставленія его, то *потеряютъ* наказа-
*нiя*⁴. Они такъ спорили, и Иосифъ, раз-
гнѣвавшись, взялъ Иисуса за ухо и
сильно потянулъ («отяже зѣло»). Иисусъ
же («негодую») сказалъ: довольно тебѣ
искать меня и обрѣсти».

подлинное изложение въ русскомъ пе-
реводѣ.

«И умѣю дѣтей² этихъ поставить
на *путь*³ (букв. *слѣдъ*)». И затѣмъ онъ
сталъ говорить такъ: «если опп не
воспримутъ *проклятiя*⁵, то *воспримутъ*
испытанiе».

14. Въ тотъ же часъ поносившіе
его поголовно (|| сразу) ослѣпли, а Ио-
сифъ, увидѣвъ (это), разгнѣвался и
взялъ его за ухо и потянулъ.

15. Онъ же взглянулъ на Иосифа и
сказалъ ему: «вотъ достаточно тебѣ
искать меня и обрѣсти. Ты нынѣ бе-
решь въ руки *ученiе*, (пользуясь) по-
водомъ».

Если бы не прямое подтвержденiе и М.-Б-ва, можно бы думать, что А. С.
Хахановъ давалъ свое изложение по другому списку древне-литературнаго
грузинскаго текста.

Что касается сокращенiя, то его еще больше въ 16,1—20,4, какъ то изложено
у А. С. Хаханова (320,26-33), особенно же въ концѣ—30,1—35,3, пересказанномъ
имъ въ 321,5-12. При этомъ, переводить ли или пересказываетъ онъ, А. С. Ха-
хановъ объагаетъ всѣ трудныя мѣста. Потому ускользаетъ возможность использо-
вать работу А. С. Хаханова въ какой либо мѣрѣ для критики текста, для
установленiя чтенiя въ мѣстахъ, сомнительныхъ по списку ли М.-Б-ва, доста-
вленному для напечатанiя, или по самой подлинной рукописи, такъ, напр., 30,2-

¹ Но вопросъ, не прочиталъ ли кто (но кто именно?) *ჟჳრად* достаточно см. 33^б38.
никакъ.

² *ჟჳრად* собственно «сыновей».

³ Весьма интересно использование слова *kval-i* (чит. *kval-i*) *слѣдъ* въ значенiи *путь*:
хотя и назичное въ грузинскомъ, это спирантная разновидность слова отъ корня, эквива-
лента сибилантныхъ корней *svl || shbl*, resp. *shbr*, отъ которыхъ имѣемъ въ лѣтическихъ
языкахъ *vla* *ходить* (|| **hvl* (r. *vla* id. <**hvla*) > *gvk*: св. и др.-г. *gwale* *иди*), арб. *سبيل* *sabil*
путь, сир. *shavil* id.

⁴ Слав. переводъ не даетъ этого мѣста, ср. Сперанскiй, op. cit. [Слав. апокриф. еван-
гелия] 103 (н. с., 320,19-23): *ჟჳრად* собственно «сыновей».

⁵ Быть можетъ, въ грузинской рукописи подлинное чтенiе *ჟჳრად* *поученiе, наставле-
нiе*, а не *ჟჳრად* *проклятiе*.

ѣс (25,2). Особенно поразительно полное умолчаніе А. С. Хаханова о технических терминахъ чтенія (31,2-3), требующихъ провѣрки, какъ они воспроизведены по доставленному М.-Б-вымъ списку, гдѣ კჳკურის (31,3) вызываетъ одно недоумѣніе. Впрочемъ на пропускъ А. С. Хахановымъ цѣлой фразы въ пересказѣ грузинскаго текста указываетъ разъ примѣчаніе его самого (321, пр. 4) — «Въ груз. есть соответствующее слав. тексту мѣсто: яко мѣдъ звѣняще или яко кругъ мѣдяль звяца я не престану. Сперанскій, ср. с. 104», но въ опущенной именно фразѣ ვითარცა რველი ოხრეს და ვითარცა წინწილი ჰეუზიან (28,3) «какъ мѣдъ стонетъ и какъ *гусли*...» имѣется сомнительное, несомнѣнно испорченное чтеніе ჰეუზიან, о чемъ ни слова. Быть можетъ, нашъ переводчикъ имѣлъ передъ собою нѣчто иное или вычитывалъ нѣчто болѣе разумное, чѣмъ совершенно бессмысленное чтеніе «ჰეუზიან». Въ текстѣ, какъ то читается въ рукописи, очевидно, особое чтеніе сравнительно съ св. Писаніемъ—კობედე (I Кор. 13,1: ვითარცა რველი რომელი ოხრის გინა წინწილი რომელი კობედე), откуда взята фраза. Сомнительное чтеніе «ჰეუზიან» могло бы быть искаженіемъ ეზიან—*ყუჩყჩი* *удятъ* въ качествѣ синонима глагола კობედე *звучатъ*: глаголь ეზიან въ значеніи «*удитъ*», отъ ეზიან-ი *гусли*, налченъ въ слѣдующей главѣ того же текста I Кор. 14,7.

Таково же молчаніе о чтеніи მოჰამდე (29,1), переведенномъ по смыслу «до конца», и потому нѣтъ увѣренности, насколько исправленіе მოჰამდე въ მოჰამდე (см. выше, стр. 336), по существу неизбѣжное, поддерживается или нѣтъ самой рукописью.

И когда А. С. Хахановъ въ заключеніе по случаю обрывающагося текста пишетъ (стр. 321): «Очевидно, продолженіе, согласно съ греческимъ оригиналомъ, должно было заключить изложеніе о душевномъ состояніи Захей и далѣе приведенныя въ славянскомъ переводѣ чудеса», то, можетъ быть, это такъ и есть, т. е. можетъ быть, какъ то подтверждаетъ и М.-Б-въ, памятникъ грузинской древней письменности переведенъ съ греческаго оригинала, но ни въ предварительномъ сообщеніи А. С. Хаханова, ни въ напечатанной выше замѣткѣ М.-Б-ва (ХВ, стр. 315—320) не дано ни одно текстуальное основаніе, чтобы утверждать о такомъ согласіи грузинской версіи съ греческимъ подлинникомъ. Названія буквъ «альфа» и «бета»¹ могутъ встрѣчаться въ грузинскомъ текстѣ и независимо отъ греческаго языка подлинника, не говоря о томъ, что ихъ присутствіе уравнивается наличіемъ *ბიპ-ი* *корень* армянскаго происхожденія². Тѣ же греческія названія налчны и въ армянской, и арабской версіи. Стилистическія особенности текста, какъ онѣ выявляются при наличномъ доступномъ намъ его состояніи, главнымъ образомъ ихъ народность, если и указываютъ на переводчика, то менѣе всего на Евѡпмія Святогорца, менѣе всего вообще на аѡнскую школу.

Н. М.

— Изъ гурійскихъ народныхъ преданій о постройкѣ Зарэмскаго монастыря съ преданіями о переселенцахъ изъ Месхія и Абхазіи въ Гурію. У гурійцевъ есть тѣсныя связи съ извѣстнымъ монастыремъ въ Зарэмѣ, расположеннымъ въ древней Месхія и въ началѣ текущаго столѣтія реставрированнымъ трудами архит. Свиньина и скончавшагося миновающею (1919) весною живописца А. С.

¹ Но не «ми»: упоминанія этой буквы въ нашемъ грузинскомъ текстѣ нѣтъ (см. стр. 345).

² См. тамъ же.

Христіанскій Востокъ.

Славцева, — реставрированнымъ, въ значительной мѣрѣ особенно въ архитектурномъ отношеніи лишь отремонтированнымъ, еще тогда, когда его мѣстоположеніе опредѣлялось скромными административными терминами — «въ Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи»: Зарзма находилась между обращеннымъ изъ резиденціи паши въ уѣздный городъ Ахалцихомъ и вновь народившимся курортомъ Абастуманомъ. Имѣется письменный документъ о такой связи извѣстнаго Шемокмедскаго монастыря въ Гуріи съ Зарзмой, въ частности о перенесеніи зарзмской иконы «главной — Преображенія Господня» изъ Зарзмы въ Шемокмедь, въ церковь, специально по тому случаю построенную¹. Эти связи прославленныхъ богомолій и святыхъ или ихъ перенесенія, съ другой стороны, переплетаются съ переселеніями отдѣльныхъ родовъ изъ той или иной области въ Гурію, а преданія объ этихъ переселеніяхъ представляютъ въ свою очередь большой этнологическій интересъ и въ томъ случаѣ, когда они касаются культурно-историческихъ эпохъ, хотя бы новѣйшихъ, такъ какъ они открываютъ путь къ очисткѣ племенного состава мѣстнаго коренного населенія отъ позднѣйшихъ наслоеній. Вѣдь подлежитъ еще опредѣленію первичный составъ населенія Гуріи. Нынѣшнее населеніе безспорно тѣсно связано съ Месхією и Джавахією, но въ болѣе древнемъ слоѣ является органической частью сроднаго и нынѣ населенія приморскихъ же областей Мегреліи (Эгриса или Геріи), страны колховъ, Лазики и Абхазіи, слѣдовательно, частью и того первоначальнаго племенного ядра, которое постепенно этнически же осложнялось и перерождалось въ захватывавшемъ край историческомъ процессѣ прохожденія обитателей Гуріи черезъ культурно-историческія эпохи соотвѣтственно политическимъ образованіямъ, прото-историческому герскому съ колхскимъ (доисторическому для европейскаго античнаго міра) и сравнительно позднимъ историческимъ, лазскому и абхазскому². Е. С. Такайшвили уже привелъ по моей записи четверостишіе изъ народной гурійской пѣсни о построеніи церкви въ Зарзмѣ нынѣ гурійцами, выходцами изъ нея³. Записалъ я его 2/15 августа 1903 г. со словъ моего вочима С. Т. Гугушвили въ сел. Саквавис-ткэ (Sakvavistke) на правомъ берегу р. Супсы⁴. С. Т. Гугушвили, собственно Гугускуа, нынѣ покойный († 1918), самъ былъ выходцемъ изъ Мегреліи. Онъ разсказалъ:

«Настоящая фамилія Мгалоблишвили — Баладзе. Они переселились изъ окрестностей Зарзмы. Зарзмская церковь построена, судя по ихъ словамъ, ими. Имѣется стихотвореніе, начинающееся такъ:

სამხ მამხ ზალაძემხ
განგმხს ღატკენ ეკლესიას

«Три брата Баладзе въ Зарзмѣ поставили церковь».

Дальше мой источникъ не помнилъ стиховъ, могъ только сказать по-грузински съ гурійскимъ произношеніемъ — «ихъ много (ბევროს ჩალოქსებოთ)», и обѣщавъ доставить полный списокъ, заключивъ, что «они, Мгалоблишвили, до

¹ Е. С. Такайшвили, Археологическія экскурсіи, разысканія и замѣтки. Вып. I, Тифлисъ 1905, стр. 4 (отд. отд. изъ СМ, XXXV).

² Привходящихъ этническихъ вторженій материковыхъ народовъ, въ томъ числѣ иверовъ-имеровъ, а равно вселеній, лишь этнологически, пока лингвистической палеонтологією выясняемыхъ племенъ, напр. дзиховъ, сейчасъ не касаюсь, не смотря на ихъ громадное перерождающее или первотворческое значеніе въ рѣчи мегрельскаго (герскаго) и въ связи съ нимъ и лазскаго населенія.

³ ц. с., стр. 5.

⁴ Въ Чохатоурскомъ участкѣ Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

сихъ поръ ходять въ Зарзму на богомоліе», «несутъ туда жертвы (შესწავრა შიკვეთ)».

Полнаго списка я такъ и не дождался. Но по справкѣ тогда же у одного изъ Мгалоблишвили, именно Сіо Мгалоблишвили, выходило, что стихотворенія о Баладзе теперь никто не помнитъ полностью. Сообщенное же мнѣ четверостишіе не точно передаетъ то, что онъ слышалъ. Онъ же слышалъ и знаетъ слѣдующее четверостишіе, которое и было издано затѣмъ Е. С. Такайшвили:

სამა მამა ზღოძემს
ზარზმის ღაღა ზღოვერი,
ვინც თორმეტი ჩამოიღებს,
იგი არის ფლოვენრი.

«Три брата Баладзе въ Зарзмѣ поставили «верхній камень»¹, кто, (хотя бы собравшись группою въ) двѣнадцать, низложитъ² его, тотъ — герой».

Сіо Мгалоблишвили далѣе разсказалъ:

«Когда первые выходцы рода Мгалоблишвили появились въ Гуріи, въ нашемъ ущелии, то въ Эркетъ³ былъ Джуматскій епископъ. Мгалоблишвили принесли икону Зарзмскаго св. Георгія и поставили въ Шемокмедской церкви⁴. Во время службы выходцы приняли участіе въ пѣвіи. Епископъ обратилъ вниманіе на ихъ стройное пѣніе и пріятные голоса. Послѣ службы епископъ спросилъ ихъ. Узнавъ, что они изъ Зарзмы и знатоки пѣвіи, онъ назначилъ ихъ пѣвчими церковными (შეგლობელი m-galob-el-i), а также поручилъ имъ нѣсколькихъ лицъ для обученія пѣвію. Отсюда наличная ихъ фамилія Мгалоблишвили (mgalobli-shvil-i). Рабовъ (kma) имъ пожаловалъ владѣтель Гуріи — Гуріэль. Каждый третій годъ Мгалоблишвили и ѣздятъ теперь на богомолье въ Зарзму».

Въ томъ же околоткѣ съ выходцами еще другими изъ Зарзмы и вообще изъ Ахалцихскаго края сошлись переселившіеся изъ Абхазіи Шарашидзе, какъ то видно изъ слѣдующихъ мѣстныхъ преданій, сообщаемыхъ мною по разсказу всего того же С. Т. Гугушвили:

«1) Тодрія (თოდრია, Thodria), крестьяне, живутъ въ с. Яноулѣ⁵. Ихъ подлинная фамилія — Алавис-дзе. Они — выселенцы изъ окрестностей Зарзмы. Тодрія, по ихъ словамъ, не были крестьянами, но по переселеніи сюда, въ Гурію, оскудѣли и искали покровительства Мгалоблишвили, коихъ крѣпостными и состояли они до освобожденія. По словамъ же Мгалоблишвили, Тодрія принадлежали имъ еще на родинѣ».

«2) Дворяне Джакелы (Dakel), живущіе въ с. Саквавис-ткѣ (Sakwawis-tke)⁶, считаютъ себя происходящими изъ Ахалциха. Ихъ подлинная фамилія — Атабагъ (Atabag). Ихъ сородичи нынѣ мусульмане. Когда еще живъ былъ Иванъ Джакелъ, отецъ моихъ сосѣдей», продолжалъ мой осведомитель, «къ намъ

¹ Касательно перевода термина balaver, resp. balavar словомъ «тимпанъ» см. выше, стр. 290 сл.: «Два грузинскихъ архитектурныхъ термина «ачрдил» и «балавар»».

² შიკვეთსъ букв. «возьметъ (сверху и поставитъ) внизъ».

³ ერქედ — селеніе на лѣвомъ берегу Супсы, противъ правобережнаго Саквавис-ткѣ. Въ немъ церковь со старинной росписью.

⁴ О связи Шемокмедскаго монастыря съ Зарзмскимъ см. выше.

⁵ На лѣвомъ берегу р. Супсы съ началомъ у самаго выхода ея изъ тѣсинъ, противъ правобережной крѣпости, по нарицательному имени которой (სუბა დიქე) называется и все селеніе — Цихъ, расположенное также на правомъ берегу насупротивъ с. Яноула.

⁶ На правомъ берегу р. Супсы, непосредственно ниже с. Цихъ.

пріѣзжалъ родственникъ съ дарами (ძღვებოთ). Привезъ онъ тогда корову, съдобныя печенія (ბჭუჭი) и еще кое-что».

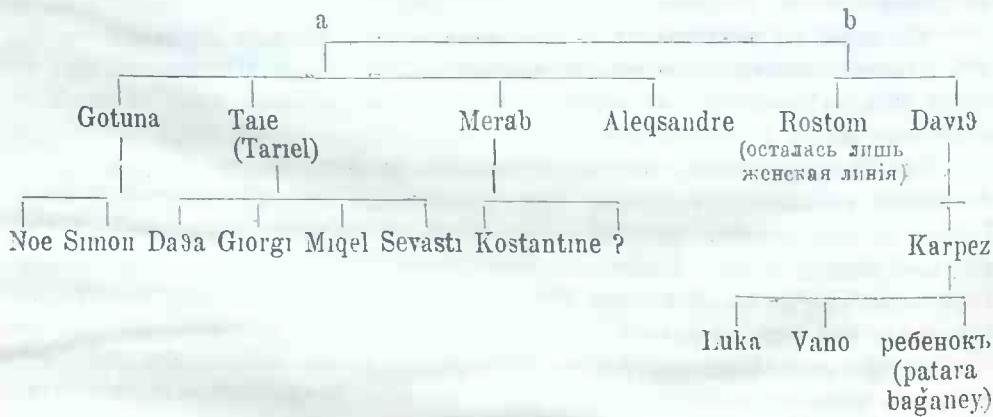
«3) Осепшвили (Осепе-швил), въ с. Саквависткэ, также выселенцы изъ Ахалциха. Подлинная ихъ фамилія Майсурадзе».

«4) Настоящая фамилія Котрикадзе, крестьянъ въ с. Саквависткэ, также иная; они равнымъ образомъ выходцы изъ Ахалциха».

«5) Элизбаровичи (Elisbari-швил) Шарашидзе, родственники Эриставовъ гурійскихъ. Были два брата, выселившіеся изъ Абхазіи. Элизбаровичи, происходя отъ одного изъ этихъ братьевъ, жили въ с. Яноулъ. Другіе Шарашидзе побочные. До послѣдняго времени у нихъ, потомковъ двухъ братьевъ, Элизбаровыхъ Шарашидзе и Эриставовъ, было общее жертвоприношеніе (საგზო სამღვთო საერთო სამღვდო)».

Въ этихъ преданіяхъ меня смущаетъ разсказъ про крестьянъ Тодріа, поскольку настоящая ихъ фамилія Թოდრი-а позднѣйшая, слѣдовательно, данная въ Гуріи, области этнографически, во всякомъ случаѣ по языку грузинской, между тѣмъ Թოდри-а по формѣ мегрельская фамилія, и судя по ней ихъ въ пору считать скорѣе выходцами изъ Мегрелии. Правда, и въ Мегрелии этотъ типъ фамильнаго словообразованія отнюдь не коренной мегрельскій, а усвоенный отъ иной этнографической среды, именно сванской (-i-ān > -i-an), съ діалектической особенностью, утратой не только долготы ā, но и исходнаго n, и такая сванская морфема отнюдь не могла быть чуждой въ древности и въ Месхіи, и въ Абхазіи.

А) Въ Саквависткэ —

В) Въ Эркетѣ —

Эту генеалогическую таблицу современныхъ представителей зарэмскихъ выходцевъ Мгалоблишвили, въ селахъ Яноулъ и Эркетѣ¹, мнѣ удалось установить лѣтомъ 1903 года.

Н. М.

¹ Эркетскіе Мгалоблишвили считаются въ родствѣ съ основными вѣтвями въ Яноулѣ, гурійскіе побочные.

— *Имена Бугъ и Иоасафъ въ армянскомъ быту.* Въ ближайшіе дни имѣеть появиться въ свѣтъ VI-я книга серіи Bibliotheca Armeno-georgica съ армянскимъ эпиграфическимъ текстомъ, трудъ I. А. Орбели, собственно одинъ изъ первыхъ выпусковъ его труда по армянской эпиграфикѣ, озаглавленный «Надписи Гандзасара и Авоцпука». Самъ матеріалъ, и критически, и технически образцово публикуемый въ немъ, пока лишь въ подлинникѣ армянскомъ, безъ перевода и безъ комментариевъ, возбуждаетъ рядъ вопросовъ и представляетъ разнообразный интересъ не только эпиграфическій, но и культурно-историческій. Въ частности матеріалъ этотъ вынуждаетъ ставить новые вопросы по армянскому onomastic'у или даетъ ту или иную поддержку ставившимся раньше вопросамъ по именамъ у армянъ. Сейчасъ я хочу остановить вниманіе лишь на двухъ именахъ, выписанныхъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Въ замѣткѣ, имѣющей давность 24—27 лѣтъ, «Имя Бугъ или Будъ въ армянской надписи VII вѣка по Р. Х.» (ЗВО, т. VIII, стр. 322—325) установленію существованія такого имени, повторяющаго имя переводчика, по сирийскому сообщенію, сказочнаго сборника «Калила и Димна», помогла одна изъ древнѣйшихъ армянскихъ надписей изъ Ширака, Багаранская. Теперь на основаніи удосто- вѣреннаго проверкой на мѣстѣ чтенія киторской надписи 30-й изъ Гандзасара (ц. с., стр. 15) можемъ утверждать, что имя Бугъ у армянъ продолжало существовать до XIV—XV вѣка: надпись не датирована, но она этой эпохи. Съ именемъ «Иоасафъ», также связаннымъ съ литературнымъ памятникомъ индійскаго происхожденія, иное положеніе. Армянская прозаическая версія повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ, въ двухъ редакціяхъ — краткой и пространной, исследователями вопроса о названной душеполезной повѣсти датировалась съ большимъ колебаніемъ, то временемъ Багратидскихъ царей (Сопубеаге), то XV-мъ вѣкомъ, временемъ внесенія повѣсти въ армянскій сборникъ житій святыхъ (Zotenberg). Болѣе близкое знакомство съ реальнымъ положеніемъ дѣла у армянъ давало основаніе приурочить появленіе армянской версіи къ XII—XIII вѣку (Н. Марръ, рецензія на The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures, ЖМНП, стр. 490, Месропъ, Тэръ-Мовсесянъ, Նիշարագրութիւն հոգեկոր վարդու Յովհաննիս, որովոյ թագաւորութիւն հիղվաց, Вагаршапатъ 1897, стр. [12 — 14]). Но слѣдовъ вліянія повѣсти въ быту армянъ, въ частности популярности имени мы не могли прослѣдить раньше XVI—XVII вѣка: первымъ вспоминался поэтъ Иоасафъ. Было засвидѣ- тельствовано знакомство армянъ съ этимъ и другими именами изъ повѣсти лишь въ письменномъ памятникѣ безъ точной и прочной датировки, приблизи- тельно XIII—XIV вѣка (Н. Марръ, Къ вопросу о «Варлаамѣ и Иоасафѣ». Изъ армянской Географіи, приписываемой Вардану, ЗВО, т. IV, стр. 397). Въ надписяхъ обычныхъ изданій имя Յովհաննիս || Յովհաննիս встречается въ началѣ XIII вѣка (Vim. tag. 1211 в, 1234; см. также Մրոշկան 40, 41). Изъ гандзасарской надписи XIII-го вѣка въ новомъ изданіи (№ 2, стр. 4), чтенію котораго можемъ вполне довѣряться, не только на лицо имя героя повѣсти Иоасафа, но это имя усиѣло и формально стать быговымъ, приспособленнымъ къ особенностямъ мѣстной фонетической среды, раздѣлявшей, очевидно, одно звуковое явленіе, перерожденіе среднихъ въ звонкіе въ паузѣ съ древне-литературной грузинской рѣчью, гдѣ Elisabeth становилось Elisabeth, Iosep—Ioseb и т. п. Последнія двѣ строки, заключающія названную надпись, въ русскомъ переводѣ слѣднія двѣ строки, заключающія названную надпись, въ русскомъ переводѣ гласятъ: «Въ праздникъ Антоція 1 день службы монаху Иоасафу по волѣ вели-

каго HAsana», и вотъ здѣсь имя по-армянски звучитъ не Ybasaf (въ вульгарномъ чтеніи Novasaf), а Ybasab (въ вульгарномъ чтеніи Novasab). Эти заключительныя строки не органическая часть основного текста надписи, а, повидимому, приписка, но приписана письмомъ основного текста надписи, и она одного съ нимъ времени. Основной текстъ повѣствуетъ о завершеніи храма постройкой въ 1238-мъ году, объ его освященіи въ 1240-мъ, и онъ высѣченъ не позднѣе 1261-го года, судя по синхронизмамъ. Слѣдовательно, въ половинѣ XIII-го вѣка въ армянской средѣ совершалась служба (поминальная) по монахѣ, носившемъ имя Іоасафъ въ формѣ съ особенностью мѣстнаго произношенія. Очевидно, сама душеполезная повѣсть съ этимъ именемъ должна была появиться у армянъ не позднѣе конца XII-го вѣка, чтобы къ указанному времени получить значеніе календарнаго имени, да еще въ монашескомъ кругу. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ можетъ быть связанъ иной еще интересъ того же имени, иное его значеніе, поскольку дѣло идетъ объ армянской церковной средѣ въ Гандзасарѣ, т. е. въ предѣлахъ Албаніи, точнѣе — албанскаго католикосата, въ которомъ для насъ представляютъ большой историческій интересъ элементы былого въ краѣ халкедонитства, хотя бы пережиточныя и формальныя.

— *Якутскія параллели къ бытовымъ религіознымъ явленіямъ у кавказскихъ яфетидовъ.* «Бережа», собственно по-якутски «харыс», «харыста», выраженія «для перевода» которыхъ В. М. Іоновъ «не находитъ подходящихъ словъ» (Духъ-хозяинъ лѣса у якутовъ, Сборн. Музея Антр. п. Этногр. при Ак. Наукъ, 1916, IV, стр. 4, прим. 2), судя по данному имъ же разъясненію¹, есть именно то, съ чѣмъ у свановъ и абхазовъ связана наличность такъ называемаго «охотничьяго языка». Въ дополненіе къ тѣмъ лексическимъ даннымъ (рѣчь именно о замѣнѣ словъ однихъ другими, а не объ особомъ фонетически или морфологически языкѣ), которыя собраны Дирромъ въ СМ, у меня имѣются неизданные пока сванскій и менѣе обстоятельно абхазскій матеріалы. У обопхъ яфетическихъ народовъ явленіе связано съ культомъ бога охоты, у свановъ того бога Апсата, напчнаго п у осовъ (осетинъ), съ названіемъ котораго отождествляется названіе у армянъ-христіанъ вообще Бога — aspať || asvat > astovaf и у грековъ — Σαβάζιος, какъ разъяснено то въ посвященныхъ мною терминамъ Σαβάζιος и aspať замѣткахъ. У абхазовъ и еще въ болѣе сильной степени у грузинъ не разъ отмѣчалось (Еще о терминѣ ღათ-1 образъ, подобіе, XV, IV, 1916 г., с. 313) употребленіе названія языческаго бога qat (г. qat-1), resp. qa (абх. пэ-қа) въ христіанской терминологіи въ значеніи *иконы*: у грузинъ, подвергшихся глубокой христіанизаціи, слово употребительно лишь въ смыслѣ *иконно-образа, подобія*, поскольку дѣла не имѣемъ съ такими частями грузинскаго народа, какъ племя хевсурское или слои вообще грузинскаго населенія съ чере-

¹ Ц. м.: «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ дорогѣ, при промыслѣ и т. д.) нѣкоторыя вещи и дѣйствія нельзя назвать настоящими словами или потому, что злой духъ можетъ услышать и причинить вредъ (вмѣсто ЫЦБІР сѣдло, ЫНДБІ вьюкъ говорятъ хара черное и т. п.), или потому, что обидится іччі [хозяинъ, духъ-хозяинъ] (вмѣсто названія урочищъ, рѣкъ и пр. говорятъ йбѣ бабушка и т. п.)». У него же стр. 7, прим. 6: «харистѣн (оберегаючи)». У яфетидовъ не «при промыслѣ», притомъ опредѣленномъ — охотѣ, явленіе наблюдается о словоиъ «зиѣя», которую замѣняютъ, напр., у гурійцевъ слогомъ u-qsen-eb-el-1 (ჟსენებელი) *неподлежащій*, resp. *неподлежащая упоминанію*.

живаніями языческихъ вѣрованій въ быту; у абхазовъ полностью и исключительно въ реальномъ воспріятіи *иконы, образа* слово *a-pə-qa* употребляется только въ переводахъ христіанскихъ текстовъ. То же самое отмѣчаетъ В. М. Іоновъ съ якутскимъ терминомъ «Таңара» (ц. с., стр. 2): это названіе „въ смыслѣ «Богъ» (Аҕы Таңара) употребляется только въ переводахъ св. Писанія на якутскій языкъ, а якутами теперь употребляется чаще въ смыслѣ «икона», «праздникъ»“.

Н. М.

Церковь в селении Гулекарѣ.

Образ-складень св. Георгия (2).

Образ-складонь св. Георгия (2).

Надпись на образъ-складѣ св. Георгія (2).

Чудотворная икона св. Георгия (1)

Чудотворная икона св. Георгия (†).

Надпись на чудотворной иконе св. Георгия (1).

Образъ-складень свв. Георгія и Димитрія (3).

Образы-складень свв. Георгия и Дмитрия (3).

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TU	Texte und Untersuchungen.
NZ	Νέα Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	БВ	Богословский Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	ВВр	Византийский Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНПр	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Археол. Коммиссія.
RAcL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАН	Изв Извѣстія Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрхИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологiи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСоб	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК	СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологiи, пзд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ХВ	Христіанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անահիտ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	Ար	Արարատ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Ազգագրական Հանդես.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲՀ	Բազմալեզու.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	Գա	Գեղարուեստ.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդես Ամբոբու.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		
TLZ	Theologische Literaturzeitung.		

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Нбукъ.

Октябрь 1922 г.

Исремѣнный Секретарь, академикъ С. Олденбургъ.